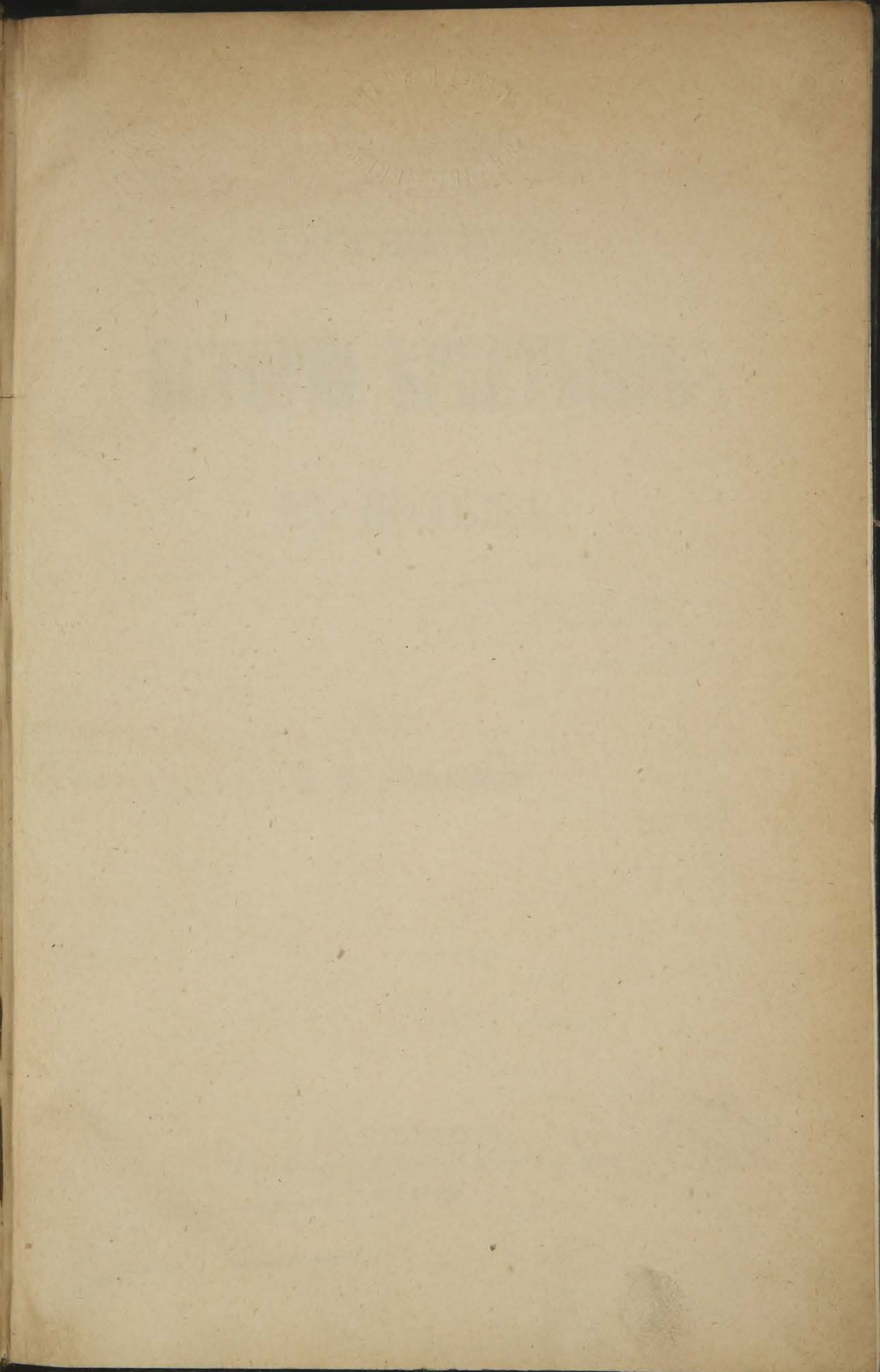
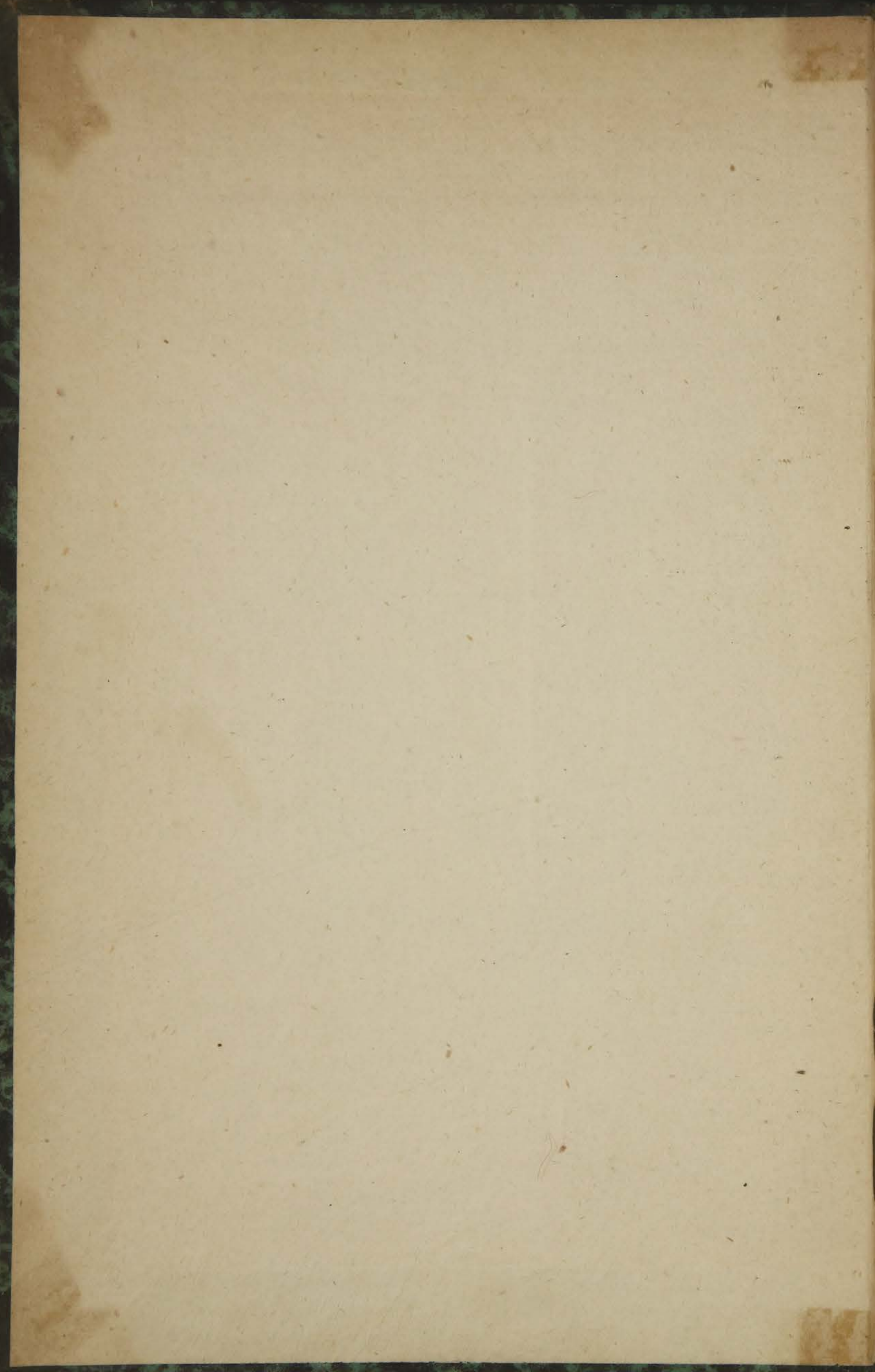

2151

257

5486

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНЪ
ВЪ ПОЛЬШѢ.

Chlopi appellantur, quam appellationem velut probosam non fert nobilitas.

Kromer, Descript. Polon.

И. А. Коренькина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Демакова. В. О., 9 л., № 22.

1869.

39

24206

u

74206

Въ типографіи В. Демакова. В. О., 9 л., № 22.

Содержатель типографіи Василій Федоровичъ Демаковъ, жительство имѣеть
В. О., 9 лив., д. № 22.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стрн.
I. Происхожденіе крестьянъ въ Польшѣ. — Ихъ національность. — Первые историческіе слѣды несвободнаго земледѣльческаго класса. — Сословія въ древней Польшѣ. — Общинное начало, лежавшее въ основаніи ея стариннаго устройства. — Раннія сношенія съ Германіею и ихъ вліяніе; государственное устройство, введенное въ Польшѣ по образу нѣмецкому. — Происхожденіе рыцарства и начало раздѣленія сословій на благородныя и неблагородныя	1
II. Распредѣленіе поземельной собственности. — Происхожденіе нѣкоторыхъ частныхъ владѣній. — Отсутствіе класса крестьянъ-собственниковъ. — Вліяніе латинскихъ проповѣдниковъ христіанства на государственное устройство Польши. — Соединеніе духовенства и шляхты въ сопротивленіи королевской власти. — Постепенное возрастаніе власти аристократіи духовной и свѣтской во время раздѣленія Польши между крестьянами Пястовской династіи. — Утвержденіе преобладанія шляхетства въ XIV в.	10
III. Различныя роды крестьянъ въ древней Польшѣ. — Крестьяне крѣпкіе землѣ; разряды ихъ. — Крестьяне свободные. — Кметы. — Кметы, пользовавшіеся правомъ земскимъ-польскимъ и пользовавшіеся правомъ нѣмецкимъ-тевтонскимъ. — Общія для всѣхъ крестьянъ названія. — Административныя и экономическія отношенія крестьянъ къ правительству. — Подати и повинности государственныя. — Запутанность порядка ихъ взиманія. — Подати постоянныя: натуральныя и денежныя. — Подати временныя, чрезвычайныя. — Особыя подати крестьянъ королевскихъ имѣній	20
IV. Подати въ пользу духовенства. — Дсятины и ихъ исторія въ Польшѣ. — Споры о десятинахъ. — Роды десятинъ, установившіеся въ Польшѣ и способъ ихъ взиманія. — Денарій Св. Петра. — Экстраординарные поборы въ пользу Римской Церкви.	34

- V. Хозяйственныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ земель, на которыхъ они жили. — Разныя разряды крестьянъ по количеству земли, состоявшей въ ихъ пользованіи. — Пропорція, въ которой находились между собою эти разряды. — Подати и повинности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ. — Примѣры различныхъ податей. — Примѣчаніе о счетѣ и цѣнности денегъ въ Польшѣ въ эту эпоху 42
- VI. Положеніе крестьянъ передъ закономъ. — Различныя законы, дѣйствовавшіе въ Польшѣ. — Право польское-земское, его органы и равноправность передъ нимъ крестьянъ съ прочими сословіями. — Право нѣмецкое и отношеніе къ нему крестьянъ. — Право каноническое и духовные суды. — Гражданскія права кметей: право собственности на имущество и право свободного перехода. — Уголовныя законы о крестьянахъ. — Солтысы дановые. — Привилегіи, получавшіяся частными владѣльцами на право суда въ ихъ владѣніяхъ. — Значеніе этого права. — Сопrotивленіе крестьянъ возраставшему преобладанію шляхты. — Крестьянское возстаніе въ XI вѣкѣ. — Усмиреніе этихъ волненій. — Невозможность, въ которой находились крестьяне защищать свои права 52
- VII. Дальнѣйшее развитіе власти шляхетства. — Зависимость, въ которую была поставлена королевская власть, полученными шляхтою привилегіями. — Окончательное утвержденіе прообладанія шляхты и происшедшее отъ того рѣзкое раздѣленіе Польскаго народа на два сословія. — Положеніе городского сословія и причины его упадка. — Права и преимущества еврейскаго населенія въ Польшѣ. — Начала государственнаго права, установившіяся въ Польшѣ 69
- VIII. Постепенное ограниченіе правъ крестьянъ въ XV-мъ вѣкѣ. — Статутъ Владислава Ягеллы. — Статутъ Іоанна Альберта. — Уничтоженіе права перехода крестьянъ. — Лишеніе ихъ правъ на земли, ими завѣтныя. — Ограниченія личныхъ правъ крестьянъ. — Уничтоженіе общихъ ихъ гражданскихъ правъ 82
- IX. Положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства и въ имѣніяхъ королевскихъ. — Референдарскій судъ. — XVI-й вѣкъ — время окончательнаго развитія крѣпостнаго права. — Экономическія условія крестьянскаго быта. — Начало развитія фольварочныхъ хозяйствъ. — Замѣна чиншей и даней издѣльною повинностью. — Первый законодательный актъ, установившій еженедѣльную панцизну. — Начало отобранія у крестьянъ земель. — Основанія пользованія крестьянъ землею, сохранившіяся въ имѣніяхъ казенныхъ. — Экономическія стѣпенія, вошедшія въ обычай въ имѣніяхъ шляхетскихъ 92

- X. Патримоніальная юрисдикція. — Измѣненіе прежняго значенія войтовъ и солтысовъ и переходъ ихъ обязанностей и власти въ руки владѣльцевъ. — Судебныя права владѣльцевъ. — Владѣлецъ — послѣдняя инстанція въ дѣлахъ уголовныхъ и духовныхъ. — Черты производства уголовныхъ дѣлъ и примѣры наказаній разныхъ преступленій и проступковъ 103
- XI. Время отъ конца XVI-го до конца XVIII вѣка — періодъ полного рабства крестьянъ. — Крестьянскія жалобы. — Безуспѣшность нѣкоторыхъ попытокъ улучшенія положенія крестьянъ. — Примѣры реформъ въ нѣкоторыхъ частныхъ имѣніяхъ. — Ихъ значеніе. — Перемѣны въ уголовномъ законодательствѣ относительно крестьянъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка. 111
- XII. Статутъ Наполеона и введеніе въ Польшу Наполеонскаго гражданскаго кодекса. — Дѣйствіе его на положеніе крестьянъ. — Мѣры, принятыя правительствомъ герцогства Варшавскаго къ ограниченію патримоніальной власти. — Отмѣна этихъ мѣръ въ 1816 и 1818 годахъ. — Постановленія сейма 1825 года. — Лишеніе крестьянъ земель и образованіе многочисленнаго класса крестьянъ безземельныхъ. — Положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ казенныхъ 120
- XIII. Указъ 26 мая 1846 года. — Поводы его изданія. — Основанія, принятыя имъ для устройства крестьянъ владѣльческихъ имѣній. — Способъ его исполненія. — Предложеніе Намѣстника Царства Совѣту Управленія 1-го іюня 1846 года. — Постановленіе Совѣта Управленія о даремщинахъ и принудительныхъ наймахъ. — Престаціонныя табели 130
- XIV. Причины безуспѣшности мѣръ, принятыхъ указомъ 1846 года. — Изъятія изъ подъ дѣйствія положеній указа, установленныя законодательнымъ путемъ, и изъятія временныя. — Постановленіе Совѣта Управленія 21 мая 1847 года о порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ владѣльцевъ. — Значеніе мѣръ принятыхъ указомъ 1846 года для послѣдовавшаго устройства быта крестьянъ въ Польшу 141
- XV. Мѣры, послѣдовавшія послѣ указа 1846 года. — Постановленіе Совѣта Управленія 1858 года о сдѣлкахъ по очиншеванію. — Характеристика операціи, называвшейся очиншеваніемъ. — Указъ 1861 года объ окупѣ и указъ 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи. — Заключеніе 152

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, НА КОТОРЫЯ ДѢЛАЮТСЯ ССЫЛКИ ВЪ
НАСТОЯЩИХЪ ОЧЕРКАХЪ СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ ГОДА И МѢСТА
ИЗДАНІЯ ¹⁾).

1. Długosz. Libri beneficiorum. Краковъ, 1863 г. Изданіе Пршездѣцкаго.
2. Jus Polonicum codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis edidit I. V. Bandtkie. Varsoviae MDCCCXXXI.
3. Volumina legum. Изданіе Варшавское, 1732 — 1782 годовъ. На страницахъ С.-Петербургскаго изданія I. Огрызки (1859—1860 г.) обозначены страницы перваго изданія.
4. Bandtkie-Stęzynski. Historya Prawa Polskiego. Warszawa. 1850 г.
5. Bandtkie. Prawo prywatne Polskie. Warszawa. 1851 г.
6. Czacki. O dziesięcinach. Warszawa. 1801 г.
7. Lelewel. Początkowe prawodawstwo polskie. Warszawa. 1828 г.
8. Lubomirski. X. T. Rolnicza ludność w Polsce. Warszawa. 1862 г.
9. Maciejowski. Historya prawodawstw Słowiańskich. Warszawa. 1832 г.
10. Miączyński. Rosprawa o dziesięcinach. Kraków. 1816 г.
11. Naruszewicz. Historya narodu Polskiego. Изданіе Варшавское, начатое въ 1780 году со втораго тома. Томъ первый издало въ 1824 году Варшавское Towarzystwo przyjaciół nauk.
12. Stawiski. Poszukiwania do Historyi rolnictwa krajowego. Warszawa. 1858 г.
13. Surowiecki. O upadku przemysłu i miast w Polsce. Warszawa. (безъ года).

¹⁾ Ссылки на изданія здѣсь не поименованныя, извлечены изъ перечисляемыхъ сочиненій.

14. Waga Teodor. Hisiorya Książąt u Królów Polskich. Poznań. 1859 г.
 15. Гильфердингъ. Исторія Балтійскихъ Славянъ. Москва. 1855 г.
 16. Кояловичъ. Лекціи по Исторіи Западной Россіи. Москва. 1864 г.
 17. Сборникъ прежнихъ законовъ и постановленій о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ. Варшава. 1864 г.
 18. Шафарикъ. Славянскія древности. Пер. Бодянского. Москва. 1837 г.
 19. Шлецера. Несторъ. Пер. Языкова. Спб. 1809 г.
 20. Lelewel. Histoire de Pologne. Paris. 1844 г.
 21. Lelewel. Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple. То же издание.
-

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
1	10 снизу	издавнo	издавнa
12	14 снизу (въ прим.)	lornictwa	rolnictwa
24	4 и 3 снизу	національностью	національности
44	7 и 8 сверху	переворот	переворота
45	11 и 12 —	самымъ выгоднымъ способомъ	самый выгодный способъ
48	1 снизу (въ прим.)	voln:	roln.
8	1 и 2 — —	Pozukiwaien	Poszukiwania
50	10 сверху —	scatus	scotus
51	1 снизу —	1/2 гривны	2 1/2 гривны
53	7 —	католическое	каноническое
56	2 сверху (въ прим.)	Kładno	Kłodno
74	15 —	Послѣдствіе	Послѣдствія
89	2 снизу (въ прим.)	denique	denique
97	14 —	въ	къ
99	8 сверху	въ	къ
108	4 —	покладывали	накладывали
130	1 —	своихи	своихъ
0	2 —	достигль	достигли
0	7 —	Государ	Государь
133	15 —	возгла-	возла-
136	13 —	выполняющато	выполняющаго
140	1 —	оонованіи	основаніи
142	14 снизу	стѣнять	стѣснять
143	11 сверху	владѣль,	владѣль-
3	12 —	садовники-	садовники,
3	1 снизу	землю.	землю;
144	14 сверху	распоряженія	распоряженія
146	12 снизу	отбываемыи	отбываемыя
155	8 —	инстинктивно	инстинктивно

Chlopi appellantur, quam appellationem velut probosam non fert nobilitas.

Kromer, Descript. Polon.

I.

Происхождение крестьянъ въ Польшѣ.—Ихъ національность.—Первые историческіе слѣды несвободнаго земледѣльческаго класса.—Сословія въ древней Польшѣ.—Общинное начало, лежавшее въ основаніи ея стариннаго устройства.—Раннія сношенія съ Германією и ихъ вліяніе; государственное устройство, введенное въ Польшѣ по образцу нѣмецкому.—Происхождение рыцарства и начало раздѣленія сословій на благородныя и неблагородныя.

Въ Польшѣ, какъ въ государствѣ возникшемъ не вслѣдствіе завоеванія одного народа или племени другимъ, а образовавшемся черезъ соединеніе въ одно государственное тѣло разныхъ славянскихъ племенъ, издавно населявшихъ тѣ земли, которыя вошли въ ея составъ, земледѣльческій крестьянскій классъ возникъ мало по малу изъ природныхъ ея обитателей славянъ и образовался по мѣрѣ того, какъ шляхетскій классъ сталъ выдѣляться изъ древняго польскаго общества и возвышаться надъ общимъ его уровнемъ. Нѣкоторыми писателями по Польской Исторіи было выражено мнѣніе, что польскіе крестьяне произошли отъ невольниковъ, съ незапамятныхъ временъ существовавшихъ на польской землѣ. Одни выводятъ происхожденіе ихъ отъ покоренныхъ Славянами Сарматовъ, другіе припи-

сываютъ образованіе несвободныхъ земледѣльческихъ классовъ въ Польшѣ покоренію однихъ племенъ другими; ¹⁾ предположеніе это не основано на доводахъ, которые исторія могла бы признать достаточными. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ составъ земледѣльческаго населенія Польши, кромѣ славянъ тѣхъ племенъ, изъ которыхъ она образовалась, вошли частію и другія народности, нѣмцы и славяне не принадлежавшихъ къ Польшѣ племенъ, какъ западныхъ такъ и восточныхъ. Эта примѣсь происходила черезъ колонизацію и черезъ поселеніе на свободныхъ земляхъ плѣнныхъ набранныхъ на войнѣ. Нѣмцы стали устраивать колоніи въ Силезіи уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Поводы къ такой колонизаціи были различны: войны, родственныя связи, татарскія нашествія, послѣ которыхъ нѣмецкія колоніи селились на опустошенныхъ земляхъ. Что касается военно-плѣнныхъ, то въ древнее время ихъ переселяли въ Польшу въ довольно значительномъ количествѣ ²⁾. Однако слѣдуетъ за-

¹⁾ Naruszewicz, Hist. narodu polskiego, II, стр. 291, 296, VI, стр. 355, VII, стр. 72. Нарушевичъ говоритъ, что такое происхожденіе даже вселило въ сельскій людъ Польши убѣжденіе, что онъ родился для неволи. Кояловичъ (Лекціи по Исторіи Запад. Росс., стр. 108, 109) полагаетъ, что славянскія племена, заселившія Польшу раньше, были впоследствии покорены племенемъ Ляховъ, пришедшимъ позже и образовавшимъ шляхетскій классъ польскаго народа. Выраженіе Ляхи, Leshici, во всѣхъ древнихъ памятникахъ не только Польскихъ, но и другихъ Западно-Славянскихъ, употреблялось для обозначенія сословія, а не племени. Такъ напр. Любуша говоритъ обращаясь къ своему сейму: «Мои кметы, лехи и владыки!» (т. е бояре, дружина и выборные). Любушинъ судъ, стр. 60. Гильфердингъ, Ист. Галтійскихъ Славянъ, I, 203. Несторъ говоритъ: «Словѣне же ови пришедше и седоша на Вислѣ рецѣ, и прозвашася Ляховѣ; а иніи о тѣхъ Ляховѣ прозвашася Поляне, а Ляхове друзіи Лутичи, иніи Мазовшане, иніи Поморяне.» Шлецера Несторъ, пер. Языкова, I, 114. Поэтому у Нестора «Ляхъ есть общее названіе народа, а слѣдующія составляютъ виды онаго», говоритъ Шлецеръ (стр. 143).

²⁾ Дитмаръ Епископъ Мерзебургскій (ed. Wagnera, стр. 129) говоритъ, что Болеславъ I вывелъ болѣе 3000 плѣнныхъ съ береговъ Эльбы. Кадлубекъ, описывая подъ 1113 годомъ подвиги Болеслава III въ Помераніи и взятіе замка Накеля, говоритъ: «multa in super millia suis vineta loramenti (polonice troki) in Poloniae colonias transvecta» (изд. Лейпц., стр. 712). Болеславъ III перевелъ въ Польшу 8000 плѣнныхъ. Anonim vitae S. Ottonis. L. II, с. 5. Оботритовъ, покоренныхъ Генрихомъ Львомъ, Датчане и Поморяне въ 1164 году продавали Полякамъ и чехамъ. Helmold, Chronica Slavorum. L. II, с. 5. Bandtkie, Hist. pr. Polskiego, стр. 89.

мѣтить, что военно-плѣнные стали умножать собою несвободный классъ земледѣльцевъ только съ XI вѣка или около этого времени; по древнимъ славянскимъ обычаямъ военно-плѣнные не дѣлались невольниками и если не выкупались, то скоро сливались съ тѣми племенами, къ которымъ попадали. ¹⁾ Однако, несмотря на эту примѣсь, главная масса земледѣльческихъ классовъ Польши состояла изъ польскихъ славянъ и мало по малу лишилась свободы вслѣдствіе иныхъ причинъ. Когда Славяне прибыли на тѣ земли, на которыхъ имъ предстояло разыгрывать свою историческую роль, то въ тѣ времена врядъ-ли они могли заниматься земледѣліемъ, они были народомъ кочующимъ; усѣвшись на земляхъ, которыя они заняли, они нашли не обработанную почву и воздѣланные поля, а непроходимые лѣса, дебри и болота; если они и нашли кого-нибудь на этихъ мѣстахъ, то такихъ же дикихъ кочевниковъ, какими были и они сами; отнимать у нихъ было нечего и обращать въ неволю не зачѣмъ. Если славяне и покорили кого-нибудь, то покоренные такъ быстро и незамѣтно слились съ ними, что и слѣдовъ по нимъ нѣтъ никакихъ: посему бесполезно было бы искать причинъ образованія впослѣдствіи несвободныхъ земледѣльческихъ классовъ въ Польшѣ въ порабощеніи невѣдомыхъ исторіи и, можетъ быть, вовсе несуществовавшихъ народовъ. Народы, занявшіе западную Европу, нашли уже землю обработанную Римлянами и покоренными ими племенами, и по завоеваніи присвоивали себѣ извѣстную часть земель и невольниковъ; въ Польшѣ же постепенное подчиненіе земледѣльческихъ классовъ народа шляхетскому произошло подъ вліяніемъ Римско-Германскихъ началъ и произошло не вдругъ, а развилось мало по малу вмѣстѣ съ развитіемъ государственнаго и общественнаго быта Польши. Самые земледѣльческіе термины, которые вошли впослѣдствіи въ употребленіе, не славянскаго происхожденія, напр.: *lan* (*laneus, Lahn, Lehn*), *wójt* (*Vogt, Voigt, advocatus*),

¹⁾ Шафарикъ, ссылаясь на свидѣтельство Императора Маврикія, объясняетъ что «плѣнный лишь только какимъ бы то ни было образомъ ступалъ на Славянскую землю, тотчасъ переставалъ быть невольникомъ и никто не имѣлъ болѣе права надъ его особой» (Славянск. древн., пер. Бодянскаго, т. I, кн. 3, стр. 284).

sołtys (scultetus, schuldheiss, schultz), pług (Pflug), folwark (Vorwerk) и пр. Еще предъ XII вѣкомъ встрѣчаются въ Польшѣ несвободные земледѣльцы подъ названіями: poddani, adscriptitii, glebae adscripti, rustici serviliis conditionis, произшедшіе вѣроятно отъ военно-плѣнныхъ, но они не были совершенными невольниками, не только въ то время, но еще и гораздо позже. «Настоящая неволя была лишь плодомъ золотой шляхетской вольности и временъ Рѣчи Посполитой», говоритъ Бандкѣ въ своей Исторіи Польскаго права. Пока славянскія племена, вошедшія въ составъ Польши, еще не образовали особаго государства, т. е. до IX вѣка, всѣ они жили общинами, между членами которыхъ существовало совершенное равенство во всѣхъ правахъ. Нигдѣ, ни у одного изъ древнихъ писателей, отъ которыхъ дошли до насъ первыя извѣстія о славянахъ, нельзя найти слѣдовъ какого-либо различія въ этомъ отношеніи между членами славянскихъ, а въ томъ числѣ и польскихъ, племенъ. Между племенами, вошедшими въ составъ Польши, издавна существовало право личной поземельной собственности наряду съ правомъ собственности общественной въ составѣ общины. Вѣроятно право личной поземельной собственности произошло въ Польшѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ древней Руси, т. е. завладѣніемъ землями пустыми и ни кѣмъ не занятыми. Такое происхожденіе личной поземельной собственности всего вѣроятнѣе, такъ какъ славянское общинное устройство было въ полной силѣ въ древней Польшѣ, притомъ невольничество не было въ обычаяхъ славянскихъ общинъ и противорѣчило духу народному; слѣдовательно завладѣніе землями уже занятыми или насильственное заселеніе земель частными собственниками было невозможно. Народъ въ древней Польшѣ любилъ свободные переходы съ мѣста на мѣсто и охотно селился на чужихъ земляхъ, даже и на принадлежавшихъ сосѣднимъ племенамъ, лишь бы за нимъ сохранялась неприкосновенною личная свобода и возможность жить сельскими общинами. Въ древней Руси также право частной поземельной собственности развилось наряду съ правомъ общиннаго землевладѣнія и можно съ достовѣрностью полагать, что причины и способы образованія общиннаго и частнаго зем-

левладѣнія и тутъ и тамъ были одинаковы. Для всѣхъ членовъ славянскихъ общинъ были одни законы, одни суды, одни обычаи, одни обязанности къ обществу; въ этомъ отношеніи и у Польскихъ славянъ члены сельскихъ общинъ (kmięci) и личные поземельные собственники (leſchici) не разнились между собою. Всѣ члены обществъ имѣли одинаковый доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, даже самымъ высшимъ. Древніе короли Польскіе, Попели и Пясты, были по происхожденію своему кмети; и долго помнили это польскіе крестьяне. Черезъ нѣсколько вѣковъ, когда положеніе ихъ уже совершенно измѣнилось, въ жалобахъ своихъ упоминали они, что крестьянское сословіе дало Польшѣ этихъ королей, называя ихъ «кость отъ костей нашихъ».

Впрочемъ раздѣленіе на сословія началось въ Польшѣ съ самыхъ древнихъ временъ, еще задолго до введенія Христіанства; при введеніи его это раздѣленіе уже существовало. Первоначально въ Польшѣ возникновеніе высшаго класса, впоследствии получившаго названіе шляхетскаго, было естественнымъ послѣдствіемъ неравенства силъ, способностей и другихъ условій, неравенства неизбежнаго во всякомъ человѣческомъ обществѣ; и въ древней Польшѣ люди, которые, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, или вслѣдствіе другихъ какихъ-либо обстоятельствъ, успѣли пріобрѣсти богатство и значительное количество поземельной собственности, очень скоро выдвинулись изъ общаго уровня своихъ одноплеменниковъ и образовали особый классъ, которому стали присвоивать особыя названія. вмѣстѣ съ образованіемъ этого класса явилось между нѣкоторыми изъ его членовъ стремленіе къ преобладанію и власти надъ своими бѣднѣйшими и слабѣйшими сосѣдями, и изъ этого возникали еще въ самое отдаленное время разныя столкновенія и ссоры между ними и соплеменниками ихъ, жившими въ составѣ общинъ.

Крестьяне польскіе также долго помнили такое происхожденіе своей шляхты и впоследствии они напоминали шляхтѣ, которая, со свойственнымъ тѣмъ временамъ невѣжествомъ, выводила происхожденіе свое и крестьянъ отъ разныхъ сыновей

Ноя, что она достигла власти и значенія отпрягши прежде воловъ отъ плуга. ¹⁾

Но несмотря на издавна существовавшее раздѣленіе сословіи въ древней Польшѣ, несомнѣнно то, что въ ней всѣ граждане, какъ частные землевладѣльцы, составлявшіе какъ-бы высшій классъ, такъ и члены общинъ, пользовались совершенно одинаковыми гражданскими и политическими правами.

Во всемъ устройствѣ тогдашней Польши, или лучше сказать того, что должно было впоследствии получить это названіе, господствовало общинное начало; не было правителя, который обладалъ бы цѣлымъ народомъ, страна управлялась общими сходами, на которыхъ участвовалъ каждый глава семейства; на этихъ народныхъ сходахъ выбирались старшины и воеводы, творился судъ и устанавливались законы и обычаи. Богуфаль свидѣтельствуешь, что Ляхи не имѣли ни короля, ни князя, жили между собою какъ дѣти одного отца—что они выбирали 12 старшинъ, которые управляли краемъ, рѣшали споры, не требуя ни податей, ни повинностей.

Какія названія носили эти выборные старшины,—старосты ли, жупановъ ли, князей ли,—съ точностью не извѣстно, но они были вмѣстѣ и правителями народными и судьями; воеводы избирались для предводительства войскомъ. Изъ числа этихъ воеводъ тѣ, которые вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ, вызванныхъ разными столкновеніями съ сосѣдными народами и необходимостью защиты, долго управляли дѣлами страны и успѣвали приобрѣсть себѣ значительное вліяніе, легко могли мало по малу обратиться въ князей, сначала пожизненныхъ, а потомъ и наслѣдственныхъ. ²⁾

¹⁾ Tadeusza X. Lubomirskiego — Rolnicza ludność w Polsce, стр. 45.

²⁾ Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что Св. Вацлавъ въ чешской пѣснѣ Архіепископа Эрнеста (XIII в.) названъ воеводою Чешской земли, а князя Зембицкаго, въ Силезіи, еще Владиславъ II въ XV вѣкѣ называлъ воеводою Мюнстербергскимъ. Bandtkie, Hist. prawa polskiego, стр. 47. Тотъ же авторъ говоритъ далѣе: «Później, gdy Naczelniców narodu nazwano Kniaziami, Książętami, Królami, tytuł Wojewodów dostał się Żupanom, Starostom, bo takie poniżenie tytułów w biegu czasów starożytnych, a nawet i nowszych w wieku XVIII, nie jest rzadkiem.»

Славянскія племена, вошедшія въ составъ Польши, по самому положенію своей территоріи, должны были скорѣе другихъ, поселившихся далѣе на востокъ, придти въ столкнове- ніе съ міромъ Германскимъ, который и имѣлъ огромное влія- ніе на всю судьбу Польскаго государства. Вліяніе это было пагубно для дальнѣйшей судьбы земледѣльческаго населенія Польши и при самомъ возникновеніи и образованіи Польска- го государства выразилось главнѣйшимъ образомъ въ двухъ обстоятельствахъ: 1) оно способствовало все болѣе и бо- лѣе глубокому раздѣленію народа Польскаго на два класса, внесши въ бытъ его не свойственныя славянскимъ обществамъ понятія о подданствѣ низшихъ классовъ высшимъ, и 2) оно было причиною того, что христіанство распространилось въ Польшѣ въ формѣ Римскаго Католицизма.

Въ то время когда собиралось и возникало Польское го- сударство, т. е. въ концѣ IX-го и въ X-мъ вѣкѣ, въ Герман- ской имперіи вассальное подчиненіе низшихъ классовъ на- рода высшимъ было органическимъ закономъ ея быта. Весьма естественно съ одной стороны, что въ сношеніяхъ своихъ съ слабѣйшими сосѣдями своими, какова была въ то время Польша, государи германскіе старались навязать имъ свои феодальные порядки, а съ другой стороны также естественно, что госу- дари и значительные землевладѣльцы Польши довольно охотно принимали ихъ въ томъ, что явно клонилось къ ихъ выгодамъ и что давало имъ власть и преобладаніе надъ массами бѣд- нѣйшихъ ихъ соплеменниковъ. Конечно такія стремленія со стороны богатыхъ землевладѣльцевъ не могли не вызвать со- противленія со стороны земледѣльцевъ общинниковъ; въ самыя древнія времена бывали между обоими классами столкновенія, и еще довольно долго польскіе общинники ревниво охраняли свои права и даже съ оружіемъ въ рукахъ возставали на ихъ защиту.

Вмѣшательство нѣмцевъ въ польскія дѣла начинается вмѣ- стѣ съ Исторією Польскаго государства.

Уже первые польскіе государи изъ династіи Пястовъ, ста- раясь о распространеніи своихъ владѣній, приходили въ столк- новеніе съ германскимъ государствомъ, и, не будучи довольно

сильными, чтобы бороться съ нимъ, и имѣя притомъ нужду въ его покровительствѣ въ дѣлахъ своихъ съ другими своими сосѣдями, они признавали себя вассалами Германскихъ Императоровъ; такъ поступилъ Мечиславъ († 992 г.). Нѣмцы стали смотрѣть на него какъ на своего марграфа. ¹⁾ И это подчиненіе не было одной пустой формой, а имѣло существенное вліяніе на внутренній бытъ Польскаго государства. Польскіе писатели ²⁾, опираясь на слова хроники Кадлубка, говорятъ, что государственное устройство, введенное Земовитомъ въ Польшѣ, какъ по части военной, такъ и гражданской, было заимствовано имъ отъ Нѣмцевъ. Вліяніе Нѣмцевъ обнаружилось яснѣе при наслѣдникѣ Мечислава Болеславѣ Великомъ († 1025). Болеславъ былъ уже сильнѣе отца, вель съ императоромъ Генрихомъ II удачныя войны и казалось уже не такъ нуждался въ покровительствѣ Нѣмцевъ; однако германскія начала уже успѣли пустить свои корни въ его государствѣ, нашедши удобную для себя почву въ тѣхъ его сословіяхъ, къ явной выгодѣ которыхъ они клонились. Слѣды этихъ началъ видны въ административномъ устройствѣ, утвердившемся при немъ; страна дѣлилась на уѣзды, или города, въ главныхъ изъ нихъ устраивались укрѣпленные замки и въ нихъ сосредоточивалось мѣстное управленіе, находившееся въ рукахъ Кастелляновъ и Старость. ³⁾

Военное сословіе было устроено Болеславомъ по образцу нѣмецкому; онъ старался имѣть многочисленное войско, вводилъ въ Польшѣ рыцарство и самъ посвященъ былъ въ рыцари. ⁴⁾ Сословіе рыцарей и чиновниковъ стало особымъ классомъ народа, получившимъ по образцу западному названіе благородныхъ (*nobiles*). Всѣ тѣ, которые не были рыцарями или не отправляли какой-либо государственной должности, стали считаться неблагородными (*ignobiles*).

¹⁾ Teodora Wagi Hist. Ks. i Kr. Pols., стр. 82.

²⁾ Ossolinski, Wiadomości historyczno-krytyczne, II, 412, 572,—Bandtkie, Hist. prawa Polsk., стр. 51.

³⁾ Bandtkie, Historia prawa polsk., стр. 48.

⁴⁾ Ditmar (ed. Wagnera, стр. 190, 191) говоритъ о Болеславѣ I: «manibus, applicatis miles efficitur, beneficium diu desideratum suscepit».

Въ это время появился уже въ Польшѣ классъ рабовъ (servi) и не вполне освобожденныхъ невольниковъ (liberati), которые происходили какъ кажется отъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ; исчезъ древній славянскій обычай, по которому военно-плѣнные не обращались въ невольничество.

Рольники, кмети, свободные земледѣльцы, жившіе на земляхъ владѣльческихъ, церковныхъ и королевскихъ и несшіе за то повинности владѣльцамъ сихъ земель, составляли однакоже самый многочисленный классъ народа.

II.

Распределение поземельной собственности.—Происхождение нѣкоторыхъ частныхъ владѣній.—Отсутствіе класса крестьянъ собственниковъ.—Вліяніе латинскихъ проповѣдниковъ христіанства на государственное устройство Польши.—Соединеніе духовенства и шляхты въ сопротивленіи королевской власти.—Постепенное возрастаніе власти аристократіи духовной и свѣтской во время раздѣленія Польши между князьями Пястовской династіи.—Утвержденіе преобладанія шляхетства въ XIV в.

Когда устроилось Польское государство и династія Пястовъ успѣла утвердить свою власть, то государи стали считаться владѣтелями и какъ-бы верховными собственниками всей земли; ¹⁾ независимо отъ сего имъ лично принадлежали различныя имѣнія, и они были исключительными владѣльцами всѣхъ земель пустыхъ и никѣмъ еще не обработанныхъ. ²⁾ Короли раздавали эти имѣнія, состоявшія изъ замковъ и городовъ съ цѣлыми населенными округами къ нимъ принадлежавшими, частнымъ лицамъ. «Всѣ замки—говоритъ Нарушевичъ—были собственностью королей, съ обширными волостями къ нимъ принадлежавшими, и то, что мы встрѣчаемъ теперь подъ названіемъ аббатствъ, епископствъ, староствъ, арендъ, ленностей

¹⁾ О Болеславѣ I Длугошъ говоритъ: «ratione supremi juris obventiones ex villa qualibet perciebat.»

²⁾ Bandtkie, Hist. pr. polsk., стр. 138, 142.

и войтовствъ,—все это принадлежало королямъ и отъ нихъ раздробилось по разнымъ владѣльцамъ.» ¹⁾ Вмѣстѣ съ замками и волостями короли передавали частнымъ лицамъ и права на разныя подати и повинности, которыми жители этихъ волостей обложены были въ ихъ пользу въ силу ихъ верховныхъ правъ на землю.

Впослѣдствіи при преемникахъ первыхъ королей изъ династіи Пястовъ, частныя владѣльцы посредствомъ привилегій сначала личныхъ, а потомъ и общихъ, все болѣе и болѣе расширяли кругъ своихъ владѣльческихъ правъ; примѣръ въ этомъ отношеніи показывало духовенство и наконецъ къ концу XV вѣка права эти разрослись дотого, что нѣкоторые владѣльцы получили не только право суда на пространствѣ своихъ владѣній, но даже право чеканить монету.

Кромѣ этого способа, которымъ образовалось множество весьма значительныхъ частныхъ имѣній, цѣлыя населенныя округа мало по малу обращались въ частную собственность другимъ путемъ. Различнымъ должностямъ (*officia*), какъ то: воеводамъ, старостамъ, кастелянамъ, были отдаваемы имѣнія, которыя дѣлались ихъ принадлежностью и мало по малу, въ особенности при слабомъ управленіи князей Пястовской династіи и при возникшемъ въ то время въ Польшѣ разновластіи, легко могли дѣлаться собственностью сильныхъ воеводъ; ²⁾ это

¹⁾ Naruszewicz, *Hist. narodu polsk.*, VII, 41.

²⁾ Maciejowski (*Historya prawodawstw słowiańskich*, т. I, стр. 133) говоритъ, что, по обычаю тогдашнихъ временъ, высшимъ должностнымъ лицамъ, за службу въ видѣ жалованья, давались въ пользованіе земскія имѣнія; жалованье же платилось только самымъ низшимъ чиновникамъ. Мацѣвскій однако не признаетъ, чтобы эти имѣнія становились частною (ленною) собственностью лицъ, которымъ давались, и въ доказательство своего мнѣнія приводитъ 1) примѣръ древней Россіи, гдѣ былъ тотъ же обычай и гдѣ тавія имѣнія не дѣлались собственностью должностныхъ лицъ, и 2) то, что изъ числа древнихъ памятниковъ въ которыхъ говорится о такихъ временныхъ владѣльцахъ, только въ тѣхъ, которые написаны на Латинскомъ языкѣ, встрѣчается общее для нихъ названіе *Beneficium*, *Beneficiarii*, въ написанныхъ же на Польскомъ языкѣ общаго имени для нихъ не встрѣчается. Что имѣнія, дававшіяся въ вознагражденіе за службу на время ея продолженія, не дѣлались собственностью должностныхъ лицъ *de jure*, въ этомъ можетъ и не быть сомнѣнія, по доводы Мацѣвскаго едва ли достаточны, чтобы доказать, что они не дѣлались сю *de facto*.

тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ старину сильнѣйшіе воеводы приобрѣтали себѣ даже права независимыхъ правителей и позднѣе названіе воеводъ осталось за разными независимыми князьями.

Какъ бы то ни было, но съ XIV, а можетъ быть даже и съ XIII вѣка, уже не встрѣчается крестьянъ земледѣльцевъ, владѣющихъ землею на правѣ собственности, и всѣ земли принадлежатъ либо королю, либо частнымъ лицамъ: духовенству и шляхтѣ, какъ высшей, такъ и низшей. ¹⁾

Во всемъ этомъ устройствѣ, введенномъ въ Польшѣ первыми Пястами, видны уже послѣдствія сношеній съ Германскою Имперіею, послѣдствія, вызваннаго необходимостью, под-

¹⁾ Joachim Lelewel, Początkowe prawodawstwo polskie. Warsz. 1828 г., стр. 128, 130, 292. Maciejowski, Hist. prawodawstw słow., I, стр. 136. Warsz. 1832 г. Мацѣвскій, оцѣ овергая мнѣніе Лелевеля о томъ, что вся поземельная собственность была въ рукахъ шляхты, въ доказательство приводитъ *pauperes milites seu villani*, о которыхъ упоминается въ статутѣ Казимира Великаго. Самое сопоставленіе выраженій: «*pauperes milites*» и «*villani*» уже доказываетъ, что это не были крестьяне; М цѣвскій въ другомъ мѣстѣ (122) говоритъ «*każdy gruntu właściciel był obowiązany prawu rycerskiemu ulegać, i tѣm samѣm od innych wiѣcej znaczył.*» Далѣе Мацѣвскій объясняетъ: «*że nawet i skibę gruntu posiadaiący do prawa rycerskiego czyli szlacheckiego należy*» и «*pauperes milites prawa rycerskiego używać, i tym także sposobem, a przynaumniej w pewnym względzie, uszlacheć się mogli.*» Изъ этого ясно видно, что эти *pauperes milites* принадлежали къ низшему слою шляхетства и были чѣмъ-то вродѣ того, что извѣстно теперь въ Польшѣ подъ именемъ мелкой шляхты. Самое право полной собственности въ Польшѣ всегда называлось и до сихъ поръ называется шляхетскимъ правомъ въ отличіе отъ другихъ видовъ собственности: заставнаго, эмфитевтическаго и пр. Ставискій (*Poszukiwania do Historyi łownictwa krajowego*, стр. 63, 64), хотя и признаетъ, что крестьяне собственники въ XII и XIII столѣт. составляли рѣдкое исключеніе изъ общей массы крестьянъ, однако доказываетъ, что они существовали, основываясь на томъ, что въ нѣкоторыхъ привилегіяхъ того времени крестьяне названы *haeredes*.—Выраженіе *haereditas* въ приложеніи къ землѣ, на которой жили крестьяне, никакъ не должно смѣшиваться съ правомъ собственности; это выраженіе можетъ единственно означать ихъ наследственное право на пользованіе ею. право, которое всегда и признавалось за крестьянами законами того времени. Доказательствомъ тому служатъ тѣ же привилегіи, въ которыхъ исчисляются повинности, лежавшія на этихъ крестьянахъ—*haeredes* въ пользу владѣльцевъ; въ одной изъ нихъ, приводимой Ставискимъ, есть выраженіе: «*adscriptitii haeredes*»; если принимать выраженіе «*haeredes*» въ смыслѣ собственниковъ, то вышло бы, что крестьяне были собственниками той земли, къ которой они были привязаны.

чиненія Германскимъ государямъ первыхъ королей изъ династїи Пястовъ; притомъ возникавшей въ то время шляхтѣ польской были весьма выгодны нѣкоторыя государственныя начала Германїи; а во внесенїи ихъ въ строй жизни тогдашней Польши какъ короли, такъ и шляхта нашли себѣ могущественнаго пособника въ лицѣ Римской Церкви.

Въ IX вѣкѣ христіанство стало распространяться между славянскими племенами, и ученіе его проникало въ земли занятыя славянами съ двухъ сторонъ, изъ Византіи и изъ Рима. Миссіонеры византійскіе первые начали проповѣдь свою, они успѣшно обращали въ христіанство Болгарь и изъ Болгарїи перенесли свою дѣятельность въ Чехїю и далѣе въ глубь Славянства. Проповѣдь византійскихъ миссіонеровъ шла успѣшно и не встрѣчала сопротивленія со стороны племенъ, между которыми она распространялась; дѣло же западныхъ проповѣдниковъ долго шло не такъ успѣшно. Причина тому была та, что апостолы византійскіе средствами для своей проповѣди избрали распространеніе славянской письменности и, опираясь на начала народныя, вносили вмѣстѣ со свѣтомъ христіанства свѣтъ понятной и родной народу науки; притомъ не видно, чтобы они вмѣшивались въ управленіе и старались своекорыстно вліять на общественное устройство тѣхъ странъ, въ которыя шли съ своею проповѣдью. По этимъ причинамъ имъ внимали безъ опасеній и принимали ихъ ученіе охотно и легко. Апостолами Римской Церкви явились по большей части нѣмцы и вмѣстѣ съ проповѣдью на непонятномъ славянамъ языкѣ вносили съ собою противныя Славянству германскія государственныя и общественныя начала. Славяне сопротивлялись и защищали свою народность всѣми силами. Современный свидѣтель (Helmold) описываетъ, что они говорили нѣмецкимъ дукамъ, насильственно ввопившимъ къ нимъ христіанство, слѣдующія слова: «Вы чтите вашего Бога, а мы васъ чтить будемъ, если будете съ нами справедливы. Вы хотите, чтобы мы строили храмы, давали священникамъ десятину, и отягчаете насъ податями. Намъ остается только уходить къ морю, и селиться надъ его пропастями. Не наша будетъ вина, если мы примемся тамъ за разбой, а тѣхъ, которые насилїями выгоняютъ насъ изъ нашихъ

земель.» ¹⁾ Раздражаемые успѣхами византійскихъ апостоловъ, латинскіе проповѣдники старались всѣми средствами остановить ихъ; римскій престоль однакоже одобрилъ славянскихъ проповѣдниковъ; это обстоятельство—говоритъ Вага ²⁾—вызвало насильственныя со стороны нѣмецкихъ проповѣдниковъ дѣйствія и славяне оружіемъ принуждены были защищаться отъ ихъ ученія. «Славяне—говоритъ тотъ же историкъ—разбѣгались по греческимъ и нѣмецкимъ землямъ, обращались въ грековъ или нѣмцевъ; общинное устройство ихъ пропадало и мало по малу они дѣлались крѣпкими землѣ и становились собственностью своихъ господъ.»

Но, отказавшись отъ помощи убѣжденія, латинскіе проповѣдники, при распространеніи пропаганды своей между племенами, вошедшими въ составъ Польши, все-таки имѣли въ рукахъ своихъ сильныя средства: оружіе нѣмцевъ и интересы начинавшаго возникать высшаго класса землевладѣльцевъ, уже стремившагося къ преобладанію подѣ вліяніемъ понятій, заимствованныхъ отъ Германіи. Вотъ что говоритъ объ этомъ Піаръ Вага, котораго нельзя заподозрить въ желаніи говорить что-либо противъ Римской Церкви: «Сельское населеніе долго не было расположено отказаться отъ своей народной (языческой) вѣры; оно предчувствовало въ этомъ погубель своего народнаго начала. Евангельская наука должна была безъ сомнѣнія быть ему благопріятною и укрѣпить его, но цивилизація того вѣка относилась къ этому иначе. Свѣтъ проповѣди скорѣе всего принимали знатнѣйшіе, т. е. тѣ, которые, ради удержанія своей власти, не страшились ввѣряться опеку нѣмцевъ. Проповѣдники латинскаго обряда проповѣдывали вмѣстѣ съ тѣмъ и единство Церкви въ имперіи (Римско-Германской), такъ, что служившій Церкви служилъ и имперіи, и ему было всего лучше, если его причисляли къ нѣмецкому государству въ качествѣ графа, марграфа или герцога, императорскаго лен-

¹⁾ Helmold, Chronica Slavor. Lubecae 1659. L. 1, c. 83, pag. 185. Bandtkie, Historia prawa polskiego, стр. 20 и 21. Дукъ и капланъ отвѣчали на эти слова, что это одно богохульство и что съ язычниками нельзя поступать иначе.

²⁾ Teod. Wagi Hist. Csiarz. i Król. pols., ст. 75.

ника, какъ то оказалось удобнымъ и выгоднымъ для Чешскаго князя. Начало общинное этимъ уничтожалось. Знатные и могущественные роды поднимались, притѣсняли сельское населеніе, принимая цивилизацію, идеи и стремленія аристократіи нѣмецкой, а власть королевская находила въ этомъ средство для устройства и укрѣпленія государства. Во время таковыхъ преобразованій въ средѣ Славянства, развилась Польша.»¹⁾ Бандткѣ, въ своей исторіи польскаго права, прямо приписываетъ вліянію нѣмцевъ и введенныхъ ими вмѣстѣ съ христіанствомъ понятій, возникшее впоследствии въ Польшѣ крѣпостное право и рѣзкое раздѣленіе двухъ сословій; на это онъ указываетъ неоднократно.

Латинство стало распространяться въ Польшѣ уже съ X вѣка, а можетъ быть и ранѣе. Въ 965 году Мечиславъ I крестился въ Гнѣзнѣ, его примѣру скоро послѣдовалъ высшій классъ народа. Съ этого времени стала образовываться въ Польшѣ духовная іерархія, но окончательно католицизмъ распространился въ Польшѣ только во времена Болеслава I (992—994); впрочемъ сельскій людъ въ Польшѣ въ то время далеко еще не отказался отъ сопротивленія введенію вѣры, въ которой онъ чюялъ одну изъ главныхъ причинъ будущей своей неволи; это доказывается убійствами епископовъ и каплановъ и разграбленіями храмовъ, которыя производились простымъ народомъ еще по смерти наслѣдника Болеслава I Мечислава II. Какъ бы то ни было, Болеславъ основалъ архіепископство Гнѣзенское²⁾ и три епископства, ему подчиненныхъ: Кольбергское на Поморьи, Бреславльское въ Силезіи и Краковское.

Болеславъ сталъ строго настаивать на платежѣ народомъ десятины въ пользу церкви и энергически наказывалъ попытки возвращенія къ идолопоклонству. Онъ же основалъ три монастыря ордена Бенедиктиновъ: въ Сѣцѣховѣ, на Лысой Горѣ и въ Тынци; монахи набирались изъ Италіи, Франціи и Герма-

¹⁾ Teod. Wagi Hist., стр. 77.

²⁾ Въ Гнѣзнѣ еще при Мечиславѣ существовало епископство, основанное Оттономъ I и подчиненное въ то время архіепископу магдебургскому.

ніи. Власть римскаго духовенства была сильна; при Болеславѣ она не уступала королевской, а при его преемникахъ даже превышала ее.

Болеславъ I ¹⁾ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ государей Пястовской династіи ²⁾, однакоже онъ сильно содѣйствовалъ утвержденію значенія и власти духовенства. М. Галль ³⁾ говоритъ, что онъ не садился въ присутствіи епископовъ и каплановъ и во всѣхъ дѣлахъ духовенства былъ всегда самъ его защитникомъ и судьей.

Послѣдствія сего обнаружились вскорѣ послѣ его смерти въ изгнаніи Риксы ⁴⁾ и Казимира I. При Казимирѣ и его наследникахъ духовенство мало по малу достигло для своихъ имѣній освобожденія отъ разныхъ податей и повинностей, что увеличивало тягости, лежавшія на имѣніяхъ частныхъ, свѣтскихъ лицъ и королевскихъ. ⁵⁾ Болеславъ II шелъ по пути Болеслава I, но аристократія духовная, а за нею и свѣтская, постоянно возставала противъ всѣхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, какъ съ цѣлью устроить финансовое управленіе своего государства, такъ и съ цѣлью положить предѣлъ безнравственности, господствовавшей въ обычаяхъ того времени. Епископъ краковскій Станиславъ, въ борьбѣ своей съ Болеславомъ, положилъ проклятіе на него и все его потомство; это произвело возстаніе рыцарства. Король убилъ епископа и за то былъ отлученъ отъ церкви Папою Григоріемъ VII, а результатомъ всего этого было то, что Болеславъ принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, и все управленіе государствомъ осталось

¹⁾ Вступилъ на Польскій престолъ послѣ Мечислава, четвертаго государя изъ династіи Пястовъ, въ 992, короновался въ 1024 и умеръ 3 апрѣля 1025 г., послѣ 33-лѣтняго царствованія.

²⁾ Długosz говоритъ о немъ: «Omnem reipublicae statum, disciplinam et ordinem primus Polonorum genti quasi quandam animam vivificantem infundit.»

³⁾ Marcin Gall или Gallus, первый лѣтописецъ польскій, жилъ и писалъ при Казимирѣ I, въ 1100—1130.

⁴⁾ Супруга наследника Болеслава Мечислава II и внучка императора Оттона II.

⁵⁾ Vandtkje, Hist. pr. polsk., стр. 58.

въ рукахъ высшаго духовенства; Ламбертъ, епископъ Краковскій, Мартынь, архіепископъ Гнѣзненскій, и Сецехъ, воевода Краковскій, играли въ немъ главную роль послѣ бѣгства Болеслава. Аристократія духовная, въ союзѣ со свѣтскою, начала присвоивать себѣ управленіе дѣлами страны. Болеславъ III ¹⁾ смирилъ-было нѣсколько стремленія аристократіи казнью Скарбиміра, воеводы краковского, за поднятое имъ возстаніе, но самъ же утвердилъ ея преобладаніе, раздѣливъ свое государство между своими сыновьями. «Можетъ быть,—говоритъ Бандтефъ,—Болеславъ сдѣлалъ этотъ несчастный раздѣлъ въ тѣхъ видахъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ тѣхъ тревогъ, которыя онъ самъ испыталъ отъ брата своего Збигнѣва, но гораздо правдоподобнѣе то, что примѣръ Франковъ и вліяніе аристократіи были главною тому причиною».

74206
Что высшее духовенство и дворянство были, если не виновниками, то сильными сторонниками этого раздѣла, можно заключить изъ разныхъ мѣстъ хроники Длугоша. Когда Владиславъ, князь Краковскій, вознамѣрился возстановить цѣлость и нераздѣльность Польши, немногіе совѣтники, по словамъ Длугоша, сочувствовали его намѣренію. Когда же онъ попытался привести его въ исполненіе, то архіепископъ Гнѣзненскій Яковъ наложилъ на него проклятіе, а возставшее дворянство выгнало его съ женою и дѣтьми изъ Польши. Изгнанникъ на соборѣ въ Реймсѣ жаловался на виновника своего бѣдствія.

Въ продолженіе полутора вѣка съ 1140 по 1289 г., т. е. до смерти Лешка Чернаго, Польша раздѣлена была между князьями Пястовской династіи и состояла изъ отдѣльныхъ княжествъ: Великопольскаго, Малопольскаго, Мазовецкаго, Куявскаго и Силезскаго. Вліяніе аристократіи возрастало все больше и больше.

Въ 1170 г. высшая шляхта Краковской области хотѣла удалить Болеслава князя Краковского и предлагала тронъ князю Сандомірскому Генриху, который однакожъ отъ него отказался. Геденъ, епископъ Краковскій, въ борьбѣ своей съ

¹⁾ Вступилъ на престолъ послѣ отца своего Владислава Германа въ 1112 г. и умеръ въ 1139.

Мечиславомъ Старымъ, оскорбительными словами поносили его на собраніяхъ и наконецъ, соединившись съ Краковскимъ воеводою Степаномъ, лишили его престола и посадили на его мѣсто Казимира князя Сандомирскаго; этотъ самый Казимиръ въ 1181 г. вздумалъ-было возвратить Мечиславу часть его государства, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія подѣ угрозой бунта со стороны высшей шляхты.

При слабомъ управленіи Казимира II вліяніе аристократіи сдѣлалось еще сильнѣе, такъ, что на съѣздѣ въ Ленчицѣ въ 1180 г. законы устанавливались по инициативѣ высшаго духовенства; рыцарство во время похода на Русь вытребовывало себѣ награды, вмѣшивалось въ управленіе и насильно хотѣло возвратить престолъ Мечиславу. Фулько, епископъ Краковскій, и братъ его Николай, Краковскій воевода, нѣсколько разъ призывали и снова прогоняли Мечислава и распоряжались его престоломъ по своему усмотрѣнію и послѣ его кончины. Во всѣхъ замѣшательствахъ, происходившихъ въ Краковскомъ княжествѣ; епископы и воеводы Краковскіе играли всегда главнѣйшую роль; такъ Марекъ, воевода Краковскій, подстрекнулъ Генриха князя Вроцлавскаго къ завладѣнію княжествомъ Краковскимъ, а Павелъ епископъ Краковскій поднималъ возстанія противъ Болеслава V.

Въ 1219 г. Генрихъ Кетличъ, архіепископъ Гнѣзненскій, получилъ отъ папы титулъ «legatus natus», что еще болѣе усилило власть и значеніе духовенства, потому что оно во всѣхъ дѣлахъ стало признавать надъ собою одну только власть Римскаго престола.

Владиславъ, а еще болѣе преемникъ его Казимиръ III, старались возстановить порядокъ и ограничить чрезмѣрно увеличивавшуюся силу высшаго шляхетства; Казимиръ не стѣснялся въ выборѣ къ тому средствъ; когда Краковскій викарій Мартынъ Барычекъ явился къ нему, чтобъ объявить ему проклятіе, наложенное на него епископомъ Краковскимъ Бодзантою, то онъ приказалъ его утопить. ¹⁾ Однакоже все

¹⁾ Ссора Казимира съ Бодзантою окончилась мировою, заключенною въ 1361 г. передъ Ярославомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ. Длугошь, Libri benefici-

это не могло измѣнить хода событій и заставить своротить развитіе Польскаго государства съ того опаснаго пути, на который поставило его вліяніе началъ чуждыхъ и противныхъ его народности; вскорѣ послѣ того привилегією, данною Людвигомъ Венгерскимъ въ Будѣ, было безвозвратно утверждено въ Польшѣ преобладаніе шляхетства.

При Казимірѣ III въ 1352 г. высшая шляхта Великопольская, собравшись въ Познани, устроила между собою первую конфедерацію. Этою конфедераціею всѣ члены шляхетства обязались стоять другъ за друга противъ всѣхъ и каждаго, за исключеніемъ Короля, всѣми средствами, не щадя жизни и состоянія; все сословіе обязалось предстательствовать передъ Королемъ и его правительствомъ за каждаго изъ членовъ, еслибы онъ подвергся несправедливому преслѣдованію и въ случаѣ, еслибы это предстательство оказалось недѣйствительнымъ, вознаградить и пополнить всѣ понесенные имъ убытки.

Такимъ образомъ утвердилось преобладаніе шляхты, которая съ этого времени сдѣлалась всеильною въ Польскомъ государствѣ и стала управлять судьбою Польскаго народа; съ той поры народъ Польскій мало по малу сходитъ съ исторической сцены и на его мѣстѣ является шляхетская республика, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Рѣчи Посполитой.

orum, T. 1, c. 298. Concordia laudi inter Casimirum regem et Bodzantam episcopum Cracoviensem, per Jaroslaum archiepiscopum Gneznensem celebrata super decimarum partu.—Въ этомъ актѣ архіепископъ Гнѣзненскій является лицомъ, столь высоко поставленнымъ, что Король въ спорѣ своемъ съ епископомъ обратился къ его суду.—«Nos Jaroslaus, Dei gratia» etc. такъ начинается этотъ актъ.

III.

Различные роды крестьянъ въ древней Польшѣ.—Крестъ не крѣпкіе землѣ; разряды ихъ.—Крестьяне свободные —Кмети.—Кмети, пользовавшіеся правомъ земскимъ—польскимъ и пользовавшіеся правомъ нѣмецкимъ—тевтонскимъ.—Общія для всѣхъ крестьянъ названія. Административныя и экономическія отношенія крестьянъ къ правительству.—Подати и повинности государственныя.—Занятность порядка ихъ взиманія.—Подати постоянныя: натуральныя и денежныя.—Подати временныя, чрезвычайныя.—Особыя подати крестьянъ казенныхъ имѣній.

Въ этомъ періодѣ исторіи Польши все крестьянское населеніе ея дѣлилось на два рода, весьма различныхъ по своимъ правамъ. Одни произошли отъ невольниковъ, насильственно посаженныхъ на землю, другіе были люди свободные, по своей волѣ занимавшіе земли. Первые въ древнихъ памятникахъ, которые объ нихъ упоминаютъ, называются *adscriptitii, glebae adscripti*; какъ они дѣйствительно назывались въ то время, съ точностью неизвѣстно: рабами ли невольниками, или смердами, вѣрно только то, что они никогда не назывались кметями. — Это старинное выраженіе означало человека лично совершенно свободнаго.¹⁾ — Однакожь ни тѣ ни другіе не были невольниками или тѣмъ, что у насъ въ Россіи называлось крѣпостными. Положеніе ихъ было слѣдующее.

¹⁾ Въ пѣсни, приписываемой Св. Войцеху, говорится: «*Jadamie, ty Boże kmieciu, siedzisz u Boga w wiecu.*»—*Bandtkie, Hist. pr. polsk., стр. 53, 83.*

Adscriptitii, glebae adscripti, за занимаемую ими землю отбывали различныя подати, повинности и дани какъ владѣльцамъ тѣхъ земель, на которыхъ сидѣли, такъ и правительству. Безъ согласія владѣльцевъ, они не могли оставлять свою землю, за исключеніемъ слѣдующихъ трехъ случаевъ, въ которыхъ всѣ крестьяне безъ изыятія имѣли право оставлять своихъ владѣльцевъ безъ всякихъ съ ними расчетовъ: 1) если владѣлецъ былъ отлученъ отъ церкви въ продолженіе года, 2) если онъ дѣлалъ насиліе своей крестьянѣ и 3) если крестьяне подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ за вину владѣльца.¹⁾ Впрочемъ еще до Казимира Великаго крестьянинъ этого рода могъ переселиться на другое мѣсто и помимо воли владѣльца, но долженъ былъ въ такомъ случаѣ заплатить владѣльцу земли определенное вознагражденіе. Сбѣжавшаго крестьянина владѣлецъ могъ отыскивать въ теченіе года; если же владѣлецъ зналъ о мѣстѣ пребыванія сбѣжавшаго крестьянина и въ теченіе года не отыскивалъ его, то онъ терялъ право не только требовать его возвращенія, но даже и означеннаго вознагражденія.

Къ этому же разряду крестьянъ принадлежали и *originarii*, названіе, которое означало родившагося отъ крестьянъ, насильственно на землю посаженныхъ, *adscriptitii*, и принадлежавшихъ къ этому разряду уже по происхожденію.²⁾

Послѣдніе имѣли право откупиться отъ подданства своимъ владѣльцамъ, на что былъ установленъ извѣстный срокъ 30-

¹⁾ Statuta Casim. III. De kmethone a domino fugiente. Jus Polonicum, стр. 115.—Maciejowski (H. pr. sł., стр. I, 138), ссылаясь на статутъ Казимира Великаго, говоритъ, что часто, если нельзя было произвести взысканіе съ собственности владѣльца, то взысканіе производилось съ собственности крестьянина и что даже крестьяне вмѣсто владѣльца подвергались отлученію отъ церкви.

²⁾ Юдифь, супруга Владислава Германа, отдала Краковскимъ каноникамъ Кастелланство Хропы *cum hominibus adscriptitiis, qui per XXX annos fuerunt in manuali possessione, vel qui adscripti sunt glebae soli propria professione, et originariis, qui ex adscriptis nati, in ipso solo glebae coalerunt, et cum servitutibus eorum et tributis, quae consistunt in frumentis, melle, pellibus mardurinis.*—Эти слова Длугоша совершенно ясно указываютъ на происхожденіе крестьянъ, называвшихся *originarii*.

лѣтній, если же они въ теченіе этого срока не выкупались, то обращались навсегда вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ въ подданство своихъ владѣтелей.¹⁾ — Въ разрядъ не свободныхъ крестьянъ, *adscripti*, поступали и тѣ, которые по бѣдности своей не были въ состояніи брать земель на правахъ кметей.²⁾

Что касается кметей, то они въ началѣ этого періода пользовались совершенною свободою; каждый изъ нихъ имѣлъ полное право оставлять землю и владѣльца, пріискавъ на свое мѣсто другаго крестьянина и сдавъ землю въ исправномъ видѣ.³⁾ При-этомъ вновь садившійся на землю крестьянинъ покупалъ у оставлявшаго ее усадьбу;⁴⁾ обычаемъ установлено было, чтобы такіе переходы дѣлались около новаго года.⁵⁾ Владѣлецъ земли, на которой сидѣлъ кметъ, не могъ требовать съ него повинностей въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдовало по условію, и, пока кметъ отбывалъ эти повинности исправно, не имѣлъ права согнать его съ земли.⁶⁾

Въ XII в., послѣ опустошеній, произведенныхъ въ краѣ татарскими набѣгами, и вызваннаго этимъ обстоятельствомъ поселенія значительнаго числа нѣмецкихъ колонистовъ, появилась разница между кметями, жившими на правѣ Польскомъ или земскомъ и жившими на правѣ Нѣмецкомъ или тевтонскомъ.⁷⁾ Разница между тѣми и другими состояла въ томъ, что кмети, пользовавшіеся правомъ земскимъ, подчинены были юрисдикціи общихъ судовъ, установленныхъ въ странѣ, т. е. судовъ кастелляновъ и старостъ, или юрисдикціи частныхъ владѣльцевъ, получившихъ на то исключительныя привилегіи, притомъ они несли разныя повинности и дани въ пользу

¹⁾ Maciejowski, *Hist. pr. sł.*, I, стр. 148. ²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Bandtkie, *Hist. pr. polsk.*, стр. 90.

⁴⁾ Bandtkie, *H. pr. polsk.*, стр. 91.—Въ добровольной сдѣлкѣ между Земовитомъ княземъ Мазовецкимъ и Варшавскимъ Епископомъ Іоанномъ, утвержденной Казиміромъ Великимъ, сказано: *conceditur facultas emethonibus liberis trans-eundi ex bonis ducalibus ad bona episcopi et ecclesiae Posnaniensis, et e converso*.—Naruszewicz, *H. n. p.*, т. IV, стр. 279.

⁵⁾ Maciejowski, *Hist. pr. sł.* I, стр. 138.—⁶⁾ *Ibidem*, стр. 137.

⁷⁾ *Cmethones in jure Polonico, jure terrestri, vel in jure Theutonico residentes*.—*Volumina legum*, I, f. 49 de *Cmethone*.

казны. Кметы же, поселенные на нѣмецкомъ правѣ, судились своимъ судомъ, посредствомъ своихъ солтысовъ и старшинъ и были освобождены отъ всѣхъ повинностей и даней, отбывавшихся въ пользу казны, а платили только чиншъ съ своей земли; они не отбывали никакой издѣльной повинности ни въ пользу государей, ни въ пользу владѣльцевъ земли и могли свободно отчуждать свое право на землю.

Такія поселенія на нѣмецкомъ правѣ существовали въ довольно большомъ числѣ въ Мазовіи еще при Конрадѣ I, въ 1228 году подъ названіемъ *mansus hollandici*; ¹⁾ короли и князья разрѣшали частнымъ лицамъ устраивать поселенія на правѣ нѣмецкомъ или переводить издавна существовавшія съ права земско-польскаго на право нѣмецкое и сами поступали также. ²⁾

Кромѣ приведенныхъ названій крестьяне въ этомъ періодѣ носили общія названія *ignobiles*, *rusticani*, *plebei*; эти названія употребляютъ, говоря о крестьянахъ, лѣтописцы Польскіе М. Галль, Длугошъ и другіе и подъ этими названіями разумѣлись всѣ непринадлежавшіе къ шляхетскому, рыцарскому или духовному сословію, включая сюда и мѣщанъ, жителей городовъ. Только въ позднѣйшее время стали называть крестьянъ хлопами. ³⁾

¹⁾ Naguszewicz, Н. п. р., т. IV, стр. 229, пр. 1. Названіе голендровъ носить и до сихъ поръ значительно число селеній въ Польшѣ, въ особенности въ западной ея части вдоль Познанской границы.

²⁾ Bandtkie, Hist. pr. p., стр. 93.

³⁾ Кромего говоритъ: *Utrique* (т. е. мѣщане, *cives*, *oppidanos* и крестьяне; *agricolas*, *villanos*, *aratores*, *colones*, *smethones*) *chlopi appellantur quam appellationem velut probosam non fert nobilitas.*—*In decript. Polon.* ed. Elzev. 1642, с. 103.

Слово хлопъ, *chłop*, происходитъ отъ слова халупа, *chałupa*. — Слово это древнее славянское и въ старину вовсе не имѣло того презрительнаго значенія, которое придано ему въ Польшѣ и у насъ въ Россіи въ произшедшемъ отъ него черезъ вставку гласной *o*, словѣ холопъ.—У древнихъ Славянъ хлопомъ назывался всякій крестьянинъ, глава семейства, владѣвшій отдѣльнымъ домомъ, халупою. (Bandtkie, Н. пр. р., стр. 17). Въ Польскомъ языкѣ слово *chłop* и уменьшительное *chłorak* употребительны и до сихъ поръ въ смыслѣ «малый», «мальчикъ».—*Mały chłorak*, *młody chłorak*, скажетъ Полякъ, говоря о собственномъ своемъ сынѣ.

Короли и князья Польскіе, въ силу своего верховнаго права на землю, окладывали крестьянъ различными податями, повинностями, данями и обязанностями. Въ старину всѣ классы Польскаго народа несли тѣ же тягости безъ всякаго различія, но впослѣдствіи мало по малу шляхетство какъ духовное, такъ и свѣтское, рыцарство и чиновничество, стало освобождаться изъ-подъ дѣйствія этого общаго государственнаго закона, посредствомъ многоразличныхъ привилегій, дававшихся первоначально, въ видѣ исключенія, отдѣльнымъ, частнымъ лицамъ, а потомъ и цѣлымъ классамъ или сословіямъ. Примѣръ этому подало духовенство, а за нимъ послѣдовало и дворянство. Шляхетство духовное и свѣтское не только получало такое освобожденіе отъ обязанностей въ отношеніи государства для себя лично, но вымогало отъ безсильной верховной власти такое освобожденіе и для своихъ крестьянъ, присвоивая себѣ надъ ними тѣ права, которыя должны были бы принадлежать одной только государственной власти. По немногу, частные поземельные собственники, епископы, капитулы, монастыри, высшее дворянство, пріобрѣли себѣ въ своихъ владѣніяхъ почти всѣ права верховной власти, права судебныя, права административныя, права финансовыя, даже право чеканить монету. ¹⁾ Въ Польшѣ образовывался какъ-бы цѣлый рядъ маленькихъ государствъ въ государствѣ. Безсильное правительство не было въ состояніи положить предѣлъ этому злу. Гордое и притязательное Римское духовенство, не заботясь о пользѣ народа, плодами трудовъ котораго оно жило, вносило съ собою свои Римско-германскія средневѣковыя начала и признавало надъ собою только одну власть и главу—Римскаго Владыку. Шляхта, пожертвовавшая своимъ сословнымъ интересамъ самыми безцѣнными началами, своей славянской національностью, началами равенства въ правахъ и общей свободы, не отставала отъ духовенства и оба сословія, при общности своихъ интересовъ и взаимной поддержкѣ, составляли силу,

¹⁾ Такъ Владиславъ Шавць далъ архіепископу Гнѣзненскому и епископу Познанскому *cum jure ducale* и право чеканить монету. — Długosz, I, с. 647. Anonim. Archid. Gnesn. Sommersberga, II, с. 91. — Bandtkie, Н. р. р.

противъ которой не могли бороться ни слабые и по большей части не способные короли и князья Пястовской династїи, ни беззащитные земледѣльческіе классы.

Конечно все это произошло не вдругъ; въ Польскомъ государствѣ преобладаніе шляхетства, и соотвѣтственное тому порабощеніе крестьянства, вырабатывалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, но въ срединѣ XIV в. духовенство и дворянство уже успѣли заставить короля Людовика Венгерскаго признать за обоими сословіями тѣ права и преимущества, которыя до того времени давались только въ видѣ исключенія отдѣльнымъ частнымъ лицамъ.

Со временъ Земовита и введеннаго имъ въ Польшѣ управленія, устроеннаго по образцу западному, нѣмецкому или франкскому, утвержденнаго впоследствии Болеславомъ I, Польша управлялась воеводами, кастеллянами и старостами, при которыхъ находились другіе чиновники въ большомъ числѣ и подъ разнообразными наименованіями — Перечисленіе ихъ, а равно и разборъ круга власти, правъ и обязанностей всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ выходитъ изъ предѣловъ этихъ очерковъ. — Для объясненія отношеній Польскихъ крестьянъ къ Правительству въ описываемый періодъ достаточно будетъ сказать, что въ рукахъ этихъ высшихъ должностныхъ лицъ сосредоточены были въ предѣлахъ ихъ областей всѣ права, какъ административныя и финансовыя, такъ и судебныя. Сначала имъ подчинены были всѣ безъ исключенія жители ихъ областей, а потомъ посредствомъ привилегій изъ-подъ ихъ власти стали освобождаться духовенство и высшая шляхта и эти привилегіи распространялись и на крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ получали.

Конечно крестьяне такихъ имѣній ничего отъ этого не выигрывали, а напротивъ рисковали всегда отъ этого проиграть, потому что нѣкоторыя изъ обязанностей ихъ къ правительству переходили къ владѣльцамъ, получившимъ привилегіи вмѣстѣ съ тѣмъ, что называлось *jus ducale*, и хотя въ то время финансовое управленіе казенными, королевскими имѣніями было безпорядочно въ высшей степени, однако все-же крестьяне, въ нихъ поселенные, были сравнительно въ большей безопасности

отъ корыстолюбія королевскихъ чиновниковъ, на которыхъ иногда можно было найти судъ, чѣмъ крестьяне, жившіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, на которыхъ по силѣ самыхъ привилегій, суда нельзя было найти никакого.

Въ теченіе этого періода Польской исторіи административныя и экономическія отношенія, въ которыхъ находились крестьяне земледѣльцы къ правительству и владѣльцамъ земель, на которыхъ они сидѣли, и юридическое положеніе крестьянъ передъ тогдашнимъ закономъ, т. е. права крестьянъ по суду, а равно и переѣмы, которымъ подвергались эти условія ихъ быта, были слѣдующія:

Обязанности, которыя лежали на крестьянахъ въ отношеніи правительства, надо раздѣлить на два разряда: 1) подати и повинности, которыми были обложены крестьяне въ пользу правительства, на чьихъ бы земляхъ они ни жили, т. е. подати общія, и 2) подати и повинности, которыя отбывали правительству крестьяне, жившіе на земляхъ казенныхъ, королевскихъ.

Врядъ-ли было въ Европѣ государство, въ которомъ финансовое управленіе находилось бы въ такомъ хаотическомъ положеніи, въ какомъ оно находилось въ Польшѣ, даже въ сравнительно недавнее время, а тѣмъ болѣе въ то отдаленное время, о которомъ идетъ рѣчь. Лучшіе писатели по части исторіи Польскаго права отступаютъ отъ неразрѣшимой задачи вполне распутать и объяснить основанія и порядокъ взиманія всѣхъ этихъ безконечныхъ податей, изъ которыхъ значительная часть создавалась по личной фантазіи правителей, временной потребности и разнымъ торжественнымъ и инымъ случаямъ. ¹⁾ Можно сказать, что тогдашніе правители Польши были знакомы только съ однимъ финансовымъ правиломъ, которое слѣдуетъ формулировать такъ: брать сколько можно, чѣмъ можно и брать пока даютъ.—Мацѣевскій говоритъ, что подати и повинности были такъ различны и такъ несправедливы, что сами Государя называли ихъ общимъ именемъ *vexati-*

¹⁾ См. Maciejowski, Hist. pr. sł., I, стр. 178—179.

ones; и сами они не могли ни назвать, ни высчитать ихъ. Поэтому въ привилегіяхъ, дававшихся на освобожденіе отъ податей и повинностей говорилось: «освобождаемъ отъ всѣхъ податей, подѣ какими бы названіями онѣ извѣстны ни были, какъ на языкѣ латинскомъ, такъ и въ просторѣчїи.» ¹⁾ Эти подати и повинности служили не только для покрытія необходимыхъ потребностей правительства и правителей, но и для удовлетворенія разнымъ потребностямъ фантазіи и роскоши сихъ послѣднихъ, что и видно будетъ ниже изъ длиннаго перечня всѣхъ этихъ повинностей. Въ началѣ этого періода народъ не совсѣмъ легко поддавался всѣмъ этимъ тягостямъ, онъ еще помнилъ свою свободу отъ всякихъ поборовъ, и нѣмецкіе порядки не вдругъ приладились къ его быту. Такъ, когда Рикса, супруга Мечислава II (нѣмка по происхожденію, внучка Императора Оттона) настояла на томъ, чтобы по случаю разныхъ праздниковъ со всѣхъ деревень были производимы особые поборы для ея стола и кухни, ²⁾ то по словамъ лѣтописца возникъ бунтъ. Однако печальная участь Риксы, выгнанной впоследствии изъ Польши, не помѣшала Кристинѣ, супругѣ Владислава II, настоять на томъ, чтобы по большимъ праздникамъ въ пользу ея собиралась особая подать разными домашними произведеніями, что и обратилось впоследствии въ законный обычай. ³⁾

Къ этому надо прибавить еще то, что подати были какъ бы на откупъ у правителей областей; съ нихъ правительство брало извѣстную опредѣленную сумму, а они уже отъ себя собирали, что могли. Суммы податей, опредѣленные для различныхъ областей, иногда возвышались, такъ напр. со староства Кюявскаго государи брали въ старину по 800 гривенъ еже-

¹⁾ «Liberamus a servitiis quibuscunque nominibus latinis vel vulgaribus appellantur.»

²⁾ «Tam regalium, quam militarium villarum daniae, suffragiae, collectae et tributa, in singulis praecipue festivitibus, pro mensa et coquina regis.»

³⁾ «Ut in magnis festivitibus pullos gallinarum, porcos, anseres, mel, triticum, avenam, quilibet pro suis facultatibus honorifice ad mensam ducis liberaliter praesentaret.»

годно, а во время управления матери короля Людовика этот окладъ возвышенъ былъ до 2000 гривенъ. ¹⁾ До Казимира Великаго и не существовало отдѣльнаго финансоваго вѣдомства. ²⁾

Всѣ подати и повинности крестьянъ въ пользу правительства можно раздѣлить для удобнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія на: 1) постоянныя и 2) устанавливавшіяся временно по какимъ-либо особымъ случаямъ; въ первыхъ же отдѣльно перечислить повинности, отбывавшіяся натурою, и отдѣльно подати денежныя, и наконецъ 3) подати, платившіяся крестьянами въ пользу духовенства. ³⁾

Къ числу постоянныхъ натуральныхъ повинностей принадлежали:

1) Доставка живности и разной провизіи для двора, чиновниковъ и войска.—Болеславъ I бралъ разные поборы со всѣхъ сель; ⁴⁾ онъ же установилъ съ каждаго лана ⁵⁾ извѣстную подать зерномъ, которое свозилось въ Королевскіе амбары и предназначалось на продовольствіе гарнизоновъ въ земляхъ и городахъ. ⁶⁾—Впослѣдствіи эта повинность была замѣнена денежною податью. Когда государи и должностныя лица совершали переѣзды, или войско шло походомъ, то населеніе тѣхъ мѣстъ,

¹⁾ Anon. Archidiaconus Gnesnensis in Sommersb., II, с. 118, приводимый въ Bandtkie, Н. пр. р., стр. 144.

²⁾ Macejowski, Н. пр. сл., I, стр. 188, 189.

³⁾ Въ то время въ Польшѣ всѣ подати и повинности извѣстны были подъ слѣдующими различными названіями: *datiae*, *exactiones*, *pensio*, *tributum*, *census*, *solutio*, *suffragia*, *collectae*, *taliae*, *angariae*, *perangariae*, и еще другими частными названіями; общими же для всѣхъ податей служили: *gravamina*, *vexationes*, *servitia*.

⁴⁾ «Ratione supremi juris obventiones ex villa qualibet parcipiebat. Długosz, т. I, с. 158 В.

⁵⁾ Ланомъ, *laneus*, *mansus*, *aratrum Slavicum*, назывался такой участокъ земли, который могъ быть обработанъ крестьяниномъ, имѣвшимъ пару воловъ и пару лошадей. *Parro Slavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidiem equis. Cromeri descript. Pol. ed. Elzev. anno 1642, p. 117.*

⁶⁾ «Ipse quoddam tributum in Polonia, quod Strosza dicitur, fertur statuisset. Ita, quod quilibet de aratro sive uvae unam mensuram siliginis et aliam anonaе ad regis granarium annis singulis praesentabat, pro republica militantibus duntaxat exceptis. Hoc attributum frumentorum ideo strosza dictum est quia hominibus in castrorum custodia degentibus, praecipue in extremitate regni consistentibus, ad usum ducebatur».—Boguski, ed. Vars. p. 19. Bandtkie, Н. пр. р., стр. 152.

гдѣ они останавливались, обязано было ихъ кормить и продовольствовать; ¹⁾ та же самая обязанность существовала и въ отношеніи королевскихъ охотъ, съ ихъ ловчими, собаками, соколами и пр. Казиміръ III на Ленчицкомъ съѣздѣ въ 1180 г. ограничилъ эту подать, называвшуюся *stan, stacya*. Казиміръ Великій, запрещая грабежи во время походовъ, прибавилъ, что этимъ не запрещается умѣренное пользованіе пастбищемъ для лошадей и продовольствіемъ личнымъ. При совершенной неравномѣрности этого рода повинностей и произволѣ пользовавшихся ими, онѣ должны были быть не изъ легкихъ.

2) Доставка лошадей и подводъ. Повинность извѣстная подъ именами *veredi, paraveredi, parafredi*. ²⁾ Государи и чиновники имѣли право требовать себѣ подводъ, какъ для переѣздовъ, такъ и для разныхъ посылокъ, замѣнявшихъ въ то время почты. Эта повинность существовала еще при Болеславѣ I, какъ давно установленный обычай; различные виды ея назывались *du-cilli, vectura, subvectio, podwoda e*, а по-польски *powóz odwóz, podwód, podwoda, przewód*.— Можетъ быть эта самая повинность перешла впоследствии въ денежную, почтовую, платившуюся городами и королевскими имѣніями. ³⁾

3) Различныя общественныя работы, какъ то: постройка и починка городовъ, мостовъ, отбываніе стражи въ городахъ, помощь при охотахъ и поимкахъ воровъ и разбойниковъ; всѣ эти повинности носили общія названія *angariae, parangariae, angaria*. ⁴⁾

4) Что касается военной повинности, т. е. личной службы въ войскѣ, то крестьяне таковой не несли. Военная повинность была въ Польшѣ также, какъ и въ государствахъ западной Европы, въ тѣсной связи съ правомъ поземельной собственности и такъ сказать одною изъ принадлежностей его. Въ одномъ изъ предшествующихъ примѣчаній упомянуто было о

¹⁾ Maciejowski, H. pr. sł. I, стр. 180—181.

²⁾ Отъ слова *Pferd*; эта повинность существовала по кодексу Юстиніана и была извѣстна въ Германіи. См. *Bandtke*, H. pr. p., стр. 156.

³⁾ Такъ думаетъ *Нарушевичъ*, H. п. р., т. IV, стр. 36.

⁴⁾ *Maciejowski*, H. pr. sł., стр. 181, и *Bandtke*, H. pr. polsk, стр. 158.

pauperes milites seu villani и тамъ же приведены доводы, по которымъ ихъ нельзя причислять къ классу крестьянъ. Въ древнѣйшія времена земледѣльцы, члены свободныхъ сельскихъ общинъ, вѣроятно несли личную военную службу, но когда государями Пястовской династіи введено было въ Польшѣ государственное устройство по образцу германскому, то съ этимъ вмѣстѣ начало входить въ силу и то юридическое понятіе того времени, что землею можетъ владѣть только тотъ, кто въ состояніи ее защищать, т. е. быть воиномъ. На западѣ Карломъ Великимъ и сыномъ его Людовикомъ были установлены въ этомъ отношеніи извѣстные законы, которые были столь тяжки для мелкихъ владѣльцевъ, что многіе изъ нихъ принуждены были свои аллодіальныя владѣнія уступать на ленномъ правѣ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ владѣльцамъ, которые и отбывали за нихъ военную службу; можетъ быть то же явленіе имѣло мѣсто и въ Польшѣ. Какъ бы то ни было, въ концѣ этого періода польской исторіи крестьяне военной повинности не несли. ¹⁾ Конечно изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся тягость войнъ ложилась на однихъ владѣльцевъ, напротивъ самыя тяжелыя ихъ послѣдствія испытывали на себѣ крестьяне; не говоря уже о страшныхъ опустошеніяхъ, сопровождавшихъ въ то время не только всякое военное дѣйствіе, но даже и всякій походъ своихъ же войскъ, довольно сказать, что война почти всегда была поводомъ къ новымъ поборамъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что для крестьянъ послѣдствіемъ всѣхъ усобицъ и дракъ, происходившихъ въ Польшѣ въ то время, когда она распалась на мелкія и на дѣлѣ независимыя княжества, не только не было какое-либо улучшеніе въ ихъ положеніи, а все большее и большее стѣсненіе и утрата ихъ древнихъ правъ.

Высшее духовенство и дворянство поднимали разныя воз-

¹⁾ Пйяръ Вага въ своей краткой, но весьма дѣльной исторіи Польши, описывая разныя сословія при Болеславѣ I, говоритъ: «Z pomiędzy nich (т. е. rolnicy, kmiecie) do szlachty byli podobni i pewny oddział szlachectwa składający ci, którzy służbę wojenną odprawiali (milites gregarii bądź z tarzęą w ręku (clipeati) bądź pancerni (laricati). Т. W. Hist. Książ. i Kr. Pols., 86.

станія и ссоры съ королями, забирая себѣ все болѣе и болѣе правъ и преимуществъ, а простой земледѣльческій людъ былъ только страдательнымъ зрителемъ того, какъ возникала и росла его будущая неволя.

Хроника Галла, говоря о постоянныхъ денежныхъ податяхъ, употребляетъ выраженіе *servitia determinata*; таковыми были:

1. Подать съ пахотныхъ земель: эта подать была общая для всѣхъ и носила названія: *gastrale, regale fumale, poradne, robot grosz, królestwo, królewszczyzna, podymne*. Она взималась въ размѣрѣ 12 серебряныхъ грошей съ лана. ¹⁾ Эта подать существовала въ Польшѣ вѣроятно со временъ Болеслава I и съ нею вмѣстѣ взималось и опредѣленное количество ржи и овса съ каждаго лана, что и разумѣлось подъ однимъ съ нею именемъ. При Казимірѣ III она платилась уже въ размѣрѣ 6-ти грошей съ лана и по корцу ржи и овса. ²⁾

2. Подать торговая, которая платилась на рынкахъ со всѣхъ даже самыхъ незначительныхъ предметовъ, а въ томъ числѣ и сельскихъ продуктовъ, привозимыхъ на продажу. Въ привилегіи, данной Генрихомъ Бородатымъ монахамъ Требницкаго монастыря въ Силезіи, сказано, что имъ предоставляется получать эту подать со всѣхъ даже самомалѣйшихъ предметовъ, какъ-то *gruvella* (родъ маленькаго хлѣба) *et caepe* (лукъ) ³⁾.

Кромѣ податей и повинностей постоянныхъ были еще подати и повинности временныя, взимавшіяся по разнымъ особымъ случаямъ, а именно:

1. Сборъ по случаю стоговоровъ и свадьбъ королей и князей, называвшійся *godziwe, godne*. Объ этой подати говорится въ привилегіи, данной княземъ Мазовецкимъ Іоанномъ старшимъ Варшавѣ въ 1413 г. ⁴⁾

¹⁾ *Volumina legum*, I, fol. 186. *Cromeri descript. Pol.* ed. Elzev. anno 1848 c. 117. *Bandtkie*, H. pr. p., стр. 161.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ «*Volo igitur, ut omnis pensio mercaturae usque ad minutissimum, quod est gruvella et caepe, quod targowe dicitur, ad monasterium pertineat.*» *Bandtkie, jus Culmense. Appendix*, c. 313.

⁴⁾ «*Volumus, quod si nos vel quempiam ex pueris nostris sexus utriusque*

2. Сборы по случаю войнъ и для выкупа изъ плѣна князей, называвшіеся *adjutorium, adjumentum, auxilium*; объ этихъ сборахъ говорится въ той же привилегіи князя Мазовецкаго. ¹⁾

3. Плата за проѣздъ, за провозъ товара или прогонъ скота подъ названіемъ *gleit, conductus, salvus conductus*. ²⁾

4. Подать съ дѣвушекъ и вдовъ выходившихъ замужъ, подъ названіями: *Kunica, virginale, wdownie, viduale*. О вдовой подати говорится въ привилегіи, данной Конрадомъ Мазовецкимъ Плоцкой церкви въ 1232 г. ³⁾

5. Подати судебныя, бывшія отчасти принадлежностью, доходомъ судей, отчасти же взысканіями въ пользу казны. Многіе преступленія и проступки наказывались въ то время денежными взысканіями; надобно полагать, что эти судебныя пошлины должны были быть довольно обременительны, принявъ въ соображеніе совершенно неопредѣленную стоимость тогдашнихъ денегъ и произволь судей, которыхъ личный интересъ заставлялъ всегда находить виновныхъ, такъ какъ отъ этого зависѣли ихъ доходы. Эти судебныя пошлины взымались въ разныхъ видахъ и деньгами, и мѣхами, и скотомъ. Казиміръ III установилъ нѣкоторый порядокъ во взиманіи этихъ пошлинъ, опредѣливъ, кому изъ судей по скольку слѣдовало платить и сколько взыскивать за различныя преступленія и проступки.

Въ тѣ времена, т. е. въ XII, XIII и XIV в. въ большей части королевскихъ имѣній (*królewsczyzna, starostwo*), которые уже впоследствии стали называться казенными, не существовало фольварочныхъ хозяйствъ, а потому и издѣльной по-

divina disponente clementia nuptias celebrare contigerit, tunc praedicti cives et eorum posteri ad quamlibet solennitatem nuptiarum XL sexagenas grossorum Pragensium dent et solvant.»

¹⁾ «*Si nos vel quempiam ex successoribus nostris captivitatem incurrere contigerit, tunc volumus, quod praedicti cives et ipsorum posteri tantam et talem nobis persolvant exactionem, quantam et qualem tunc super eos duxerimus imponendam.»* В. Jus Culmense. App., стр. 312, 313.

²⁾ Bandtkie, Н. пр. р., стр. 165.

³⁾ *Idem etiam dux cum consilio baronum suorum... abolevit urnam mellis, quae exigebatur a pauperibus viduis, nubere volentibus.»* Ibid.

винности (*pańszczyzna*) не отбывалось; въ тѣхъ изъ этихъ имѣній вѣроятно немногочисленныхъ, гдѣ такія хозяйства существовали, крестьяне отбывали повинности на одинаковыхъ основаніяхъ съ тѣми, которые жили въ имѣніяхъ частныхъ. Въ королевскихъ имѣніяхъ повинности устанавливались частью самими королями, а частью и старостами, въ завѣдываніи которыхъ эти имѣнія находились; ¹⁾ иногда повинности крестьянъ основывались на особыхъ актахъ, носившихъ названіе привилегій, а встарину, по большей части, основаніемъ служилъ имъ обычай.

Подати эти были слѣдующія:

1. Подать зерновая, называвшаяся *ser*, *oser*, *zsurka*; въ Краковской области она называлась *szesna*; ²⁾ въ Мазовецкой—*rogzesne*, *rozewne*.

2. Подать съ различнаго рода скота; съ коровъ *kgowne*, *vasa*, съ лошадей *peledrus*, съ овецъ *agies*, съ свиней *rogcus*. ³⁾

3. Дани: медомъ *urna mellis*, пухомъ *veru piscium*, звѣринными шкурами, бѣличьими, куньими и другими. ⁴⁾

4. Подать голубиная *columbatio*; эта подать введена католическимъ духовенствомъ и вначалѣ должно быть была добровольнымъ приношеніемъ. ⁵⁾

5. Подать, извѣстная подъ названіемъ *pagaz*, *pagaz*, *agzaz*, *obgas*, состоявшая изъ особой дани зерномъ, по объясненію Нарушевича для содержанія королевскихъ собакъ.

Совокупность всѣхъ этихъ податей и повинностей и право, по которому государи окладывали ими подданныхъ, извѣстно было подъ названіями: *jus ducale*, *jus terrestre*, *jus polonicum*.

¹⁾ То, что старосты и другіе правители областей устанавливали повинности крестьянъ въ королевскихъ имѣніяхъ, доказывается тѣмъ, что этотъ порядокъ существовалъ и въ позднѣйшее время, какъ говоритъ о томъ г. Домбровскій въ составленныхъ имъ историческихъ свѣдѣніяхъ о казенныхъ имѣніяхъ напечатанныхъ въ Сводѣ Пост. объ очиншеваніи им. каз. и Всем.: пожал.

²⁾ *Bandtkie*, Н. рг. р. стр. 153. ³⁾ *Ibid*.

⁴⁾ См. приведенныя выше слова грамоты о пожалов. Краковск. каноникамъ каштелянства Хропы.

⁵⁾ Это видно изъ слѣдующаго мѣста Длугоша, приводимаго Бандткѣ. *Insuper volumus quod columbatio illibera, per Rectores ecclesiarum a suis parohianis non exigatur de caetero; sed quod quis sponte petenti offerre voluerit, cum gratiarum actionibus tolli debet.*

IV.

Подати въ пользу духовенства.—Десятины и ихъ исторія въ Польшѣ.—Споры о десятинахъ.—Роды десятинь, установившіеся въ Польшѣ, и способъ ихъ взиманія.—Денарій Св. Петра.—Экстраординарные поборы въ пользу Римской Церкви.

Десятина въ Польшѣ всегда была предметомъ упорной борьбы духовенства съ плательщиками ея и поводомъ къ безчисленнымъ спорамъ и тяжбамъ.

Въ Польшу десятины пришли вмѣстѣ съ нѣмецкими проповѣдниками христіанства; этотъ атрибутъ новой вѣры былъ одною изъ главныхъ причинъ того, что Славяне держались язычества съ упорствомъ и возвращались къ нему при всякомъ удобномъ случаѣ. Выше приведены были слова Славянъ нѣмецкимъ вождямъ, заставлявшимъ ихъ принимать христіанство, въ этихъ словахъ они указываютъ на десятины какъ на одну изъ самыхъ невыгодныхъ сторонъ новой вѣры. Въ Польской юридической литературѣ, въ концѣ прошлаго вѣка, существовало мнѣніе, что десятины до введенія христіанства платились въ Польшѣ государямъ, это повторено и Нарушевичемъ; труды Чацкаго, Міончинскаго и Бандткѣ ¹⁾ доказали безспорно, что

¹⁾ Czacki. O dziesięcinach Warszawa 1801. Этотъ трудъ переведенъ на французскій языкъ А. Потоцкимъ. Des dîmes en general etc.

Miączyński. Rozprawa o dziesięcinach. Krakow, 1816.

Bandtke, Prawo prywatne polskie, oddział IV o czynszach dziesięcinach, Warszawa 1851.

этого никогда не было, и изысканія ихъ о десятинахъ представляютъ вполнѣ отчетливую и полную картину этого дѣла въ Польшѣ.

Первые христіанскіе короли Польши устанавливали весьма строгія мѣры для введенія во всеобщій обычай десятинъ; однако позднѣйшія по этому предмету привилегіи Польскихъ государей были либо вынужденными, либо приобрѣтены духовенствомъ во время многочисленныхъ смутъ. Міончинскій приводитъ тому подробныя доказательства; такъ напр. Іаковъ архіепископъ Гнѣзненскій, Андрей епископъ Познанскій и Виславъ Куявскій вымогли въ 1298 г. отъ Генриха князя Глоговскаго за обѣщанную ему корону Польскую право собирать десятину въ снопахъ съ селеній, въ которыхъ дѣйствовало земское или польское право, и частью зерномъ, и частью деньгами съ селеній, пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ. ¹⁾

Въ Польшѣ извѣстны были далеко не всѣ виды десятинъ, существовавшихъ въ другихъ католическихъ странахъ, но извѣстны были именно тѣ, которые всею своею тягостью ложились на сельскій земледѣльческій людъ, т. е. десятины съ произведеній земли или такъ-называемыя *decimas praediales pro-
gratae*. Десятиною въ Польшѣ были обложены почти исключительно полевые произведенія и отчасти огородные продукты.

Правда, есть слѣды и другихъ десятинъ; такъ Кромеръ упоминаетъ о томъ, что Павелъ, епископъ Краковскій, получилъ отъ Лешка Чернаго право на десятину съ металлическихъ рудниковъ, на чьей бы землѣ они ни находились, что король Пржемыславъ, а потомъ и Вацлавъ дали Краковскимъ епископамъ право на десятину съ соляныхъ копей; ксендзь Островскій въ своемъ гражданскомъ правѣ говоритъ, что въ буллахъ Папъ Иннокентія II и Евгенія III упоминается о десятинахъ съ кузницъ, пасекъ и разныхъ другихъ заведеній, но, по справедливому замѣчанію Бандткѣ, легче было дать право на всѣ

¹⁾ Międzyński, Rozpr. o dzies., стр. 93, 94, 98.

эти десятины, чѣмъ имъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ, неоспоримо то, что десятина въ Польшѣ главнѣйшимъ образомъ платилась крестьянами.

Но, кромѣ невыгоднаго значенія въ отношеніи экономическомъ, десятина въ Польшѣ имѣла еще другую худшую сторону: она была причиною и поводомъ къ значительному числу беспорядковъ и смуть въ сферѣ государственной и къ безконечному количеству процессовъ въ сферѣ жизни частной.

Самое введеніе десятины было поводомъ къ безпрестаннымъ беспорядкамъ и народнымъ волненіямъ; первые христіанскіе государи Польши самыми жестокими мѣрами принуждали народъ къ уплатѣ ея. Когда оканчивалась эта борьба правительства съ народомъ, началась изъ-за десятины борьба правительства съ духовенствомъ. Бодзанта, епископъ Краковскій, требовалъ десятины со всего, безъ всякаго ограниченія, что причинило ссору его съ Казиміромъ Великимъ; во время этой ссоры самый могущественный Польскій государь той эпохи два раза подвергался проклятію со стороны притязательнаго пастыря—своего подданнаго. Ссора эта, продолжавшаяся довольно долго, окончилась мировою, заключенною между королемъ и епископомъ передъ архіепископомъ Гнѣзненскимъ Ярославомъ. Выше упомянуто было объ этой сдѣлкѣ. Можно себѣ представить, въ какой беспорядокъ повергала такая неурядица все управление края. Во время царствованія Ягеллы должны были происходить немалые споры о десятинахъ потому, что явилась нужда въ установленіи особыхъ наказаній тѣмъ, которые отказывались ее платить.

Уставы объ этихъ наказаніяхъ принужденъ былъ возобновлять Казиміръ Ягеллончикъ. ¹⁾ Несмотря на строгіе законы, споры о десятинахъ и упорное имъ противодѣйствіе не прекращались. Король Александръ въ 1515 году приказалъ включить въ число законовъ уставъ архіепископства Гнѣзненскаго, по которому всякій, кто присвоивалъ себѣ или отказывался платить десятину, подвергался проклятію *ipso facto*, если въ теченіе трехъ дней не вознаграждалъ всѣхъ происшедшихъ отъ

¹⁾ Volumina legum, V, 193.

того убытковъ. ¹⁾ Въ царствованіе Сигизмунда также довольно было хлопотъ съ десятинами, что видно изъ выражаемаго въ его письмахъ неудовольствія по поводу докучливаго ихъ вымоганія ²⁾, изъ распоряженія, коимъ уничтожена плата сборщикамъ ея, извѣстная подъ названіемъ *spisne*, и изъ споровъ его съ крестоносцами по поводу десятинь.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ сопротивленіе десятинамъ со стороны свѣтской шляхты все усиливалось; землевладѣльцы стали смотрѣть на нее какъ на доходную статью, отнятую у ихъ предковъ духовенствомъ.

Начиная съ генеральной конфедераціи 1573 года и до Владислава IV, цѣлый рядъ сеймовъ разсуждалъ о томъ, чтобы окончить споры о десятинахъ сдѣлкою, которую называли «*компрозусуа*»; но такъ какъ такой сдѣлки никакъ устроить не могли, то при Владиславѣ рѣшили отправить къ Папѣ посольство, чтобы просить о разрѣшеніи этихъ споровъ. Для этого порученія выбрано было лице свѣтское, графъ Оссолинскій, изъ опасенія, чтобы сословный интересъ не восторжествовалъ надъ интересомъ общественнымъ. Урбанъ VIII выдалъ буллу, которою повелѣвалось устроить давно желанную сдѣлку; но такъ какъ по этой буллѣ духовенству было предоставлено самому участвовать въ устройствѣ сдѣлокъ о десятинахъ и безъ его согласія «*компрозусуи*» не могли быть приводимы въ исполненіе, то эта булла имѣла лишь тотъ результатъ, что дѣло о десятинахъ потянулось черезъ новый рядъ сеймовъ, такъ что еще конституція 1775 года настаиваетъ на томъ, чтобы булла Урбана VIII приведена была въ исполненіе.

Что касается процессовъ, порожденныхъ десятинами не только между свѣтскими и духовными лицами, но даже въ средѣ самого духовенства, то считать ихъ, по словамъ Мюнчинскаго, все равно, что считать звѣзды на небѣ. По его же словамъ, нѣтъ въ цѣлой Польшѣ такой деревушки, которая платила бы десятину и въ которой она не подала бы повода къ нѣсколькимъ процессамъ. А что значили эти процессы въ то время,

¹⁾ Vol. leg. I, 316—325.

²⁾ Czacki, 153.

легко себѣ представить по одному порядку, которымъ они производились. Бандткѣ говоритъ, что апелляціи на рѣшенія епископскихъ судовъ по дѣламъ о десятинахъ подавались въ нунціатуру, и оттуда шли въ Римъ, а затѣмъ обыкновенно возвращались назадъ съ приказаніемъ какому-нибудь духовному лицу рассмотреть дѣло вновь и опять отправлялись обратно въ Римъ. Тотъ же авторъ приводитъ интересное свидѣтельство ксендза Маркевича, спорившаго о десятинѣ съ іезуитами: «Великъ и опасенъ путь къ Римской куріи,—говоритъ злополучный истецъ:—для совершенія его требуется самое крѣпкое здоровье и большой запасъ силъ и денегъ. Что если придется придти въ городъ (Римъ) усталымъ и безпомощнымъ? о, сколько затрудненій встрѣтится тамъ при незнаніи языка! Какъ дорого веденіе нашихъ дѣлъ, какъ тяжки сопряженные съ ними расходы! Самые нравы тамъ роскошны и праздны, и опасенъ и сомнителенъ исходъ даже праваго дѣла.»—Такъ говоритъ лицо духовное, какія же затрудненія и непріятности должны были испытывать люди свѣтскіе! прибавляетъ Бандткѣ.

Десятина уплачивалась Польскими крестьянами съ произведеній полей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ произведеній огородовъ. Десятина эта взымалась въ снопахъ всякимъ хлѣбомъ, сѣявшимся на поляхъ; во многихъ мѣстахъ она была переводима на подать зерномъ или деньгами; такой переводъ рѣдко дѣлался съ согласія плательщиковъ и по большей части принудительно; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ существовала десятина въ обоихъ видахъ. ¹⁾ Что касается размѣра, въ которомъ она взымалась, то десятиною считался десятый снопъ всякаго хлѣба, посѣяннаго на полѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычаемъ установленъ былъ другой счетъ. Въ епархіи Краковской существовала самая тяжелая десятина; тамъ духовенство брало десятый снопъ, какъ съ озимаго, такъ и съ яроваго хлѣба; сверхъ того, тамъ былъ обычай, по которому приходскій ксендзъ съ органистомъ, кромѣ установленной десятины, выпрашивали

¹⁾ Miączyński. Rozprawa o dziesięc., стр. 86.

себѣ «petytami», добавочной подачки въ видѣ добровольнаго приношенія. Въ другихъ епархіяхъ десятина бралась только съ одного озимаго хлѣба, а еще чаще съ яроваго, т. е. овса и яровой пшеницы. Въ Подляси она давалась въ размѣрѣ одной копы ржи и одной копы овса съ каждой влуки. Въ Познани съ влуки давалось: вертель (wiertel) ржи и столько же овса. ¹⁾

Въ епархіи Плоцкой въ старину былъ обычай давать десятину, вмѣсто хлѣба, кунными и бѣличьими мѣхами, но Конрадъ князь Мазовецкій и Папа Григорій IX буллою 1232 года замѣнили этотъ обычай обыкновенною десятиною въ снопахъ; ²⁾ тамъ же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ десятиною почитался только 12-й или 15-й снопъ.

Десятина въ разныхъ мѣстахъ платилась весьма разнообразно; иногда размѣръ ея устанавливался обычаемъ, иногда его опредѣляли въ самомъ Римѣ ³⁾, по большей же части онъ совершенно зависѣлъ отъ произвола духовенства; въ Краковской епархіи, по распоряженію епископовъ, въ десятину давалось еще извѣстное количество сноповъ конопли съ опредѣленнаго пространства земли. ⁴⁾

Кромѣ десятины платилась еще въ пользу Римскаго пре-

¹⁾ Międzyński. Rozprawa o dziesięc. 86. ²⁾ Ibid, стр. 88. ³⁾ Ibid., стр. 89.

⁴⁾ Самыя полныя свѣдѣнія о десятинахъ въ Краковской епархіи можно почерпнуть изъ напечатаннаго въ Краковѣ въ 1863 году сочиненія Длугоша «*Libri beneficiorum*», помѣщеннаго въ полномъ собраніи всѣхъ его сочиненій, сдѣланномъ А. Пржездзѣцкимъ. *Libri beneficiorum* составляютъ два тома in folio, напечатанныхъ весьма роскошно съ автографа, найденнаго въ Краковѣ. Это сочиненіе есть описаніе всей Краковской епархіи, со всѣми принадлежащими къ ней приходами и съ перечнемъ всего ея имущества и всѣхъ получаемыхъ духовенствомъ ея десятинъ, сосчитанныхъ и оцѣненныхъ по каждой деревнѣ отдѣльно. Изъ словъ самого Длугоша видно, что онъ предпринялъ это описаніе съ тѣмъ, чтобы спасти отъ забвенія всѣ имущества, десятины и права, дарованныя Краковской епархіи Польскими государями, и что въ 1440 году сдѣлано имъ описаніе имѣній Краковской кафедральной церкви, а 30 лѣтъ спустя и всѣхъ церквей Краковской епархіи. Это изданіе очень интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ съ величайшею подробностью исчислены какъ всѣ десятины, платившіяся во всѣхъ приходахъ Краковской епархіи и съ имѣній разныхъ частныхъ лицъ, такъ и всѣ подати и повинности, отбывавшіяся крестьянами имѣній, принадлежавшихъ Краковскому духовенству.

стола подать, называвшаяся денаріемъ Св. Петра, *Swiętopietrze*, вошедшая въ обычай съ самыхъ древнихъ временъ; еще Болеславъ I-й извинялся передъ Римомъ въ неуплатѣ ея. До Владислава Локетка подать эта платилась въ размѣрѣ 3-хъ денаріевъ и извѣстной мѣры овса съ каждаго дома, т. е. семейства; въ 1318 году постановлено было уплачивать ее въ размѣрѣ одного денарія, съ каждаго крестьянина поголовно. ¹⁾

Кромѣ этихъ податей, собиравшихся постоянно, Римское духовенство дѣлало особыя поборы по разнымъ поводамъ. Такъ въ 1189 году, при Казимірѣ II, Кардиналъ Малабранка собиралъ десятину, подъ названіемъ Саладинской, на освобожденіе гроба Господня; ²⁾ въ 1248 году Іаковъ, нунцій Папы Иннокентія IV, требовалъ, для покрытія расходовъ войны съ Германскимъ императоромъ Фридрихомъ, половину всѣхъ доходовъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, но удовольствовался $\frac{1}{5}$ частію, такъ какъ ему дали ее сразу за три года и притомъ золотомъ; за это приношеніе Папа сократилъ въ Польшѣ великій постъ. ³⁾ Примѣровъ такихъ поборовъ въ Польской исторіи не мало.

Можетъ быть, кромѣ перечисленныхъ повинностей, лежавшихъ въ то время на крестьянахъ въ пользу государства и церкви, существовали и другія, но во всякомъ случаѣ и переименованныхъ совершенно достаточно, чтобы показать, что обязанности крестьянъ въ отношеніи правительства были весьма обременительны. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ этомъ періодѣ, въ особенности въ началѣ, почти тѣже обязанности лежали и на другихъ классахъ Польскаго общества, но для крестьянъ, кромѣ этихъ повинностей, существовали еще другія, гораздо тягчайшія, въ пользу владѣльцевъ тѣхъ земель, на которыхъ они сидѣли. Если принять въ соображеніе съ одной стороны совокупность всѣхъ этихъ нало-

¹⁾ «*Ut de quolibet capite, coloni et rustici homines, unum denarium usuali annuatim solvent. Quae etiam in diem hanc et usque ut in aetatem nostram continuantur.*» *Długosz, I. 965. Bandtkie, H. pr. p., 180.*

²⁾ *Ibid.*, 181.

³⁾ *Ibid.*

говъ и обязанностей, а съ другой безпорядокъ и произволъ, господствовавшіе въ ихъ взиманіи, то станетъ совершенно понятно, почему крестьяне нѣмецкіе, положеніе которыхъ на родинѣ было въ тѣ времена по-истинѣ ужасно, соглашались переходить въ Польшу не иначе, какъ выговоривъ себѣ особья права и собственный судъ.

V.

Хозяйственныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ земель, на которыхъ они жили.—Разные разряды крестьянъ по количеству земли, состоявшей въ ихъ пользованіи.—Пропорція, въ которой находились между собою эти разряды.—Подати и повинности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ.—Примѣры различныхъ податей и повинностей.

Выше упомянуто было о различныхъ разрядахъ крестьянъ существовавшихъ въ этомъ періодѣ, какъ о тѣхъ, которые имѣли право свободно выбирать себѣ мѣсто жительства (*smethones*), такъ и о тѣхъ, которыхъ личная свобода была ограничена и которые были привязаны къ землѣ, на которой жили (*adscriptitii*); предварительно разсмотрѣнія положенія тѣхъ и другихъ передъ тогдашнимъ закономъ, т. е. ихъ правъ гражданскихъ, слѣдуетъ остановиться на ихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ къ частнымъ землевладѣльцамъ: духовенству и шляхтѣ.

Въ хозяйственномъ отношеніи крестьяне въ Польшѣ дѣлились на слѣдующіе разряды по величинѣ занимаемыхъ ими участковъ земли.

1. Рольники, называвшіеся также кметями *smethones*; такой крестьянинъ обыкновенно имѣлъ ланъ земли, ¹⁾ двѣ пары воловъ или лошадей, полную хозяйственную упряжь, усадьбу,

¹⁾ Ланъ занималъ въ себѣ около 60 морговъ земли нынѣшней мѣры, т. е. около 30 десятинъ.

огородъ, право на общее пастбище и участокъ луга, достаточный для того, чтобы собраннымъ съ него сѣномъ можно было прокормить скотъ въ теченіе зимы. Весьма понятно, что такими рольниками бывали только кметы; только они, какъ люди свободные и имѣвшіе возможность уговариваться объ условіяхъ съ владѣльцами, могли имѣть достатокъ, необходимый для веденія такого сравнительно обширнаго хозяйства; вотъ почему впоследствии, уже гораздо позже, когда кметы, въ смыслѣ свободныхъ крестьянъ, совершенно исчезли въ Польшѣ, имя это осталось за тѣми изъ крестьянъ, которые пользовались большими участками земли, и, потерявъ свое юридическое значеніе, сохранило за собою только хозяйственное.

2. Полурольники, т. е. имѣвшіе хозяйство въ половину меньшее противъ рольниковъ кметей; они также назывались въ этомъ періодѣ кметями; такъ Длугошъ говоритъ напр. о находившемся въ Краковскомъ деканатѣ селеніи Ляскувка: *in qua sunt quatuor cum medio lanei smethonales.* ¹⁾

3. Загородники, огородники, *hortulani*; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ называли «*swięci golnicy*», имѣвшіе отъ 12 до 14 морговъ земли по теперешней мѣрѣ; обыкновенно такіе крестьяне имѣли свой рабочій скотъ и упряжь.

4. Халупники, *tabernatores*, пользовавшіеся обыкновенно 5—8 моргами земли и рабочаго скота не имѣвшіе ²⁾, и наконецъ

5. Коморники, земли не имѣвшіе и жившіе заработками; кажется особое названіе для этого рода крестьянъ вошло въ употребленіе уже позже, по крайней мѣрѣ Длугошъ, говоря о такихъ безземельныхъ крестьянахъ, называетъ ихъ *hortulani, tabernatores, agros non habentes.*

Такое хозяйственное раздѣленіе крестьянъ на разряды оче-

¹⁾ *Libri beneficiorum*, I, 11.

²⁾ Два послѣдніе разряда не всегда различались въ названіяхъ; такъ Длугошъ иногда употребляетъ и то и другое для обозначенія однихъ и тѣхъ же крестьянъ; напр. *Sunt in eadem villa quinque tabernae, sive horti, quarum quaelibet solvet etc. Libri beneficiorum*, I, стр. 289, и до настоящаго времени эти два названія въ Польшѣ часто путаются.

видно весьма древняго происхожденія; Длугошъ, описывая Краковскую епархію въ 1440 году, упоминаетъ обо всѣхъ этихъ разрядахъ крестьянъ во всѣхъ селеніяхъ, къ ней принадлежавшихъ. Значитъ въ то время, уже оно было общимъ обычаемъ, а такіе обычаи устанавливаются въ народѣ не скоро, и такъ какъ съ самаго образованія Польскаго государства до того времени, когда писалъ Длугошъ, не было никакого такого переворотъ въ хозяйственномъ бытѣ польскихъ крестьянъ, который бы могъ породить такой обычай, то начала его надо искать въ XII или XI вѣкѣ, а можетъ быть и раньше.

Слѣдуетъ еще остановиться на одномъ весьма интересномъ выводѣ, который можно сдѣлать изъ книги Длугоша, а именно на пропорціи, въ которой находились между собою всѣ эти различные разряды крестьянъ. Расчетъ показываетъ, что крестьянъ кметей было въ то время въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ крестьянъ всѣхъ другихъ разрядовъ взятыхъ вмѣстѣ. Такъ въ Краковскомъ деканатѣ ¹⁾ насчитано 31 селеніе, изъ коихъ два принадлежали духовенству, а остальные шляхтѣ; во всѣхъ этихъ селеніяхъ рольниковъ, или кметей лановыхъ было 158, полурольныхъ 8, загородниковъ (*hortulani*) 17, и наконецъ безземельныхъ усадьбъ 7.

Въ совершенно въ другой мѣстности находившемся имѣніи Пабіанице ²⁾ во всѣхъ принадлежавшихъ къ нему 29 селеніяхъ было: усадьбъ кметей лановыхъ 336, полурольниковъ 1, загородниковъ 43, халупниковъ 3, а усадьбъ безъ земли не показано вовсе. ³⁾ Что такова была пропорція между различными разрядами крестьянъ въ то время, весьма естественно потому, что почти все земледѣленіе заключалось въ хозяйствахъ крестьянскихъ. Большихъ хозяйствъ шляхетскихъ, фольварочныхъ, почти не было; для этого въ тѣ времена не было ни нужныхъ капиталовъ, ни другихъ благопріятныхъ экономическихъ условій. Нашествія Татаръ въ XIII вѣкѣ, междоусобицы

¹⁾ *Libri beneficiorum*, стр. 7—14 *Chorus dexter. Decanatus Cracoviensis.*

²⁾ Прѣжнее кастелянство Хропы, дарованное Каноникамъ Краковскимъ Юдифью, супругою короля Владислава Германа.

³⁾ *Libri beneficiorum*, I. *Vona tenutae Pabyanyszensis*, стр. 273—292.

князей послѣ раздѣла, сдѣланнаго Болеславомъ Кривоустымъ, опустошенія, сопровождавшія всѣ эти событія, дѣлали всякое хозяйство сколько-нибудь обширное если не невозможнымъ, то крайне рискованнымъ. Послѣ нашествія татаръ въ концѣ XIII вѣка край остался въ такомъ опустошенномъ положеніи, что во многихъ мѣстахъ за неимѣніемъ рабочаго скота крестьяне пахали землю, впрягаясь сами въ плуги.

Большая часть страны, въ особенности въ началѣ этого періода по показанію М. Галла была покрыта густыми лѣсами и только весьма незначительная часть земли была обработана. Весьма естественно, что въ то время самымъ выгоднымъ способомъ извлекать доходъ изъ земель состоялъ въ поселеніи на нихъ крестьянъ; владѣльцы охотно отдавали земли свои подъ крестьянскія поселенія и заключали съ ними разныя условія, предоставляя обыкновенно новымъ поселенцамъ нѣсколько льготныхъ отъ повинностей лѣтъ. Такія поселенія получали названія «Воли»; ¹⁾ короли и князья всѣми средствами старались заселить пустопорожнія земли, приглашали нѣмцевъ, привлекая ихъ особыми правами и привилегіями, даже насильно заселяли земли плѣнными и рабами, которыхъ покупали у Славянъ жившихъ по Балтійскому поморью. ²⁾ Однако къ концу этого періода въ землевладѣльцахъ началось противоположное стремленіе; обстоятельства перемѣнились и собственное хозяйство стало возможнымъ и начало становится болѣе выгоднымъ, въ особенности на земляхъ, издавна обрабатывавшихся, и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ. Владѣльцы начали отбирать у крестьянъ земли и обрабатывать ихъ въ свою пользу; въ описаніи Краковской епархіи Длугоша довольно часто при перечисленіи крестьянскихъ участковъ въ разныхъ деревняхъ попадаются замѣтки, что столько-то участковъ земли (лановъ) ото-

¹⁾ И въ настоящее время многія селенія въ Польшѣ носятъ это имя съ прибавкою какого-нибудь мѣстнаго названія.

²⁾ Славяне Балтійскіе вели обширную торговлю невольниками, обращая въ рабство плѣнныхъ, которыхъ набирали въ войнахъ съ Даніей и другими своими сосѣдями и между собою; см. Исторію Балтійскихъ Слав. Гильфердинга, I, 43—46.

брано владѣльцами у крестьянъ. ¹⁾ Однако до самаго конца этого періода большая часть обработанныхъ земель состояла въ пользованіи крестьянъ кметей. ²⁾

Обращаясь къ тѣмъ податямъ и повинностямъ, которыя отбывали крестьяне въ пользу владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ они сидѣли, можно сказать, что обязанности крестьянъ къ различнаго рода владѣльцамъ находились въ слѣдующемъ соотношеніи: въ имѣніяхъ королевскихъ подати казенныя были больше податей, отбывавшихся въ пользу королей, старостъ или впоследствии арендаторовъ; въ имѣніяхъ шляхетскихъ, наоборотъ, подати въ пользу владѣльца были гораздо значительнѣе казенныхъ, а въ имѣніяхъ духовенства тѣ и другія были въ болѣе равномъ между собою отношеніи.

Въ имѣніяхъ частныхъ, т. е. принадлежавшихъ духовенству и шляхтѣ, крестьяне либо отбывали въ пользу владѣльца издѣльную повинность, панщизну, либо платили имъ подати чинши ³⁾ въ деньгахъ или разными продуктами; впрочемъ и тамъ, гдѣ крестьяне отбывали опредѣленныя работы, они также платили разныя подати, но въ меньшемъ размѣрѣ противъ тѣхъ, которыя работъ въ пользу владѣльцевъ не исполняли; равнымъ образомъ и тѣ, которые платили чинши, также исполняли нѣкоторыя повинности, напр. подводную, и другія работы, такъ, что рѣзкаго раздѣленія на издѣльныхъ и чиншевыхъ крестьянъ сдѣлать нельзя. Видъ податей и повинностей зависѣлъ отъ

¹⁾ Обыкновенно Длугошъ дѣлаетъ эти замѣтки съ неудовольствіемъ потому, что владѣльцы, отобравъ у крестьянъ землю, переставали давать десятину, которую крестьяне съ нея вносили. Напр. *De his autem sex laneis emethonalibus occupavit tres laneos haeres, postquam domus emethonum Dunayecz absorbit, et nulli de ipsis agris decimam solvit, in quo culpandus est decanatus Cracoviensis, qui negligit jus suum. Libri beneficiorum, I, 10.*

²⁾ О незначительномъ числѣ фольварочныхъ хозяйствъ въ XIII и XIV вѣкѣ говоритъ Г. Ставискій. «*Poszukiwania do Historji rolnictwa krajowego przez Ed. Stawiskiego, стр. 28—29—30*»; однако доводы его, основывающіеся главнѣйшимъ образомъ на томъ, что въ тѣ времена не было класса людей, изъ котораго могли бы набираться фольварочныя рабочіе, болѣе гадательны, чѣмъ доказаны историческими данными.

³⁾ Слово это, кажется, происходитъ отъ латинскаго слова *census*.

разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, а главнѣйшимъ образомъ отъ того, имѣлъ ли владѣлецъ нужду въ работѣ своихъ крестьянъ или нѣтъ.

Опредѣлить съ точностью, въ какомъ именно размѣрѣ отбывались всѣ эти повинности, не возможно потому, что онѣ зависѣли съ одной стороны отъ разныхъ обычаевъ, принятыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, а съ другой отъ произвола частныхъ владѣльцевъ; но наиболѣе повсемѣстными и обыкновенными были слѣдующія:

Крестьяне кмети отбывали панщизну работая определенное число дней съ собственными своими орудіями и скотомъ; ¹⁾ затѣмъ обязаны были давать подводы по требованію владѣльца; размѣръ этой послѣдней повинности былъ чрезвычайно неопредѣлителенъ и по самому свойству своему долженъ былъ совершенно зависѣть отъ мѣстныхъ обстоятельствъ селенія; такъ Длугошъ, описывая одно селеніе, говоритъ, что крестьяне его обязаны давать подводы когда бы того отъ нихъ ни потребовали, запрягая по четыре лошади вмѣстѣ, для чего бралось по одной лошади съ четырехъ хозяевъ ²⁾, въ другихъ обязаны были доставлять подводы до извѣстнаго мѣста ³⁾ или обязывались давать определенное число подводъ для определенной цѣли. ⁴⁾ Весьма часто нѣкоторые или даже и всѣ эти разные виды подводной повинности существовали вмѣстѣ. Сверхъ того крестьяне обязывались всѣ поголовно собираться на извѣстныя работы, какъ то: уборку озимаго и яроваго хлѣба; безвозмездно чинить постройки въ имѣніи владѣльца, а въ случаѣ возведенія новыхъ построекъ работать за уменьшенную противъ другихъ плату, ⁵⁾

¹⁾ Надобно замѣтить, что недѣльная панщизна вошла въ общее употребленіе уже позже.

²⁾ «jungendo in currum ex quatuor laneis, quatuor equos». Libri benefic., I, стр. 7.

³⁾ «necessariae in Piotrkow ducere». Ibid., 277.

⁴⁾ «item quilibet tenetur ducere duodecim currus lignorum de laneo ad curiam in Pabianicze». Libri beneficiorum, I, 276.

⁵⁾ «omnia antiqua aedificia tenentur reficere et portas et ostia nova facere; pro novis autem aedificiis tenentur minorem mercedem quam alii». Libri beneficiorum, I, 7, 8.

чинить изгороди, мосты и дороги, выходить на охоты и облавы и исполнять еще разныя другія случайныя послуги, которыхъ перечислить нѣтъ возможности.

Тѣ же крестьяне обязаны были платить разныя подати какъ деньгами, такъ и всевозможными продуктами, хлѣбомъ, домашнею птицею, яицами, сырами, коноплею, медомъ и пр. и пр.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ панщизна не опредѣлялась числомъ дней, а крестьяне извѣстнаго селенія просто обязаны были обработать владѣльческія поля, выкосить покосы и убрать всѣ собранныя произведенія. ¹⁾ Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, за неимѣніемъ владѣльческихъ полей, не было и панщизны, подати денежныя, а еще болѣе продуктами, соотвѣтственно возвышались.

Что касается крестьянъ не кметей, не имѣвшихъ своихъ орудій и рабочаго скота, или имѣвшихъ ихъ въ недостаточномъ для конной панщизны числѣ, то они отбывали пѣшую издѣльную повинность, а иногда сверхъ того облагались другими особенными работами, смотря по нуждѣ владѣльца. ²⁾

Относительно размѣровъ чиншей и податей, платившихся тѣми крестьянами, которыхъ повинности въ пользу владѣльцевъ отбывались главнѣйшимъ образомъ деньгами и данями, можно сказать, что общей нормы, даже приблизительно, опредѣлить для нихъ невозможно. Поэтому достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ изъ различныхъ привилегій, относящихся къ этой эпохѣ, по которымъ можно судить о размѣрѣ этихъ повинностей. ³⁾

¹⁾ «in praedio Pabianicensi tenentur omnes cmethones, simul agros eos continentes, arare, arpicare, frumento curiæ seminare, metere, a cervos pro eis disponere et in horreum propriis curribus inducere; item tenentur unum pratum pro curia falcastrare, rastrare, colligere et in horreum ducere». Libri beneficiorum, I, 276.

²⁾ Такъ Длугошъ говоритъ объ загородникахъ (hortulani) селенія Кобыляны, что они, сверхъ недѣльной панщизны, «tenentur oportare sufficientiam aquæ pro braxanda cervisia et cervisiam braxatam deferre in cellarium et imponere ad currum.» L. benef. I, 7.

³⁾ Послѣдующіе примѣры заимствованы изъ книги Г. Ставискаго «Rozukiwaien do Hist. voln: kr.»

Привилегія 1265 года, Лешка князя Серадзскаго, назначаетъ съ лана по $\frac{1}{4}$ гривны (*ferto*) серебра, по двѣ мѣры пшеницы, по четыре мѣры ржи и по 6 мѣръ овса. ¹⁾

Привилегія 1279 года того же Лешка назначаетъ вмѣсто чинша дань медомъ слѣдующимъ образомъ: въ первый годъ 2 горшка, во второй 4, въ третій 6 и т. д. до десятаго года, въ который придется 20 горшковъ; и потомъ уже далѣе по 20 горшковъ ежегодно. ²⁾

Такія же обязанности наложены на пчеловодовъ дер. Бартодзей въ 1298 году. ³⁾

Привилегією 1284 г. Пржемыслава II назначено съ ланѣ чинша по $\frac{1}{4}$ гривны, шесть мѣръ ржи и шесть мѣръ овса. ⁴⁾

По привилегіи 1363 г. назначено по $\frac{1}{4}$ гривны, обыкновенными денаріями (грошами) и по мѣрѣ пшеницы. ⁵⁾

Привилегія 1346 года, данная на право устройства селенія на рѣкѣ Липникѣ, по прошествіи 20 льготныхъ лѣтъ, назначаетъ чинша по 8 *skotos* грошей (т. е. $\frac{1}{3}$ гривны). ⁶⁾

Привилегія епископа Герварда, 1317 года, послѣ 4 льготныхъ лѣтъ назначаетъ чиншъ въ пол-гривны. ⁷⁾

Привилегія архіепископа Трояна 1394 г. назначаетъ чиншъ по 8 *skotos* Торнскою монетою и по два каплуна. ⁸⁾

Привилегія 1351 года, по истеченіи двухъ льготныхъ лѣтъ, назначаетъ чинша по 15 *skotos* Торнскою монетою. ⁹⁾

Привилегія 1356 года, данная на право устройства деревни Воли Петровой, назначаетъ по прошествіи 14 льготныхъ лѣтъ по 8 *skotos* грошей. ¹⁰⁾

¹⁾ Kod. Dyp. War. T. I. № 51. Główn. k. 647.

²⁾ Ibid., T. I. № 60.

³⁾ Ibid., T. II. № 169.

⁴⁾ Ibid., T. I. № 65.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ibid., T. II. № 150.

⁸⁾ Ibid., № 289.

⁹⁾ Ibid., № 292.

¹⁰⁾ Ibid., T. I. № 121.

Привилегія 1369 года назначаетъ съ лана по цѣлой гривнѣ. ¹⁾

Если подати и повинности, которыми крестьянинъ обложенъ былъ въ пользу государства, были запутаны, неопредѣленны и неравномѣрны, то тѣмъ болѣе отличались всѣми этими свойствами обязанности крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ; подводя итогъ длинному перечню всевозможныхъ обязанностей, податей и повинностей крестьянъ, придется составить себѣ весьма невыгодное представленіе объ экономическомъ положеніи ихъ въ то время. ²⁾

¹⁾ Ibid., № 131.

²⁾ Для болѣе яснаго представленія о размѣрѣ крестьянскихъ податей, нелишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь краткое объясненіе о счетѣ и цѣнности денегъ въ Польшѣ въ эту эпоху.

Гривною, *marca*, назывался извѣстный вѣсъ какого-либо металла, и вмѣстѣ съ тѣмъ она была денежною единицею (но не монетою). Однако гривна какъ денежная единица, *marca monetae*, не была то же, что гривна въ смыслѣ опредѣленнаго вѣса драгоцѣннаго металла, *marca argenti*. Такъ изъ гривны серебра въ 12 унцій вѣсомъ выходило 2 и 3 гривны денегъ. *Ferto, wiar-dunek, wiertel* означало $\frac{1}{4}$ часть гривны, а *scatus* $\frac{1}{24}$ часть гривны. Что касается монеты, то при Вацлавѣ изъ гривны серебра дѣлалось 60 большихъ Прагскихъ или Чешскихъ грошей *grossi, denarii, magni denarii, grossi, denarii Pragenses*, а также и мелкая монета подъ названіемъ малыхъ грошей (*parvi grossi, parvi denarii*), которыхъ считалось 12 на одинъ большой. Счетъ на гривны сталъ впослѣдствіи замѣняться счетомъ на копы, *sexagenas*, по 60 грошей. Грошъ стоилъ въ XIV вѣкѣ приблизительно 20 копѣекъ серебромъ на наши деньги. Когда счетъ ведется на гроши, то подразумеваются большіе гроши по 60 на гривну; польскихъ грошей на гривну приходилось 48. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что деньги въ то время были гораздо дороже чѣмъ въ настоящее время. Для возможности сравненія приведена здѣсь цѣнность разныхъ сельскихъ продуктовъ въ концѣ XV вѣка. Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ таблички, приложенной къ книгѣ г. Ставискаго и перепечатанной имъ изъ: *Wspomnienia Wielkopolski*. Ed. Raczynskiego, Poznań 1842 г. стр. 129.

Двупарный возъ сѣна стоилъ	96 коп. сереб.
Корова	1 р. 94 » »
Боченокъ масла	1 » 44 » »
Овца	» » 34 » »
Годовая плата рабочему	2 » 30 » »
Поденная плата рабочему въ Краковѣ	» » 4 » »

Можно думать, что приводимыя Рачинскимъ цѣны должны быть близки къ дѣйствительно существовавшимъ въ то время. Чацкій (о Lit. i Pals Pr.

При отсутствіи почти всякаго другаго производства, кромѣ обработки земли, сельскій земледѣльческій людъ былъ единственнымъ производителемъ и источникомъ богатства страны; между тѣмъ самая ничтожная доля плодовъ его тяжкаго труда оставалась ему для удовлетворенія его скудныхъ нуждъ, все остальное долженъ онъ былъ отдать на удовлетвореніе потребностей и прихотей своихъ правителей, своего духовенства и своей шляхты.

цитируемый Ставискимъ, Poszuk. do Hist. Rol. kr. стр. 124) опредѣляетъ цѣну ржи въ концѣ XV вѣка въ $22\frac{1}{2}$ коп. сереб. за корецъ. Куррикень въ исторіи Данцига говоритъ, что въ 1405 г. ластъ ржи продавался тамъ за 5 гривенъ, пшеницы за 7 гривенъ, ячменя за $3\frac{1}{2}$ гривны и ластъ овса за $\frac{1}{2}$ гривны.

VI.

Положеніе крестьянъ передъ закономъ. — Различные законы, дѣйствовавшіе въ Польшѣ. — Право польское земское, его органы и равноправность передъ нимъ крестьянъ съ прочими сословіями. — Право нѣмецкое и отношенія къ нему крестьянъ. — Право каноническое и духовные суды. — Гражданскія права кметей: право собственности на имущество и право свободного перехода. — Уголовные законы о крестьянахъ. — Солтысы лановые. — Привилегіи, получавшіяся частными владѣльцами на право суда въ ихъ владѣніяхъ. — Значеніе этого права. — Сопrotивленіе крестьянъ возраставшему преобладанію шляхты. — Крестьянское возстаніе въ XI вѣкѣ. — Усмиреніе этихъ волненій. — Невозможность, въ которой находились крестьяне защищать свои права.

Но какъ бы ни были неблагопріятны матеріальныя условія быта земледѣльческаго населенія Польши въ то время, крестьяне еще не утратили блага, которое цѣнится дороже матеріальнаго благосостоянія всякимъ человѣкомъ, на какомъ бы низкомъ уровнѣ развитія онъ ни находился; земледѣльческое населеніе, или вѣрнѣе большая его часть еще сохраняла за собою свою личную свободу. Тогдашній законъ еще признавалъ за крестьяниномъ его гражданскія права, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями; доступъ къ суду былъ ему возможенъ; лучшіе короли Польши старались, насколько хватало ихъ власти, оградить его отъ возраставшихъ притязаній духовенства и шляхты; между нимъ и закономъ еще не стояла непроницаемою стѣною личность землевладѣльца. Правда, основанія всего этого были уже заложены, однакожь не вдругъ выросло то государственное зданіе, которое должно было въ будущемъ обратиться для польскаго крестьянина въ мѣсто заключенія столь тѣсное, что изъза глухихъ его стѣнъ онъ не замѣтилъ исторіи, въ которой не участвовалъ, и остался равнодушнымъ зрителемъ того, какъ

разрушалась самостоятельность его отечества и чуждые ему народы дѣлили между собою его части.

На законодательствѣ польскомъ отразились совершенно ясно всѣ тѣ разнообразныя начала, подѣ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь польскаго народа. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ существованія польскаго государства въ его юридическомъ бытѣ столкнулись три рода совершенно различныхъ между собою правъ: 1) право національное польское, право земское, начала котораго были славянскія, 2) права римское и каноническое, внесенныя въ Польшу, вмѣстѣ съ католицизмомъ, римскимъ духовенствомъ, и 3) право нѣмецкое, проникшее сюда вслѣдъ за нѣмецкими колонистами и затѣмъ распространенное на польскіе города и значительное число польскихъ селеній. Въ описываемый періодъ всѣ эти три рода правъ уже дѣйствовали въ Польшѣ и каждый изъ нихъ имѣлъ свои органы и свой кругъ дѣйствія; на дѣлѣ, въ жизни, область cadaго изъ этихъ разнородныхъ правъ не могла имѣть опредѣленныхъ и строгихъ границъ.

При отсутствіи письменныхъ сборниковъ права и правильнаго судебного устройства, при всеобщемъ стремленіи къ достиженію исключенія изъ-подъ дѣйствія общихъ для всѣхъ законовъ, стремленіи, которому сильно способствовали слабость государственной власти, самоволіе духовенства и высшей шляхты и частое вмѣшательство въ дѣла Польши Рима и Германіи, весьма естественно, что въ примѣненіи къ жизни всѣхъ этихъ разнообразныхъ юридическихъ началъ, господствовали величайшій беспорядокъ и смѣшеніе, производившіе постоянное столкновеніе и взаимное противодѣйствіе разичныхъ правъ, законовъ и обычаевъ. Право земское, польское, дѣйствовало въ обыкновенныхъ судахъ, судахъ кастеляновъ и старость, судахъ вѣчевыхъ и наконецъ высшимъ органомъ его была власть королевская. Право римское и католическое дѣйствовало въ судахъ духовныхъ, признававшихъ надъ собою только власть Рима. Право нѣмецкое-тевтонское имѣло также свои особые органы и во главѣ ихъ стояли суды городовъ Магдебурга и Галле. Странное смѣшеніе представляли всѣ эти различныя права, выработавшіяся, въ различныя времена, при совершенно несходныхъ между собою условіяхъ жизни и быта, духомъ про-

тивоположныхъ по своимъ понятіямъ національностей. Какимъ образомъ, напр., могли помириться славянскія понятія о правѣ собственности общественномъ съ строгими понятіями о собственности по римскому праву и съ отрицаніемъ всякой собственности по германскому ленному праву. «Вся земля принадлежитъ мнѣ», долженъ былъ говорить польскій государь въ силу своего *supremum jus*; «моя земля принадлежитъ мнѣ *partim jure divino, partim largitione et liberalitate regum, principum, nobilium, ceterumque fidelium*», ¹⁾ говорило духовенство. «Земля можетъ принадлежать только тому, кто можетъ ее защищать, т. е. только благородному рыцарю», говорилъ польскій шляхтичъ. «Земля, на которой я сижу, да и та, на которой вы всѣ сидите, принадлежитъ мнѣ *z dziadów, pradziadów*», упорно твердилъ польскій крестьянинъ и этого убѣжденія не могли отнять у него всѣ тѣ притѣсненія и насилія, которыя онъ долженъ былъ перенести, прежде чѣмъ права его были за нимъ признаны.

Единственнымъ правомъ всѣми признаваемымъ и одинаково легко согласовавшимся съ началами и славянскими германскими и римскими, было право сильнаго; въ Польшѣ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, этимъ правомъ не пользовалось земледѣльческое крестьянское населеніе.

При Болеславѣ I, въ XI вѣкѣ, судебная власть принадлежала правителямъ областей, кастелянамъ и старостамъ; ихъ юрисдикціи подчинялись всѣ жители округовъ, принадлежавшихъ къ городамъ, которыми они правили, а слѣдовательно и крестьяне. Впослѣдствіи, въ особенности во время неурядицы, наставшей въ Польшѣ послѣ раздѣла ея между наслѣдниками Болеслава Кривоустаго, духовенство, а за нимъ и шляхта, начали получать право суда въ предѣлахъ своихъ имѣній, но все же долго еще сохраняли за собою крестьяне большую часть своихъ гражданскихъ правъ и возможность судиться съ своими панами.

Въ теченіе всего этого періода за крестьяниномъ призна-

¹⁾ *Libri beneficiorum. Proemium.*

гались права собственности, если не на землю, то на все остальное его имущество. Въ разной мѣрѣ, смотря по разряду, къ которому они принадлежали, крестьяне могли оставлять владѣльцевъ своихъ земель, и за ними признавались наследственные права на обрабатываемыя ими земли; владѣлецъ не могъ прогнать крестьянина съ земли, если онъ исправно отбывалъ всѣ лежавшія на немъ подати и повинности. Во многихъ привилегіяхъ того времени кметы назывались собственниками и дѣла о крестьянской собственности подлежали исключительно юрисдикціи королей и князей, на томъ основаніи, что государи признавались верховными собственниками всей польской земли, почему никто, не исключая даже рыцарей, а позже шляхты, не могъ отчуждать собственности на землю безъ ихъ разрѣшенія; долго еще всѣ подобные акты утверждались въ Польшѣ королями. ¹⁾ Для всѣхъ былъ одинъ законъ, а органами его кастелляны и правители областей, которымъ власть судебная принадлежала какъ представителямъ власти государей. На ихъ судъ можно было жаловаться государямъ, которые объѣзжали иногда страну и чинили во время этихъ объѣздовъ судъ и расправу. Судъ этотъ производился въ старину подъ открытымъ небомъ, для чего выбиралось удобное мѣсто надъ водою и въ сосѣдствѣ луговъ и лѣсовъ, чтобы имѣть возможность кормить лошадей и раскладывать огонь. Такіе суды, на которыхъ разбирались не одни судебныя, но и разныя другія дѣла, были древнимъ славянскимъ обычаемъ и назывались вѣчами; сначала производились они въ присутствіи государей, а потомъ и воеводъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ Длугошъ; однакоже въ его время, т. е. въ XV вѣкѣ, эти суды уже выходили изъ употребленія.

Такимъ путемъ крестьяне могли защищать свои права и въ тѣ времена они еще не подлежали юрисдикціи владѣльцевъ земель, на которыхъ они сидѣли, и стали подчиняться этой юрисдикціи только мало по малу по особымъ привилегіямъ, дававшимся государями духовенству и высшей шляхтѣ. Сначала

¹⁾ Bandtkie, Pr. pr. Polsk., 145.

такія привилегіи были очень рѣдки, но потомъ стали распространяться все болѣе и болѣе и, увеличиваясь въ числѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлались обширнѣе по объему правъ, ими дарованныхся. ¹⁾ Бандкѣ говоритъ, что XII и XIII вѣка составляютъ время наибольшаго распространенія исключеній изъ-подъ юрисдикціи общихъ судовъ, посредствомъ частныхъ привилегій. Въ это самое время стало распространяться въ Польшѣ право нѣмецкое тевтонское, вводившее съ собою и особые суды, основанные на выборномъ началѣ. Съ имѣніи королевскихъ, пользовавшихся нѣмецкими правами и привилегіями, брали примѣръ духовенство и шляхта, и выпрашивали себѣ у государей позволенія устроить и на своихъ земляхъ селенія на нѣмецкомъ правѣ; такія позволенія давались государями тѣмъ охотнѣе, что въ заселеніи пустопорожнихъ земель они видѣли прямую выгоду для себя и для всего государства. Крестыяне, получившіе нѣмецкія права, садились на всякія земли, а въ томъ числѣ и на земли, принадлежавшія духовенству и шляхтѣ, на основаніи условій, заключаемыхъ ими съ владѣльцами, и, сохраняя за собою право личной свободы, подлежали легчайшимъ, сравнительно съ крестьянами жившими на правѣ польскомъ, обязанностямъ къ владѣльцамъ, платили меньшія подати, отбывали легчайшую панщизну, признавались собственниками своего имущества и имѣли свои выборные суды. Такіе суды существовали въ каждомъ селеніи, пользовавшемся нѣмецкимъ правомъ, и состояли изъ выборнаго Солтыса и помощниковъ его, называвшихся старшинами, лавниками; обязанность солтыса очень часто оставлялъ за собою владѣлецъ земли, такъ какъ она была довольно выгодна; ²⁾

¹⁾ Напр. въ привилегіи, данной въ 1387 году княземъ Мазовецкимъ Іоанномъ *nobilibus viris de Kladno*, говорится: «*insuper tribuimus praemissis nobilibus et ipsorum posteris omnes causas magnas et parvas infra limites et in limitibus praescriptarum villarum judicare, carceres et patibula erigere, omnesque excessus capitales et criminales ac delicta punire, licet vindictam sanguinis, mutilationem membrorum aut ultimum supplicium exigant, aequalitatem poenae pro aequalitate criminis imponendo*». *Bandtkie, Zbiór rozpraw o przedmiotach prawa polskiego*, 147—148.

²⁾ Неправильно называютъ иногда этихъ солтысовъ войтами. Въ тѣ времена войты существовали только въ городахъ. См. Бандткѣ, Н. р. р., 213.

суды эти дѣйствовали на основаніи условій, заключенныхъ крестьянами съ владѣльцами земель, и апелляціи на ихъ рѣшенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ шли къ королямъ и князьямъ или къ владѣльцамъ, епископамъ, аббатамъ, шляхтѣ, если сіи послѣдніе имѣли на то особыя привилегіи; въ селеніяхъ же, населенныхъ нѣмецкими выходцами, апелляціи подавались въ суды городовъ Магдебурга и Галле. Только при Казимірѣ Великомъ запрещено было обращаться туда по судебнымъ дѣламъ и устроены были въ Краковѣ особыя верховныя суды для пользовавшихся правомъ нѣмецкимъ. ¹⁾ Однакожъ слѣдуетъ замѣтить, что привилегіи нѣмецкаго права пропали во многихъ селеніяхъ, въ которыхъ сами владѣльцы, даровавшіе ихъ, или ихъ наслѣдники насильно вводили потомъ общее польское земское право; крестьяне такихъ селеній, не будучи въ состояніи добиться возстановленія своихъ правъ, мало по малу забывали о своихъ прерогативахъ и подчинялись общимъ судамъ; поэтому Казиміромъ Великимъ было постановлено, чтобы тѣ, которые, пользовавшись сначала правомъ нѣмецкимъ, обращались впослѣдствіи къ судамъ земскимъ, общимъ, не имѣли бы права требовать возвращенія своихъ привилегій. ²⁾

Образованіе особыхъ духовныхъ судовъ надо отнести къ началу XIII вѣка. Несмотря на все уваженіе и покровительство, которое оказывали духовенству Болеславъ I и другіе государи Польши, оно все-таки до того времени еще подчинялось общимъ судамъ, существовавшимъ въ странѣ. Въ самомъ началѣ XIII столѣтія Генрихъ Кетличъ, архіепископъ Гнѣзненскій, первый добился отъ Польскихъ Князей особаго для духовныхъ суда, такъ что съ этого времени никакое духовное лицо не могло быть призываемо къ суду свѣтскому и должно было судиться передъ архіепископомъ, епископами или аббатами; то же самое право было распространено и на крестьянъ, жившихъ на земляхъ, принадлежавшихъ духовенству. ³⁾ Впо-

¹⁾ Bandtkie, H. p. p., 214.

²⁾ Volumina legum, I. 28.

³⁾ Bondtkie, H. p. p., 209.

слѣдствіи Генрихъ Кетличъ выпросилъ у Римскаго престола подтвержденіе этого права, и за это получилъ для себя и своихъ преемниковъ титулъ *legati nati* Гнѣзненской провинціи, титулъ весьма важный потому, что онъ далъ архіепископамъ Гнѣзненскимъ право не признавать надъ собою никакой власти, кромѣ власти Римскаго престола. Это обстоятельство придало духовенству такое значеніе, что во время неурядицы, царствовавшей въ Польшѣ, когда она распалась на отдѣльныя княжества, власть высшаго духовенства была сильнѣе и обширнѣе власти слабыхъ Польскихъ государей.

Главнѣйшими признаками свободы земледѣльца были два существенныя права: вопервыхъ право собственности на имущество и во вторыхъ право перехода отъ одного владѣльца къ другому. Въ этомъ періодѣ оба эти права были неотъемлемою принадлежностью польскаго кметя. Право собственности на имущество признавалось за крестьяниномъ съ древнѣйшихъ временъ, такъ что дѣла о крестьянскихъ наслѣдствахъ (*quaestiones hereditarias*) подлежали разбору самихъ государей; во времена беспорядковъ, предшествовавшихъ царствованію Казимира Великаго, владѣльцы стали себѣ присвоивать право на наслѣдство бездѣтно умиравшихъ крестьянъ (*ruścizna*). Казимиръ постановилъ, чтобы такія наслѣдства переходили къ ближайшимъ родственникамъ умершаго съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если наслѣдство было значительно, съ него платилось полторы гривны въ пользу церкви. ¹⁾

За крестьянами, пользовавшимися нѣмецкимъ правомъ, признавалась даже возможность отчуждать ихъ права на землю, что видно изъ статута Казимира Великаго, гдѣ эти права называются собственностью. До временъ Казимира всѣ кмети имѣли право свободно переходить съ мѣста на мѣсто и при немъ лишь было постановлено, что противъ воли владѣльца могли оставлять землю только по два крестьянина ежегодно.

Казимиръ Великій, различая крестьянъ, жившихъ на поль-

¹⁾ *Volumina legum*, I. 24. Статутъ Казимира III можно также найти въ сборникѣ, изданномъ Бандткѣ подъ названіемъ: «*Jus Polonicum codicibus veteribus manuscriptis*» etc., стр. 24 — 124.

скомъ правѣ, отъ пользовавшихся правомъ нѣмецкимъ, въ отношеніи первыхъ устаеовиль годовой срокъ, въ теченіе котораго владѣлецъ, знавшій о мѣстѣ пребыванія сбѣжавшаго крестьянина, имѣлъ право требовать его возвращенія, а въ случаѣ несогласія со стороны крестьянина возвратиться на старое мѣсто, право требовать у него вознагражденія въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ. Размѣръ этого вознагражденія былъ слѣдующій: если крестьянинъ вслѣдствіе дурнаго съ нимъ обращенія владѣльца уходилъ и несмотря на его требованіе не хотѣлъ возвратиться, то онъ обязанъ былъ заплатить ему три гривны и годовой чиншъ, и послѣ этой уплаты освобождался отъ всякихъ обязанностей къ владѣльцу. Крестьяне же, пользовавшіеся нѣмецкимъ правомъ, могли всегда оставить владѣльца, пріискавъ на свое мѣсто другаго крестьянина, продавъ при этомъ послѣднему свою усадьбу и оставивъ землю засѣянною какъ озимымъ, такъ и яровымъ хлѣбомъ. ¹⁾ Крестьянина, сбѣжавшаго ночью, можно было принудить къ возвращенію, забравъ все его имущество, а тотъ, кто держалъ его у себя, обязанъ былъ его выдать со всѣмъ его имуществомъ и подвергался еще сверхъ того извѣстному денежному взысканію. ²⁾ Такъ какъ случалось не рѣдко, что крестьяне садились на землю, выговоривъ себѣ при этомъ извѣстное число льготныхъ отъ податей и повинностей лѣтъ, и потомъ по истеченіи этихъ лѣтъ оставляли землю и владѣльца, то Казиміръ установилъ въ этомъ отношеніи слѣдующее правило: крестьянинъ, пользовавшійся польскимъ правомъ, обязанъ былъ служить владѣльцу, а пользовавшійся правомъ нѣмецкимъ — платить ему чиншъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ, сколько онъ прожилъ на его землѣ на льготныхъ условіяхъ. ³⁾ Крестьянинъ, поселившійся на необработанной землѣ, въ лѣсу, и выговорившій себѣ льготные годы за ея обработку и выкорчеваніе, не могъ оставить ея до тѣхъ поръ, пока не исполнилъ принятаго на себя обязательства. ⁴⁾

¹⁾ Vol. leg., I. 49.

²⁾ Vol. leg., I. 49 § Adjicientes.

³⁾ Vol. leg., 49 § Adjicientes.

⁴⁾ Ibid., 79.

Что законодательство Казимира Великого смотрѣло на крестьянина какъ на совершенно полноправнаго гражданина, видно изъ того, что за убійство его и за нанесеніе ему увѣчья полагалось такое же наказаніе, какъ и за убійство или увѣчье рыцаря; наказаніе это, состоявшее изъ пени, разнилось только въ размѣрѣ; такъ за убійство рыцаря полагалось 30 гривенъ, а за убійство крестьянина 10 ¹⁾, изъ числа коихъ 6 шли въ пользу родственниковъ убитаго, а 4 въ пользу владѣльца земли, на которой онъ жилъ. ²⁾ За увѣчье крестьянина полагалась $\frac{1}{4}$ гривны ³⁾, а за увѣчье рыцаря крестьяниномъ полагалось смотря по знатности перваго отъ 10-ти до 3-хъ гривенъ. ⁴⁾

Изъ многихъ мѣстъ статута Казимира Великого видно, что крестьянинъ на судѣ могъ являться въ качествѣ свидѣтеля наравнѣ съ лицами другихъ сословій. ⁵⁾

Въ этомъ же періодѣ образовался въ Польшѣ совершенно особый привилегированный классъ земледѣльцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ солтысовъ лановыхъ. Положеніе этого класса, весьма впрочемъ не многочисленнаго, какъ въ отношеніи экономическомъ, такъ и въ отношеніи юридическомъ было всегда хорошо не только въ это время, но и впоследствии, когда крестьянское сословіе потеряло въ Польшѣ всѣ свои права. Начало этого рода земледѣльцевъ было слѣдующее: короли и князья давали нѣкоторымъ крестьянамъ, а иногда и бѣднымъ шляхтичамъ, частицы необработанной и впустѣ лежавшей земли съ правомъ устроить на ней усадьбу, мельницу, кузницу и т. п. и съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей и повинностей, но съ обязанностью отбыванія военной службы и повинности подводной. Духовенство и шляхта также отдавали на льготныхъ условіяхъ участки необработанной земли, облагая ихъ впоследствии незначительнымъ чиншемъ. Казимиръ Великій распространилъ

¹⁾ Jus polon, etc. Statuta Casim. III. LXIII. De milito occiso etc. 69—70.

²⁾ Ibid.

³⁾ Jus poloniam etc. Statut Casim. III, XC. De percussionibus etc. 85—86.

⁴⁾ Ibid. CII. De villano militi aut nobili plagam inferente, 90—91.

⁵⁾ Напр. §§ De pastore ovium, De inculpatione vladarii per ipsius dominum, и пр.

обязанность военной службы на всѣхъ солтысовъ, жившихъ какъ на земляхъ королевскихъ, такъ и на земляхъ духовныхъ. Впослѣдствіи при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ Августѣ, духовенство и шляхта стали требовать освобожденія своихъ солтысовъ отъ обязанности военной службы; однакожь право на такое освобожденіе нужно было доказать особыми привилегіями. Наконецъ частные владѣльцы присвоили себѣ право замѣнять эту обязанность денежною податью и мало по малу скупили или просто присвоили себѣ большую часть солтыствъ въ своихъ имѣніяхъ; солтыства остались по большей части въ имѣніяхъ королевскихъ. Впослѣдствіи эти солтыства раздавались въ видѣ наградъ и было запрещено раздавать ихъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ шляхетскому сословію.

Казиміръ Великій запретилъ покупать и продавать солтыства безъ согласія на такія сдѣлки со стороны владѣльцевъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ эти солтыства находились. Также владѣльцы такихъ солтыствъ и войтовствъ не могли закладывать ихъ или отдавать въ аренду безъ согласія владѣльцевъ имѣній. Въ 1420 году разрѣшено владѣльцамъ продавать тѣ солтыства, которыя не приносили имъ никакого дохода, или просто присвоивать ихъ себѣ по предварительной оцѣнкѣ и за уплатою по извѣстной таксѣ.

Въ теченіе этого періода Польскіе государи, отчасти добровольно, но гораздо чаще понуждаемые тѣми затруднительными обстоятельствами, въ которыхъ постоянно находились, давали частнымъ лицамъ, духовенству и высшей шляхтѣ привилегіи на право суда и расправы надъ всѣми крестьянами, жившими на ихъ земляхъ; эти привилегіи послужили однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ утвержденію неволи земледѣльческаго населенія и къ порабощенію ихъ владѣльцами земель, повсемѣстно распространившемся впослѣдствіи. Чтобы представить себѣ всю важность этихъ привилегій и весь объемъ власти, которая переходила съ ними къ лицамъ ихъ получавшимъ, надо припомнить, что такое было въ тѣ времена судъ вообще.

Если заглянуть въ исторію законодательства тѣхъ народовъ, которые стоятъ въ настоящее время во главѣ человѣческой цивилизаціи и съ большимъ или меньшимъ правомъ гордятся сво-

Не говоря уже объ ордаляхъ и пыткахъ, бывшихъ въ тѣ времена во всеобщемъ употребленіи по всей Европѣ, можно напр. указать на древній польскій обычай произнесенія въ судѣ известной присяги, причемъ еслибы произносившему ее случилось заикнуться или ошибиться хоть бы въ одномъ словѣ, то этого уже было достаточно, чтобы признать его виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи. ¹⁾ Наказанія уголовныя и полицейскія отличались также свойственнымъ тому времени звѣрствомъ. ²⁾

Со всѣми этими атрибутами переходило право суда въ руки частныхъ владѣльцевъ и можно себѣ представить, какую власть оно приносило съ собою; что право это передавалось очень часто безъ всякихъ ограниченій, видно изъ самаго текста многихъ привилегій. ³⁾

Весьма естественно, что все болѣе и болѣе усиливавшаяся власть духовенства и шляхты не могла не вызвать сопротивленіе со стороны той части польскаго народа, насчетъ которой она развивалась.

Лѣтописи тѣхъ временъ не удостоивали большаго вниманія дѣяній народа, однако борьба земледѣльческаго населенія Польши противъ утверждавшагося преобладанія шляхты была столь упорна и оставляла по себѣ такіе кровавые слѣды, что несмотря на все равнодушіе лѣтописцевъ и хроникѣровъ ко всему, что вы-

¹⁾ Bandkie, H. p. p., 220—221.

²⁾ Такъ во времена Болеслава I несоблюденіе постовъ наказывалось вырываніемъ зубовъ, а за прелюбодѣяніе полагалось слѣдующее наказаніе: «Si quis alienis abuti uxoris vel fornicari praesumit, hinc vindictae subsequentis poenam protinus sentit: In pontem mercati ductus, follem testiculi clavo affigitur, et novacula prope posita his moriendi, sive de his absolvendi dura electio sibi datur». Бандткъ, приводящій свидѣтельство Дитмара, H. p. p., 231.

³⁾ Напр. въ привилегіи, данной Болеславомъ V въ 1252 году воеводѣ Краковскому Клеменсу изъ Руци говорится, что ему даруются omnes libertates (in haereditates patrimoniales, deservitas, et pecunia comparatas), quas nos in dominio nostro habemus, potestatem judicandi ad omnes sententias, juxta formam curiae nostrae, videlicet ad aquam et ferrum candens, ad duellum buculorum et gladiatorum, ad suspendium et mutilationem membrorum homines suos. Bandtkie, H. p. p., 219.

ходить изъ круга дѣятельности государей, духовенства и высшей шляхты, у всѣхъ древнихъ писателей польскихъ хроникъ попадаются свѣдѣнія объ этой борьбѣ, свѣдѣнія отрывочныя, неполныя, но достаточныя для того, чтобы сказать, что польское земледѣльческое населеніе защищало свою свободу и свои права, всѣми средствами, бывшими въ его власти.

Уже самое введеніе христіанства въ Польшѣ встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны простаго народа; съ христіанствомъ вводились новые и дотолѣ не вѣдомые народу налоги, вводились противныя его духу нѣмецкія начала, закладывалось основаніе преобладанію шляхты. Иноземное, по большей части нѣмецкое духовенство вносило съ собою въ жизнь и общественный строй Польши свои средневѣковыя понятія о подданствѣ однихъ классовъ общества другимъ; люди богатые и сильные охотно принимали это ученіе, утверждавшаяся королевская власть поставлена была въ необходимость пользоваться имъ и искать его поддержки. Что же касается низшихъ, земледѣльческихъ классовъ народа, то интересы его были совершенно противныя, и весьма понятно, что въ новой вѣрѣ онъ видѣлъ только средство къ своему порабоженію. Поэтому онъ и крестился, уступая только силѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ возвращался къ старой своей вѣрѣ. Первые государи изъ династіи Пястовъ принуждены были принимать самыя строгія и жестокія мѣры противъ безпрестанно повторявшихся случаевъ возвращенія къ язычеству и для того, чтобы заставить народъ платить ненавистную ему десятину. Частыя возстанія, беспорядки, убійства служителей церкви повторялись безпрестанно и вызывали кровавыя репрессаліи со стороны государственной власти. Въ началѣ XI-го вѣка, вскорѣ послѣ смерти Мечислава II-го народныя возстанія приняли угрожающіе размѣры. Народъ сталъ возставать уже нетолько противъ духовенства, но главнѣйшимъ образомъ противъ насилій шляхты и требовалъ возвращенія старыхъ порядковъ, прежней своей вольности. Возстанія эти приняли характеръ единства и всеобщности, который грозилъ гибелью юному польскому государству; нашлись вожди народные, которые сумѣли соединить его силы и которые не боялись борьбы съ оружіемъ въ рукахъ

и въ открытомъ полѣ такъ, что въ продолженіе довольно долгаго времени Польша была позорищемъ народной междоусобной войны. Человѣкъ, вышедшій изъ среды народа по имени Мацлавъ, внукъ освобожденнаго раба-плѣнника, долго руководилъ народнымъ возстаніемъ съ такимъ успѣхомъ, что государственная власть принуждена была входить съ нимъ въ сношенія. ¹⁾ Вотъ какъ описываетъ Нарушевичъ это возстаніе, повторяя то, что сказано о немъ въ хроникахъ Галла, Длугоша и Кромера:

«Несчастное положеніе крестьянъ причинило ихъ возстаніе противъ шляхты. Помня старыя притѣсненія, одни побуждаемые местию, другіе по примѣру первыхъ и какъ будто объятые общей заразою, бросали крестьяне свои плуги и принимались рѣзать владѣльцевъ. Они завладѣвали панскими домами и убивали женъ и дѣтей, въ нихъ остававшихся; а такъ какъ это проходило безъ наказанія, то число ихъ, черезъ присоединеніе къ нимъ всей окрестной черни, увеличилось до того, что изъ нихъ образовалось многочисленное войско, которое, избравъ себѣ начальниковъ, осмѣливалось даже въ открытомъ полѣ вступать въ борьбу съ вооруженною шляхтою. Когда имъ удавалось побѣждать, то, перерѣзавъ немедленно всѣхъ тѣхъ, которые попадались въ ихъ руки, или обративъ ихъ въ рабство, они дѣлили между собою все ихъ имущество.

«Тѣмъ, которыхъ они побѣдить не могли, они мстили поджогами ихъ усадьбъ или какимъ-либо другимъ образомъ. Многіе изъ нихъ, помня старинное идолопоклонство, возвращались къ язычеству, что давало имъ больше свободы для всякихъ преступленій, а именно для грабежа церквей, которыя они почитали противными своимъ богамъ. Повсюду размножились разбои, кражи и смертоубійства. Не избѣгали дикаго насилія ни полъ дѣвическій, ни святость брачныхъ узъ. Самая святыня не была обезпечена отъ разграбленія, а епископы и капелланы отъ убійствъ; нѣкоторымъ изъ нихъ перерѣзывали горло, другихъ побивали камнями; многіе принуждены были

¹⁾ См. примѣчаніе Лелевеля къ Teodora Waga Н. К. і. К. Р. стр. 90.

скриваться въ лѣсахъ. Многіе города, деревни и усадьбы были разрушены и обращены въ пепель: чуть не вся Польша обратилась въ короткое время въ ужасную пустыню.» ¹⁾

Однако вскорѣ послѣ вступленія на Польскій престолъ Казимира I всѣ эти волненія успокоились; кажется не мало содѣйствовало тому страшное опустошеніе, произведенное въ это время Бретиславомъ, княземъ Чешскимъ во время похода его въ Польшу; по крайней мѣрѣ достоверно, что онъ набралъ въ плѣнъ огромное количество народа и выселилъ его въ Чехію, гдѣ образовались цѣлыя польскія поселенія, которымъ дано было право пользоваться польскими законами; ²⁾ весьма можетъ быть, что внѣшняя опасность заставила позабыть внутренніе счеты, притомъ Казимиръ сумѣлъ искусною политикою успокоить раздоры въ своемъ государствѣ; онъ рѣшился не наказывать старыхъ преступленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгими законодательными мѣрами обезпечилъ его на будущее время отъ подобныхъ волненій; кажется и самые вожди народные, при такомъ оборотѣ дѣла, нашли удобнѣе согласовать свои интересы съ интересами правительства. ³⁾ Какъ бы то ни было, но съ этого времени въ Польской исторіи не встрѣчается болѣе такихъ общихъ народныхъ возстаній и если оставить безъ вниманія нѣсколько частныхъ возмущеній, нѣсколько безсвязныхъ злодѣяній, то можно сказать, что съ этого времени развитіе власти шляхетства шло почти безпрепятственно. Послѣ раздробленія Польши между наслѣдниками Болеслава Кривоустаго, настала въ Польшѣ періодъ безначалія и неурядицы, во время которыхъ духовенство и шляхта достигли множества приви-

¹⁾ *Historia narodu Polskiego*, II, стр. 290—291. Marcin Gallus говоритъ: «in dominos servi, contra nobiles liberati se ipsos in dominos extulerunt, aliis in servicio versa vice detentis, aliis peremptis, uxores eorum incestuose honoresque sceleratissime rapuerunt. Insuper etiam a fide catholica deviantes, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignos peremerunt, quosdam non quasi morte dignos lapidibus obruerunt.»

²⁾ Нарушевичъ приводитъ свидѣтельство Космы Прагскаго: «Sub lege quam in Polonia habebant—constituens eis iudicem». Н. н. р., II, стр. 299.

³⁾ См. примѣч. Лелевеля къ Т. Waga. Н. К. і. К. Pols., 90.

легій, дававшихся то тому, то другому епископу или знатному шляхтичу князьями, нуждавшимися въ ихъ содѣйствіи въ постоянныхъ своихъ междоусобицахъ; права народа все болѣе и болѣе приносились въ жертву интересамъ высшаго сословія, не вызывая со стороны крестьянъ рѣшительнаго сопротивленія. Да и что могли сдѣлать въ свою защиту невѣжественныя, бѣдныя и разрозненныя толпы земледѣльческаго люда, противъ крѣпкаго союза духовенства и шляхты? На сторонѣ шляхтича были острый мечъ и крѣпкая броня; его поддерживало всѣмъ своимъ вѣсомъ духовенство, выходившее изъ его же рядовъ и не жалѣвшее въ его пользу ни проповѣдей ни проклятій; крестьянинъ же лишенъ былъ естественной своей защиты и опоры — крѣпкой верховной власти, которой безсильнымъ и бездарнымъ потомкамъ Пяста часто не хватало даже на то, чтобы удержаться на шаткихъ своихъ престолахъ.

Даровитѣйшіе изъ государей польскихъ понимали, что въ защитѣ правъ народныхъ отъ посягательства на нихъ шляхты духовной и свѣтской заключалась вся будущность польскаго государства. Владиславъ Локетекъ и еще болѣе Казиміръ III старались обуздать возраставшее своеволие шляхты и закрѣпить за народомъ его права, но достигнуть своихъ цѣлей вполнѣ они были уже не въ силахъ. Казиміръ сдѣлалъ много въ этомъ отношеніи, уничтожилъ много злоупотребленій, отмѣнилъ многіе вошедшіе въ законъ отяготительные для крестьянъ обычаи; своимъ расположеніемъ къ крестьянамъ онъ заслужилъ даже прозвище «Короля хлоповъ», но все-таки власть его была слишкомъ слаба, чтобы упрочить свободу земледѣльческаго населенія; онъ не въ силахъ былъ бороться съ соединеннымъ вліяніемъ духовенства и шляхты и, не будучи въ состояніи оградить сельскій людъ отъ постоянно увеличивавшихся притѣсненій, указывалъ ему на огниво и кремень какъ на средство къ защитѣ его правъ. ¹⁾

¹⁾ Bandtkie, Prawo prywatne Polskie, 148. Не разъ приходилось Польскимъ государямъ прибѣгать къ такимъ совѣтамъ, въ отвѣтъ на жалобы своихъ бѣднѣйшихъ подданныхъ, справедливость которыхъ они еознавали, но удовлетворить которымъ были не въ силахъ. Кояловичъ (Лекціи по Ист. Зап. Рос., прил., стр. 20) приводитъ слова Владислава IV, сказанныя ка-

Въ такомъ положеніи находились польскіе крестьяне въ первыхъ вѣкахъ существованія Польши подъ управленіемъ государей изъ династіи Пястовъ; это время было лучшимъ во всей исторической жизни польскаго крестьянства до самаго прекращенія самостоятельнаго существованія польскаго государства. Объ немъ часто вспоминали крестьяне впоследствии въ самыя темныя времена своей исторіи. Въ концѣ XIV и въ XV-мъ вѣкѣ крестьянское населеніе начинаетъ быстро терять одно за другимъ всѣ свои права и съ начала XVI вѣка въ Польшѣ окончательно водворяется тяжелое крѣпостное право. Весьма понятно, что въ дѣйствительности, въ самой жизни, эти фазисы исторіи крестьянства не были такъ рѣзко разграничены, какъ приходится разграничивать ихъ въ историческомъ изложеніи; переходы отъ одного положенія къ другому совершались не вдругъ. Незамѣтно приносилъ каждый годъ свою частицу въ общую массу тягостей, угнетавшихъ земледѣльческое населеніе; одно за другимъ терялись его права. Начиналось съ противозаконнаго ихъ нарушенія, а потомъ, мало по малу, дѣлаясь общимъ, незаконіе обращалось въ обычай и законъ. Нельзя упрекнуть польскихъ крестьянъ въ томъ, что они не защищали своихъ правъ и своей свободы, но борьба ихъ со всѣми обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась государственная жизнь Польскаго народа, была не равною борьбою. Въ этой борьбѣ, кромѣ отдаленныхъ славянскихъ преданій, опереться имъ было не на что, и борьба скоро сдѣлалась невозможною; подавляющая сила обстоятельствъ взяла свое и крестьянское населеніе принуждено было лишиться всѣхъ своихъ правъ на все время самостоятельнаго существованія Польши.

зацкимъ депутатамъ, пріѣхавшимъ жаловаться на притѣсненія польскихъ пановъ: «яко военніе есте люди, такъ маючи шаблю при боку своемъ и въ рукахъ самопалъ можете своихъ древнихъ вольностей тимъ оружіемъ у Поляковъ доходити.»

VII.

Дальнѣйшее развитіе власти шляхетства.—Зависимость, въ которую была поставлена королевская власть полученными шляхтою привилегіями.—Окончательное утвержденіе преобладанія шляхты и происшедшее отъ того рѣзкое раздѣленіе Польскаго народа на два сословія.—Положеніе городского сословія и причины его упадка.—Права и преимущества еврейскаго населенія въ Польшѣ.—Начала государственнаго права, установившіяся въ Польшѣ.

Преемникъ Казиміра, Людовикъ Венгерскій, однимъ актомъ уничтожилъ всѣ тѣ начала порядка, надъ установленіемъ которыхъ трудились лучшіе изъ его предшественниковъ. Всѣ тѣ права, которыя въ теченіе всего этого періода давались польскими государями шляхтѣ и духовенству, въ видѣ личныхъ и особенныхъ исключеній, онъ уступилъ разомъ и всѣмъ безъ исключенія лицамъ, къ этимъ сословіямъ принадлежащимъ; актъ, которымъ была сдѣлана эта несчастная уступка стремленіямъ самовольной аристократіи, была привилегія, данная имъ въ Будѣ въ 1355 году. ¹⁾ Этою привилегіею онъ обязался не требовать отъ духовенства и шляхты, ни одной изъ тѣхъ податей, которыя собирались Казиміромъ Великимъ и Владиславомъ Локеткомъ, и довольствоваться тѣми, которыя платились ими по старинному обычаю. Сборы на какія-либо чрезвычайныя надобно-

¹⁾ Privilegium Ludovici, regis Hungariae, Budaë a. 1355 editum — находится въ сборникѣ: Jus polonicum codicibus veteribus manuscriptis. Var. a. MDCCCXXXI, изданномъ Wandtkie, стр. 156.

сти онъ предоставилъ доброй волѣ гражданъ, за исключеніемъ шляхты даже и въ этомъ. Людовикъ обѣщалъ не останавливаться во время своихъ проѣздовъ по государству въ имѣніяхъ шляхты и духовенства, по крайней мѣрѣ безъ согласія владѣльцевъ, не требовать съ нихъ подводъ и вообще жить на свой собственный счетъ и удовлетворять своимъ потребностямъ собственными средствами. Сверхъ того онъ обязался вознаграждать всякіе убытки, которые могъ потерпѣть шляхтичъ, находясь на службѣ во время заграничнаго похода.

Владиславъ-Ягелло подтвердилъ, данныя его предшественникомъ съ такою неосторожною щедростью, права привилегіею, выданною въ Краковѣ въ 1386 году и подтвержденною въ томъ же году въ Новомъ-Мѣстѣ или Корчинѣ; ¹⁾ онъ даже распространилъ эти права обѣщаніемъ, что не будетъ чеканить монеты безъ согласія шляхты и высшаго духовенства. ²⁾ Внослѣдствіи Польскіе государи, каждый въ свою очередь, подтверждали эти привилегіи. Главнѣйшимъ источникомъ королевскихъ доходовъ оставались имѣнія королевскія, староства, но и этотъ источникъ оскудѣвалъ все болѣе и болѣе вслѣдствіе безтолковой щедрости Польскихъ государей; ³⁾ его доставало только на удовлетвореніе нуждъ королевскаго двора и на небольшіе и обыкновенные расходы. Затѣмъ на удовлетвореніе чрезвычайныхъ нуждъ государства короли принуждены были выпрашивать у шляхты особыхъ податей; каждый такой сборъ подавалъ поводъ къ продолжительнымъ спорамъ и торгамъ; прелаты и высшая шляхта, по словамъ Длугоша, боялись податей какъ моровой язвы и неволи. Необходимость, въ которую были поставлены Польскіе государи постоянно обращаться къ шляхтѣ за сред-

¹⁾ Privilegium Vladislai regis Cracoviae 1386 a. editum etc. Jus polonicum, стр. 189.

²⁾ «In primis pollicemur: quod amodo et in antea nunquam, absque consilio, suasu, et consensu, et annuentia speciali praelatorum et baronum regni nostri, monetam nunc currentam in regno nostro, vel aliam extraneam, aut de novo inventam, cudere faciemus, aut eundi permittemus...» etc. Confirmatio privilegiorum, etc. Jus polonicum, стр. 221.

³⁾ Длугошъ говоритъ про Людовика Венгерскаго, что онъ дѣлалъ «enormes bonorum regalium donationes, alienationesque».

ствами къ управленію государствомъ, породила сеймы и, говорить Бандткѣ, сдѣлала изъ шляхты—Польскій народъ, а изъ Польскаго государства — Рѣчь Посполитую. ¹⁾

Потребность въ деньгахъ для выкупа земли Добрынской заставила Владислава Ягеллу уже въ 1404 году прибѣгнуть къ шляхтѣ за особымъ сборомъ. Онъ приказалъ шляхтѣ повсемѣстно собраться на сеймики (*conventus particulares*) по разнымъ землямъ и уѣздамъ для совѣщаній по этому предмету, съ тѣмъ, чтобы потомъ на общемъ сеймѣ можно было установить сборъ по общему согласію. Отсюда вошли въ обычай сеймики, на которые выбирались послы, уполномоченные отъ шляхты, для участія въ общихъ сеймахъ въ качествѣ ея представителей. Сеймъ въ Корчинѣ или Новомъ-Мѣстѣ, составившійся впервые изъ Королевскаго совѣта и шляхты, установилъ сборъ по 12 грошей съ влуки для уплаты Ливонскимъ рыцарямъ суммы, въ которой была заложена имъ Добрынская земля княземъ Опольскимъ. Но при этомъ оговорено было, что этотъ сборъ не долженъ почитаться обязательнымъ на будущее время и не долженъ служить поводомъ къ уменьшенію вольностей шляхетскихъ; такія же оговорки повторялись въ подобныхъ случаяхъ и впослѣдствіи.

При Людовикѣ и Владиславѣ Ягеллѣ шляхта собиралась на сеймы только по дѣламъ о податяхъ, а при Казимірѣ IV власть ея значительно расширилась такъ, что въ статутѣ 1454 года Казиміръ уже обязывается не издавать новыхъ законовъ и не начинать войны безъ общаго согласія. ²⁾ Такимъ образомъ право установленія податей, изданія законовъ и начинанія войны, т. е. другими словами, все управленіе государствомъ стало исключительно принадлежностью одного только сословія Польскаго народа; весьма естественно, что интересы шляхетства сдѣлались интересами Польскаго государства и вслѣдствіе сего не менѣе

¹⁾ Hist. Pr. Polsk., стр. 326.

²⁾ Jus Polonicum, etc., Statuta Niessoviae et in villa Opoki per Casimirum IV a. 1454 condita, Petricoviae vero per Joannem Albertum a. 1496 confirmata, стр. 287. § XXXVII «Item pollicemur: quod nullas novas constitutiones faciemus, neque terrigenis ad bellum moveri mandabimus, absque conventionione communi in singulis terris instituenda.»

естественно и то, что интересы Польскаго государства стали враждебны интересамъ Польскаго народа. ¹⁾

Когда въ государствѣ всѣ права и вся власть сосредоточиваются въ рукахъ одного сословія, то всѣ остальные должны сравняться въ общемъ уничиженіи; нація поневолѣ должна распасться мало по малу на двѣ половины, изъ которыхъ одна, обыкновенно малочисленнѣйшая, получаетъ значеніе преобладающее, а другая, составляющая массу народа, обрекается на доставленіе первой средствъ къ поддержанію ея значенія. При такомъ порядкѣ не можетъ развиваться никакого средняго сословія, для развитія котораго необходима извѣстная доля свободы, а главнымъ образомъ возможность найти въ государственной власти поддержку своихъ правъ. Если этихъ условій не существуетъ, то всѣ отдѣльныя личности, поднимающіяся, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, надъ общимъ уровнемъ приниженой массы, будутъ лишь увеличивать собою ряды привилегированнаго класса, въ который они съумѣютъ пробить себѣ дорогу, и тѣмъ самымъ увеличивать и укрѣплять его значеніе. Замѣчательный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи исторія Польскаго государства. Рано утвердившееся преобладаніе шляхты задавило едва начинавшее образовываться въ Польшѣ среднее сословіе и сдѣлало бесполезными всѣ усилія польскихъ государей поддержать промышленный городской классъ, который могъ бы послужить опорой ихъ престола и дать ему возможность оградить массу земледѣльческаго люда отъ совершеннаго порабощенія.

Имя нѣкоторыхъ польскихъ городовъ встрѣчается въ исторіи раньше, чѣмъ имя самой Польши; многіе изъ нихъ были извѣстны уже въ X вѣкѣ. По свидѣтельству М. Галла, Гнѣзно выставило въ поле 6,500 воиновъ, Познань 5,300, Владиславовъ 2,800, Сантокъ 2,300. ²⁾ Эти числа могутъ дать понятіе о ихъ тогдашнемъ населеніи и зажиточности. Короли польскіе,

¹⁾ Бандткъ говоритъ: «moznowladztwo utworzyło Rzeczpospolitą nominalną, bo szlachecką, i pograżyło siebie, Monarchów i narod w przepaść samowładności gminu szlacheckiego.» Hist. pr. polsk., стр. 251.

²⁾ Surowiecki. O upadku przemysłu i miast w Polsce, стр. 163.

Пясты и Ягеллоны, хорошо понимали не только экономическое, но и государственное значеніе городовъ и всѣми мѣрами старались способствовать ихъ развитію; всѣ они, начиная съ Болеслава I-го и до послѣдняго изъ Ягеллоновъ давали городамъ различныя права и привилегіи, а часто и матеріальныя обезпеченія. Казиміръ III строилъ во многихъ городахъ крѣпкіе замки и обносилъ ихъ стѣнами и рвами для обезпеченія безопасности жителей и промысловъ и устроилъ даже особый для городовъ верховный судъ, который избавилъ ихъ отъ необходимости обращаться къ судамъ Магдебурга и Галле, и дѣйствовалъ подъ личнымъ его надзоромъ. Домъ Ягеллоновъ также заботился объ устраненіи препятствій къ свободному развитію городского населенія: при Владиславѣ уничтожены были всѣ существовавшіе въ странѣ цехи и братства ¹⁾ и тѣмъ открытъ былъ свободный путь каждому горожанину къ упроченію своего благосостоянія по мѣрѣ его силъ и способности. Сигизмунды принимали многія мѣры къ обезпеченію порядка въ городахъ, поручали ихъ особенному попечительству старостъ и на сеймахъ отстаивали ихъ права отъ притязаній шляхты. ²⁾

Первый взглядъ на тотъ фактъ, что въ Польшѣ нѣтъ промышленнаго и торговаго или вообще средняго сословія польскаго, а вся промышленная и торговая дѣятельность почти исключительно находится въ рукахъ евреевъ или нѣмцевъ и поляки попадаютъ въ средѣ ихъ только въ видѣ исключеній, невольно наводитъ на мысль, что польскій народъ вообще не способенъ къ промышленной и торговой дѣятельности. Но при болѣе тщательномъ обсужденіи этого явленія нельзя не убѣдиться, что такое обвиненіе не справедливо.

Если для объясненія настоящаго обратиться къ прошедшему, то этому найдутся достаточныя доказательства; городское, промышленное и торговое сословіе существовало въ Польшѣ и существовало не въ видѣ какихъ-либо незначительныхъ зачатковъ,

¹⁾ О upadku przem. i miast etc., стр. 170.

²⁾ Конституція 1505 года содержитъ особый приказъ старостамъ заботиться о благосостояніи городовъ, а изъ конституціи 1543 г. и изъ привилегіи 1550 г. видно, что правительство защитило города отъ нарушенія ихъ правъ, на которомъ настаивала шляхта. О upadku etc. стр. 171.

а достигло значительнаго развитія и уменьшилось и утратило свое значеніе только тогда, когда шляхетское сословіе народа вполне достигло преобладанія въ Польскомъ государствѣ. Этого не могло бы быть, еслибы Польскій народъ вовсе лишенъ былъ способности къ промышленной дѣятельности. Территорія Польши представляла достаточныя удобства для торговли и образованія городовъ; можетъ быть, при еще болѣе благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, города эти удержали бы за собою силу и значеніе, несмотря на чрезмѣрное развитіе власти шляхетства, и даже могли бы положить ему предѣлъ, но уже того факта, что они были и были относительно гораздо богаче и значительнѣе чѣмъ теперь, достаточно для того, чтобы признать, что Польскій народъ въ отношеніи способности къ промысламъ не былъ обиженъ противъ другихъ одноплеменныхъ съ нимъ народовъ.

Послѣдствіе непомѣрнаго развитія власти шляхетства обнаружилось въ Польшѣ довольно поздно; оно не могло быть иначе потому, что самая власть эта образовалась не вдругъ, а потребовала для своего окончательнаго утвержденія періодъ времени въ нѣсколько вѣковъ; пока она только стремилась къ преобладанію, города въ Польшѣ имѣли достаточно времени, чтобы устроиться и пріобрѣсти значительную степень благосостоянія, такъ что въ XVI вѣкѣ, когда борьба шляхты за преобладаніе увѣнчалась совершенною побѣдою, города находились въ цвѣтущемъ сравнительно съ теперешнимъ положеніи, и только въ послѣдующее затѣмъ время стали быстро упадать и дошли наконецъ до совершенной ничтожности.

Изданная въ началѣ нынѣшняго вѣка книга Суroveцкаго о причинахъ упадка городовъ и промысловъ въ Польшѣ богата статистическими свѣдѣніями о положеніи многихъ городовъ Польши въ XVI вѣкѣ, извлеченными имъ изъ различныхъ привилегій, реэизій, универсаловъ и другихъ актовъ того времени. Эти свѣдѣнія доказываютъ цвѣтущее, сравнительно съ нынѣшнимъ, положеніе многихъ городовъ въ то время. Суroveцкій по большей части выбираетъ приводимые имъ примѣры въ такихъ мѣстностяхъ, которыя представляли наименѣе удобствъ для промысловъ и торговли, а именно въ Мазовіи и Подлясьи; обѣ эти области по бѣдности своей почвы, по отдаленности

отъ мѣсть сбыта своихъ произведеній и наконецъ потому, что долго служили театромъ войнъ съ татарами, Литвою и ливонскими рыцарями, находились въ отношеніи промысловъ и торговли въ положеніи гораздо худшемъ противъ другихъ областей Польши. Въ западной ея части были въ тѣ времена многіе города, какъ напр. Коло на Вартѣ, Клодава, Велюнь, Рогозно, Тушинъ, Конинъ, Болеславецъ, Радомско, Слупца, Пыздры и пр., которые отличались значительнымъ благосостояніемъ и были полны промышленнаго и торговаго населенія; всѣ они теперь по большей части обратились въ бѣдныя мѣстечки или имѣютъ только значеніе административное. Если небольшіе и сравнительно незначительные города находились въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, то города обширнѣйшіе отличались тѣмъ бѣльшимъ благосостояніемъ; ярмарки и торги въ Калишѣ, Велюнѣ, Чховѣ, Барановѣ, Кобылинѣ, Козминѣ, Збончинѣ, Поницѣ, Мендзержицахъ, Чарнковѣ, Освѣцимѣ, Бендзинѣ и Крепицахъ пользовались большою извѣстностію и привлекали купцовъ изъ далекихъ странъ. Богатство многихъ жителей такихъ городовъ, какъ Краковъ, Олькушъ, Сандоміръ, Ярославъ, было столь значительно, что о многихъ изъ нихъ исторія сохранила память. ¹⁾

Торговля, которая съ древнѣйшихъ временъ производилась въ Гданскѣ польскимъ хлѣбомъ, занимала нѣсколько сотенъ судовъ; по свидѣтельству Келларія въ XVI вѣкѣ вывозилось изъ Польши ежегодно по 100,000 ластовъ разнаго хлѣба, а въ одинъ годъ это количество дошло до 365,000 ластовъ, т. е. слишкомъ 6¹/₂ милл. четвертей. ²⁾ Описанія Кромера и Опалинскаго доказываютъ оживленность заграничной торговли, которая велась въ то время Польшею; значительное число воловъ,

¹⁾ Мѣщанинъ краковскій Вържинекъ угощалъ съѣхавшихся сосѣднихъ государей и поднесъ имъ всѣмъ подарки, цѣнность которыхъ равнялась 100,000 червон. золотыхъ; другой по имени Кемпничъ далъ взаймы императору Карлу IV 6,000 гривенъ серебра; краковскій же мѣщанинъ Чарный, при Сигизмундѣ I, имѣлъ въ заставѣ королевскихъ имѣній и соляныхъ коней на 26,000 червон. золотыхъ. Купецъ Морштинъ велъ заграничную торговлю на собственныхъ своихъ корабляхъ. Surowiecki. O upadku etc., стр. 198.

²⁾ Ibid., стр. 193.

лошадей, другаго скота, строеваго и мачтоваго лѣса, льна, пеньки, соли, поташа, олова, мѣди, воска, кожъ и другихъ продуктовъ ежегодно вывозилось въ сосѣднія страны.

Съ концомъ XVI-го вѣка вся эта промышленная дѣятельность стала быстро упадать. «Пока тронъ государей Польскихъ не былъ лишенъ власти и значенія, необходимыхъ правительству, до тѣхъ поръ подъ его защитою равно процвѣтали всѣ классы народа, развивались промыслы и всѣ, помогая другъ другу своею дѣятельностью, не допускали другъ друга до упадка. Съ измѣненіемъ государственныхъ отношеній разныхъ сословій измѣнилось и все положеніе страны», говоритъ Суровецкій, ¹⁾ начиная исчисленіе причинъ упадка городовъ и промысловъ въ Польшѣ. Всѣ эти причины произошли отъ одной главной, къ которой можно отнести большую часть бѣдствій, постигшихъ Польскій народъ, т. е. принесенію въ жертву худо понятымъ интересамъ одного сословія интересовъ, правъ и свободы всего народа. «Крестьяне, обращенные въ тяжкую неволю, горожане, съ презрѣніемъ оттолкнутые отъ всякаго участія въ законодательствѣ и управленіи странною, подъ слабою державою избирательныхъ королей, чувствовали себя сиротами въ собственномъ своемъ отечествѣ. Города, безъ значенія, безъ голоса, безъ опоры и защиты, предоставлены были зависти и произволу знатныхъ; постоянно преслѣдуемые всевозможными притѣсненіями, они съ отчаяніемъ ожидали конечной своей гибели. Постоянныя внутреннія волненія и страшныя войны съ сосѣдями съ одной стороны не давали жителямъ городовъ спокойно заниматься своими промыслами, а съ другой, въ одинъ мигъ уничтожали достоянія, скопленныя вѣковымъ трудомъ. Когда непріятель врывался въ страну, то онъ уничтожалъ все, что ему встрѣчалось, а если онъ былъ отраженъ, то безнаказанный и голодный защитникъ отечества забиралъ и губилъ все, что ему попадалось. Такая переменна въ положеніи большей части жителей должна была имѣть огромное вліяніе на положеніе всей страны и ея промысловъ. Человѣкъ трудится только по мѣрѣ

¹⁾ О упадку пр. і м. w P., стр. 202.

свободы, надеждъ и средствъ, которыя онъ имѣеть; если отнять эти пружины, онъ долженъ потерять ко всему и охоту и способность.» ¹⁾

Вотъ въ чемъ коренится, по словамъ Суровецкаго, причина обезлюденія и обѣднѣнія польскихъ городовъ и быстрого упадка отечественныхъ промысловъ и торговли. «Кому было заботиться объ нихъ?» говоритъ онъ далѣе. «Сословіе шляхетское, единственно занятое безграничнымъ расширеніемъ своихъ вольностей, думало обо всѣхъ къ тому средствахъ, и не мыслило лишь о томъ, чтобы, обезпечивъ ихъ отъ власти государей, пользоваться ими спокойно; оградивъ себя навсегда отъ всѣхъ обязанностей, оно хотѣло одно пользоваться всѣми выгодами жизни общественной, взваливъ сопряженные съ нею тягости на остальную часть народа. Крестьянинъ жилъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, какъ наемникъ, удерживаемый принужденіемъ, а горожанинъ какъ гость, терпимый въ чужомъ домѣ, но всегда зависящій отъ произвола или каприза его хозяина.» Что тогдашніе хозяева Польши, дѣйствительно, руководились иногда въ своихъ распоряженіяхъ единственно произволомъ и капризомъ, можно убѣдиться изъ многихъ мѣръ того времени. Не говоря о тѣхъ, которыя объясняются недостаточнымъ развитіемъ тогдашней эпохи, какъ напримѣръ: установленіе опредѣленныхъ цѣнъ на разные предметы, обязанность купца давать присягу въ томъ, что онъ не будетъ брать барыша болѣе опредѣленнаго процента, безчисленныя насилія старость и пр., достаточно указать на постановленіе сейма 1613 года, по которому горожанамъ, наравнѣ съ хлопами, запрещено носить шелковыя ткани, дорогіе мѣха и сафьяны; въ 1620 году это запрещеніе распространено и на женщинъ обоихъ этихъ сословій; подобныя запрещенія повторялись съ разными варіаціями и впослѣдствіи.

Весьма понятно, что при общественномъ устройствѣ утвердившемся въ Польшѣ, когда власть ея государей доведена была до крайнаго безсилія, средній классъ Польскаго народа долженъ

¹⁾ О упадку etc., стр. 203 и 207.

былъ мало по малу совсѣмъ уничтожиться; города пустѣли, и въ большей ихъ части за исключеніемъ только трехъ, четырехъ главнѣйшихъ, остались преимущественно одни евреи, на попеченіе которыхъ и были оставлены всѣ промыслы и торговля Польши.

Не говоря объ особенной способности еврейскаго народа къ торговлѣ и промысламъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ Польшѣ они обязаны своимъ преобладающимъ въ этомъ отношеніи значеніемъ не ей одной. Евреи въ Польшѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ пользовались такими правами и привилегіями, какихъ они не имѣли въ тѣ времена ни въ одномъ европейскомъ государствѣ.

Короли давали евреямъ не только привилегіи одинаковыя съ нѣмецкими, но даровали имъ еще большія вольности. Въ Польшѣ, которую Мацѣевскій называетъ еврейскимъ раемъ ¹⁾, они имѣли весьма обширныя преимущества; короли, дававшіе имъ эти преимущества, опричинивали это тѣмъ, что евреямъ должны быть обезпечены средства пріобрѣтенія денегъ, для того, чтобы они могли въ случаѣ нужды снабжать ими королей. ²⁾ Особенно покровительствовалъ имъ Казиміръ Великій. Вслѣдствіе этого покровительства евреи получили всѣ права, которыми пользовались мѣщане, и вмѣстѣ съ тѣмъ были освобождены отъ тѣхъ повинностей, которыя обязаны были нести всѣ прочіе жители Польши. ³⁾ Ихъ религія и ея обряды находились подъ покровительствомъ государственной власти; та же власть давала имъ возможность пользоваться выгодами, вредными для остальнаго населенія и всѣмъ запрещенными. Вотъ краткій очеркъ ихъ правъ въ древней Польшѣ:

Нельзя было позвать еврея въ суду иначе, какъ по точному изъясненію причинъ такого вызова. Вызванный такимъ образомъ къ суду еврей судился только самимъ королемъ или вое-

¹⁾ Macieiwski, H. p. sl., стр. 160.

²⁾ «Et hoc ideo, quia ipsi Judaei debent fieri suis pecuniis parati pro necessitatibus nostris sicut subditi nostri.» Statut Kazim. W.

³⁾ Отъ statio u danin евреи уволены статутомъ Казимира Великаго.

водою и являлся къ суду лично; онъ могъ очистить себя отъ сдѣланныхъ противъ него обвиненій присягою, приносившеюся по особо составленной формѣ. Убийство еврея судилось только королемъ и наказывалось лишеніемъ имущества, дѣла же объ нанесеніи евреямъ тяжкихъ побоевъ разбирались воеводою. Если мѣсто короля или воеводы заступалъ иной судья, то онъ не имѣлъ права вызывать еврея къ своему суду, а обязанъ былъ отправиться самъ въ мѣсто, гдѣ находилась синагога, и тамъ чинить судъ. Обвиненіе еврея въ какомъ-нибудь преступленіи могло быть доказано лишь свидѣтельствомъ трехъ христіанъ и трехъ его единовѣрцевъ. Въ шабашъ или другой праздничный день нельзя было требовать еврея ни по какому общественному дѣлу. Въ таможнѣ нельзя было остановить переѣзжающаго черезъ границу еврея, если онъ показывалъ, что везетъ тѣло своего единовѣрца для его погребенія. Оскверненіе еврейскаго кладбища, школы или синагоги считалось святотатствомъ. Еврей имѣлъ право давать деньги подъ залогъ не только недвижимыхъ имуществъ, но даже и святынь христіанскихъ, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія отдаваемы были на храненіе духовному лицу. Еврей имѣлъ право требовать процентовъ на проценты со ссуженнаго имъ капитала, если со дня срока уплаты проходилъ мѣсяць; по истеченіи же года и одного дня залогъ дѣлался его собственностью. ¹⁾

Кромѣ прямаго покровительства, правительство Польское оказывало иногда евреямъ важныя услуги даже и тѣми своими мѣрами, которыми хотѣло ограничить ихъ права. Напр. комиссары, которымъ на сеймѣ 1643 года поручено было установить опредѣленныя цѣны на разные предметы торговли, предложили съ своей стороны, чтобы вмѣсто такой таксы обязать всѣхъ занимающихся какою-либо торговлею принести присягу въ томъ, что они будутъ довольствоваться барышемъ не превышающимъ извѣстнаго процента съ затраченнаго капитала. При-этомъ процентъ этотъ былъ установленъ въ такой постепенности: полякъ имѣлъ право брать 7⁰/₀, иноземець 5⁰/₀, а еврей только 3⁰/₀. ²⁾ Естествен-

¹⁾ Maciejowski, Hist. Praw. Slow., стр. 161, 162—163.

²⁾ O upadku etc., 216.

нымъ послѣдствіемъ этой мѣры было то, что евреи были обезпечены ею отъ всякой конкуренціи и изобрѣтатели ея, по справедливому замѣчанію Суровецкаго, дую на чужую свѣчу, загасили свою собственную. Притомъ борьба шляхты съ городскимъ сословіемъ, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ сего послѣдняго очистила такъ сказать поле для евреевъ и передала въ ихъ руки промышленность страны. Столкновенія между законодательствомъ польскимъ-земскимъ, которымъ пользовалось землевладѣльческое сословіе, и законодательствомъ нѣмецкимъ, дѣйствовавшимъ въ городахъ, подавали поводъ ко многимъ несогласіямъ между шляхтою и городскимъ населеніемъ; верховная власть пыталась заступаться за права городовъ, но попытки эти остались безъ успѣха. ¹⁾ Кончилось тѣмъ, что городское населеніе и его занятія были такъ унижены, что принимать въ нихъ участіе стало считаться дѣломъ постыднымъ для шляхтича и онъ долженъ былъ потерять свои шляхетскія права, еслибъ вздумалъ заниматься торговою дѣятельностію; ²⁾ города отданы были въ своевольное распоряженіе старостъ, населеніе ихъ вслѣдствіе постоянныхъ притѣсненій бѣднѣло и уменьшалось и удержались въ нихъ по большей части одни

¹⁾ I. Lelevel, t. II. Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple, p. 122, 123. «La noblesse en colère ne voulut plus reconnaître de députés des villes au milieu de sa représentation, ni avouer leur consentement dans les affaires publiques. Deux fois en 1537 et 1548 les nonces terrestres chassèrent les députés bourgeois de leur chambre, deux fois le roi Sigismond les ramena à leurs places. Cependant ces différents déplorables finirent par la retraite des députés, qui évacuèrent leur poste honorable, dont ils ne pouvaient plus conserver la dignité avec succès.»

²⁾ «Elle statua, qu'un noble qui abandonne ses armes et l'agriculture pour s'adonner à de vils métiers est privé de noblesse; elle arrêta que quiconque, à la manière des bourgeois, mesure avec l'aune, pèse avec la livre, perd sa noblesse. Cette maxime (qui n'avait été soulevée, avant cette époque) abaissait la condition de la classe bourgeoise d'autant plus que la profession des kmetons, celle de l'agriculture, était avouée honorable.» I. Lelevel. Considérations etc., p. 124. «Des collisions, des tracasseries envénimaient cette lutte partielle, qui continuait sur tous les points de la république entre les bourgeois et l'ordre équestre. Plus la noblesse devenait puissante, plus la lutte devenait inégale. La bourgeoisie, délaissée par les réglemens et les ordonnances de la législation terrestre à la merci des starostes, courba sa tête altière et se soumit graduellement à toutes les humiliations et vexations». P. 125.

евреи, отчасти вслѣдствіе особой своей способности довольствоваться тѣмъ, чѣмъ никакой другой народъ довольствоваться не можетъ, и отчасти вслѣдствіе того, что имъ дѣваться было больше некуда.

Время отъ конца XIV до начала XVII вѣка составляетъ въ исторіи Польши періодъ, въ продолженіе котораго окончательно утвердилось преобладаніе шляхетскаго сословія и установились тѣ начала государственнаго права Польши, которыя и служили основаніемъ ея общественнаго устройства до тѣхъ поръ, пока напоръ событій внѣшнихъ и усиленіе несогласій и неустойчивъ внутренниихъ не подорвали его узкаго основанія.

Главными изъ этихъ началъ были: представительный образъ правленія, причемъ право избирать земскихъ пословъ и быть ими исключительно принадлежало одной шляхтѣ, какъ свѣтской, такъ и духовной; избирательные короли, въ избраніи которыхъ участвовало также одно шляхетское сословіе; равенство всѣхъ членовъ шляхетскаго сословія между собою, и наконецъ признаніе только одной шляхты польскими гражданами, поляками (*ziemieane*), имѣющими право пользоваться земскимъ правомъ, а всѣхъ другихъ сословій какъ-бы иностранцами, живущими въ странѣ, но не имѣющими права участія въ ея дѣлахъ наравнѣ съ ея уроженцами. ¹⁾ Принципъ этотъ въ отношеніи городскихъ сословій можно объяснить тѣмъ, что они, пользуясь нѣмецкими законами и крѣпко держась за свои привилегіи, которыми давалось имъ устройство по нѣмецкому образцу, и притомъ пополняясь значительнымъ числомъ нѣмцевъ, были дѣйствительно въ Польшѣ представителями чужой и часто враждебной національности; но въ отношеніи крестьянъ и въ особенности крестьянъ кметей этотъ принципъ явился только какъ неизбѣжное слѣдствіе того фальша, который былъ внесенъ въ жизнь Польши римско-германскими началами, залегшими въ самое основаніе ея государственнаго зданія.

¹⁾ La noblesse desavoue son origine commune avec les kmetons, qui sont désormais pour elle étrangers comme les bourgeois: les kmetons cependant n'acquièrent point les droits et prérogatives des bourgeois, n'entrent point sous la loi teutonique et perdent la loi terrestre; ils ne sont plus indigènes, les nobles seuls le sont, *terrigenae, ziemiane*; les kmetons ne le sont plus.» Lelevel, «*Considérations*» etc., p. 140.

VIII.

Постепенное ограниченіе правъ крестьянъ въ XV-мъ вѣкѣ.—Статутъ Владислава Ягеллы.—Статутъ Іоанна Альберта.—Уничтоженіе права перехода крестьянъ.—Лишеніе ихъ правъ на земли, ими занятыя.—Ограниченія личныхъ правъ крестьянъ.—Уничтоженіе общихъ ихъ гражданскихъ правъ.

Въ продолженіе XV и начала XVI столѣтій права, признанныя за крестьянами Вислицкимъ статутомъ Казимира Великаго, подвергаясь мало по малу различнымъ ограниченіямъ, были наконецъ всѣ отмѣнены или лучше сказать совершенно вышли изъ употребленія. Не было никакой законодательной мѣры, которая бы ихъ отмѣнила, но различные статуты и узаконенія того времени обрѣзывали эти права то въ томъ, то въ другомъ отношеніи такъ, что подъ конецъ этого періода отъ нихъ уже не осталось ничего.

Эти ограниченія правъ крестьянъ относились къ ихъ праву перехода, къ ихъ правамъ на земли, которыя они занимали, и наконецъ къ ихъ правамъ судебнымъ и гражданскимъ. Статутъ Владислава Ягеллы 1420 года особою статьею запрещаетъ кметю поносить бранными словами челоуѣка, принадлежащаго къ благородному сословію, и искать удовлетворенія въ случаѣ еслибы такая обида была нанесена ему самому. ¹⁾ Такое узаконеніе указываетъ на измѣненіе, происшедшее во взглядѣ

¹⁾ Stat. Vlad. Jag. de a. 1420. Jus Polonicum, стр. 214.

законодателя на крестьянина; прежнее законодательство смотрѣло на него какъ на полноправнаго гражданина польской земли и не запрещало ему защищать свои личныя права на основаніи общихъ земскихъ законовъ, которыми онъ пользовался наравнѣ съ другими членами польскаго общества.

Тотъ же статутъ постановилъ, что крестьянинъ, поселившійся на «волѣ», т. е. взявшій отъ владѣльца необработанную землю съ тѣмъ, чтобы ее выкорчевать, не имѣетъ права ее оставить пока она не будетъ совершенно обработана, и затѣмъ это право признается за нимъ въ предѣлахъ установленныхъ земскими законами. ¹⁾ Законодатель мотивируетъ это постановленіе тѣмъ соображеніемъ, что такія заселенія пустыхъ земель изобрѣтены мудрыми людьми для пользы и обогащенія края; этими словами онъ очевидно хочетъ выразить то, что въ видахъ такой пользы слѣдуетъ удерживать крестьянъ на этихъ земляхъ, чтобы они снова не обратились въ необработанныя. Слѣдующая статья того же статута постановляетъ, что если бѣжавшій отъ владѣльца кметъ или солтысъ послѣ трехъ, а много четырехъ, ²⁾ вызововъ со стороны владѣльца не возвратится, то владѣлецъ имѣетъ право завладѣть всѣмъ его имуществомъ; если же бѣглый поселится у другаго владѣльца, то сей послѣдній обязанъ содѣйствовать владѣльцу отыскивающему бѣжавшаго и въ случаѣ сопротивленія подвергается денежному наказанію. ³⁾ Тотъ же статутъ разрѣшаетъ владѣльцамъ по ихъ усмотрѣнію распоряжаться солтыствами, въ ихъ имѣніяхъ находящимися, отбирать эти солтыства отъ ихъ владѣльцевъ, еслибы они оказались непокорными или просто ихъ земли не доставляли бы достаточнаго дохода, и продавать эти солтыства другимъ лицамъ, а еслибы покупателей не оказалось, то присвоивать эти земли себѣ за уплатою по оцѣнкѣ. ⁴⁾

¹⁾ XXIII De libertate alicui kmethoni per dominum concessa. Stat. Vlad. Jag. de a. 1420. Jus Polonicum, стр. 215.

²⁾ «Ter, et exsuperabundanti quarto.»

³⁾ Stat. Vlad. Jag. Jus Polonicum, стр. 215. XXIV. De sculteto vel kmethone a domino fugiente.

⁴⁾ Ibid. De sculteto inutile aut rebelli.

Это узаконеніе имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что владѣльцы почти вездѣ скупили находившіяся въ ихъ имѣніяхъ солтыства или обратили ихъ въ обыкновенныя крестьянскія земли, которыми и стали распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Подчиненіе крестьянъ юрисдикціи владѣльцевъ, начинавшее входить во всеобщій обычай, замѣтно изъ нѣсколькихъ мѣстъ статута 1420 г., въ которыхъ предписывается въ спорахъ съ крестьяниномъ обращаться къ суду его владѣльца; такъ напр. въ случаѣ, если крестьянинъ живущій на землѣ одного владѣльца имѣетъ борти или мельницу на землѣ другаго, то онъ обязывается платить за это особую повинность въ пользу того владѣльца, на землѣ котораго онъ пользуется этими угодьями, а въ случаѣ спора послѣдній обязывается обращаться съ жалобою къ владѣльцу крестьянина и этотъ владѣлецъ обязывается не защищать крестьянина, а содѣйствовать истцу. ¹⁾

Что касается крестьянъ не кметей, свобода которыхъ была ограничена и въ предшествующее время, то статутъ 1420 г. смотритъ на нихъ какъ на рабовъ и, запрещая имъ самовольно оставлять своихъ владѣльцевъ и назначая денежное наказаніе тѣмъ, кто ихъ принимаетъ и укрываетъ, ссылается при-этомъ на постановленія римскаго права и говоритъ о нихъ его терминами. ²⁾

До XV вѣка за крестьянами признавалась возможность владѣть землею на правѣ собственности. Хотя крестьянъ собственниковъ почти не было, но для крестьянина не существовало никакого законнаго препятствія пріобрѣсти поземельную собственность. Что касается тѣхъ владѣльческихъ земель, которыя заняты были крестьянами, то законъ признавалъ за ними наследственное право на пользованіе ими; во многихъ актахъ того времени крестьяне называются *haeredes* и по силѣ земскаго права владѣлецъ не могъ согнать съ земли крестьянина, если послѣдній исправно отбывалъ лежавшія на немъ повинности. Крестьянинъ же напротивъ имѣлъ полное право оста-

¹⁾ Stat. Vlad. Jag. de a. 1420. Jus Polonicum, стр. 217. De kmethonibus habenibus mellificia, aut apum examina, in nemoribus alterius domini.

²⁾ Ibid., стр. 219. XXXI. De servis, aut ancillis, illiberis, evadentibus, aut fugientibus.

вить землю съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, зависѣвшихъ отъ того, занималъ ли онъ землю на правѣ земскомъ-польскомъ или на правѣ нѣмецкомъ-тевтонскомъ. Съ XV вѣка начинается цѣлый рядъ различныхъ ограниченій права свободного перехода крестьянъ, ограниченій, устанавливавшихся въ видѣ полицейскихъ мѣръ. Уже статутомъ Казимира Великаго въ виду сохраненія порядка установлено было, чтобы ежегодно не болѣе двухъ крестьянъ могли оставлять владѣльцевъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда всѣ крестьяне могли оставлять ихъ поголовно. Впослѣдствіи объ этихъ случаяхъ не говорится уже ничего; наказанія бѣглымъ и ихъ укрывателямъ все усиливаются и законодательство всѣми мѣрами старается облегчить владѣльцамъ отыскиваніе бѣжавшихъ крестьянъ.

Статутъ Іоанна-Альберта, 1496 года, содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ постановленій, стѣсняющихъ переходъ крестьянъ. Самое право на такой переходъ исчезаетъ и кметъ можетъ оставлять своего владѣльца не иначе, какъ получивъ на то особое отъ него освобожденіе, *missionem*. До сихъ поръ въ статутахъ говорится о правѣ крестьянъ оставлять своихъ владѣльцевъ, *recessio*; съ этого времени законъ говоритъ только о правѣ владѣльца отпускать своего крестьянина, давать ему *missionem*. 1) Безъ такого увольненія крестьянинъ не могъ явиться никуда; еслибы онъ отлучился своевольно, то законъ требуетъ, чтобы онъ былъ возвращенъ владѣльцу немедленно, по первому требованію, безъ всякихъ судебныхъ формальностей. Въ случаѣ еслибы крестьянинъ нашелъ гдѣ-нибудь пристанище, то укрывающій его немедленно призывается къ суду; такое дѣло должно разрѣшаться внѣ очереди въ первое засѣданіе суда; если на лицо нѣтъ судьи, то его долженъ замѣнить подсудокъ; еслибы и послѣдняго не оказалось, то дѣло рѣшается стряпчимъ или приставомъ, которые обязываются возвратить крестьянина по принадлежности и опредѣлить денежное взысканіе, причитающееся съ его укрывателя. 2)

1) «Statuta Ioannis Alberti» de a. 1496. Jus Polonicum, стр. 343.

2) Ibid. XII. De fugitivis kmethonibus.

При-этомъ законодатель ссылается на статутъ Казимира Великаго, какъ-будто его постановленія не находятся съ нимъ въ прямомъ противорѣчїи; въ другой статьѣ онъ говоритъ объ обязанности, лежащей на владѣльцахъ, отпускать по одному крестьянину въ годъ и въ этомъ также ссылается на статутъ Казимира, прибавляя, что это право можетъ принадлежать только одному крестьянину въ годъ, по закону же Казимира оно принадлежало не одному, а двумъ. ¹⁾ Статутъ Іоанна Альберта предписываетъ всѣмъ земскимъ владѣльцамъ, всѣмъ жителямъ городовъ, однимъ словомъ всѣмъ, принадлежащимъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому сословію, не принимать къ себѣ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, выдавать ихъ по первому требованію и за неисполненіе сего устанавливаетъ двойные штрафы въ пользу владѣльца, отыскивающаго крестьянина, и въ пользу казны, и прибавляетъ, что и за уплатою этихъ штрафовъ бѣглый все-таки долженъ былъ возвращенъ. ²⁾

Вскорѣ всѣ эти мѣры дополняются запрещеніями земскимъ властямъ, старостамъ и правителямъ областей давать крестьянамъ виды, паспорта (*salvus conductus*); власти эти обязываются наблюдать за тѣмъ, чтобы отлучающіеся отъ своихъ владѣльцевъ крестьяне снабжены были увольнительными свидѣтельствами. ³⁾ Мазовецкій статутъ въ видахъ сохраненія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній запрещаетъ увольнять крестьянъ изъ Мазовїи въ другія части Польши, въ избѣжаніе убытковъ и затрудненій, которые обыкновенно причиняются такими переходами; ⁴⁾ тотъ же статутъ грозитъ значительнымъ по тогдашнему времени штрафомъ въ 10 польскихъ гривенъ тому, кто

¹⁾ Stat. Joannis Alberti de a. 1496. XXIV. Kmethones quot annuatim de villa mittendi. Jus Polonicum, стр. 349. «Par cette fausse citation il voulait temoigner son respect pour le statut de Vislica, et il ne faisait qu'insulter à son souvenir». Lelevel, «Considérations» etc., стр. 167.

²⁾ Stat. Joann. Alb. XXVIII. De profugis restituendis.

³⁾ «Terrigenarum nostrorum subditis kmetonibus, civibus, oppidanis aut servis, capitanei locorum salvos conductus dare non debeant». Stat. 1504, 1505, 1543.

⁴⁾ Statuta Mazoviae. Jus Polon., стр. 400. De fidejussione kmetonum extra terram.

приметь и поселить у себя мельника, ушедшаго отъ своего владѣльца. ¹⁾

Что касается правъ крестьянъ на земли, то статутъ 1496 года уничтожилъ ихъ совершенно. Статутъ этотъ постановилъ, что всѣ лица, не принадлежащіе къ шляхетскому сословію, не должны владѣть поземельною собственностью на земскомъ правѣ, и обязалъ всѣхъ, какъ горожанъ, такъ и крестьянъ, имѣвшихъ такую собственность, продать ее подъ страхомъ наказанія; ²⁾ всякія же сдѣлки и акты, совершенные вопреки этому закону, признаны имъ неимѣющими никакой силы. Законъ этотъ былъ собственно направленъ противъ горожанъ, что и видно изъ самаго его текста, но, установивъ, что поземельная собственность по земскому праву можетъ принадлежать только шляхетскому сословію, онъ этимъ самымъ подкосилъ и то основаніе, на которомъ держались права крестьянъ на земли, на которыхъ они сидѣли. До сихъ поръ земское право признавало за крестьянами наслѣдственное право на тѣ земли, которыя издавна состояли въ ихъ пользованіи, подъ условіемъ исполненія извѣстныхъ повинностей въ пользу владѣльцевъ; этотъ принципъ земскаго права выработался весьма явственно и былъ освященъ какъ обычаемъ, такъ и Вислицкимъ статутомъ, который вездѣ проводитъ довольно строгое различіе между крестьянскими землями, занятыми на земскомъ правѣ—*jure polonico*, и землями, отданными крестьянамъ на правѣ нѣмецкомъ—*jure teutonico*, на вольныхъ условіяхъ, *vola, libertas*; ³⁾ правда, эти земли перемѣшивались

¹⁾ Ibid. De restitutione molendinatoris profugi annualis.

²⁾ Stat. Joann. Alb. XXXIV. De civibus et plebeis oppida et bona, in jure terrestri non possessuris. Jus Polonicum, стр. 352.

³⁾ Лелевель говоритъ по этому поводу: «Nous avons bien distingué ceci: que le seigneur était maître de disposer de sa liberté *vola*, mais jamais de l'hérédité *kmetonale*, le sol de cette possession étant d'une autre nature. Les sortes, *vłoki, łany*, des *kmetons*, étaient des propriétés héréditaires à condition, établies sur la loi polonaise terrestre, et dont rien ne devait changer la nature, quand même un noble les cultivait, comme on le voit très clairement par des clauses que le clergé se réservait sur la dîme de ces sortes, qu'il appelait *illibera*». «Considerations» etc., стр. 141.

иногда между собою, такъ какъ владѣльцамъ разрѣшалось переводить селенія съ права земскаго на право нѣмецкое и право нѣмецкое утрачивалось во многихъ селеніяхъ и замѣнялось земскимъ, и въ послѣднее время крестьяне, поселявшіеся на воляхъ, подчиняемы были дѣйствию земскаго права, но тѣмъ не менѣе земское право смотрѣло на крестьянскія земли какъ на неотъемлемую собственность крестьянъ, собственность, хотя и ограниченную извѣстными повинностями въ пользу владѣльцевъ, но и огражденную запрещеніемъ симъ послѣднимъ, распорядиться ею по своему усмотрѣнію. Запрещеніе крестьянамъ имѣть собственность на земскомъ правѣ обратило всѣ ихъ земли въ простые участки владѣльческой земли, которые владѣлецъ получилъ право отдавать, или не отдавать имъ, по своему усмотрѣнію и на какихъ угодно условіяхъ. Вся земля сдѣлалась съ этихъ поръ безусловно собственностью шляхетскаго сословія и крестьянинъ потерялъ на нее всякія права. Тѣ же изъ крестьянъ, — число такихъ было впрочемъ крайне незначительно, — которые имѣли клочки земли на правѣ полной собственности, должны были продать ихъ, и съ тѣхъ поръ о крестьянахъ-собственникахъ уже нѣтъ болѣе помина. ¹⁾

Законодательство конца XV и начала XVI вѣка, почти уничтоживъ право перехода крестьянъ и лишивъ ихъ исконныхъ правъ ихъ на землю, довершило все, что оставалось сдѣлать чтобы обратить крестьянъ въ совершенную неволю, ограничивъ ихъ въ гражданскихъ правахъ и подчинивъ ихъ окончательно доминіальной юрисдикціи владѣльцевъ.

Статья XIV-я статута 1496 года устанавливаетъ, что только одинъ изъ сыновей крестьянина имѣетъ право оставить свое мѣсто жительства и свои занятія для того, чтобы посвятить

¹⁾ При Сигизмундѣ I, по требованію шляхты подтверждено было запрещеніе Іоанна Альберта лицамъ, не принадлежавшимъ къ шляхетскому сословію, владѣть поземельною собственностью и назначенъ былъ четырехлѣтній срокъ на продажу такихъ имѣній; притомъ установленъ былъ штрафъ въ 100 гривенъ, который угрожалъ всякому правительственному мѣсту или лицу, которое засвидѣтельствовало бы сдѣлку въ противность этому запрещенію. *Bandtkie, Hist. pr. Polsk., стр. 281.*

себя изученію наукъ, искусствъ или какого-либо ремесла, или наняться куда-нибудь въ услуженіе; другіе же должны оставаться земледѣльцами въ томъ имѣніи, гдѣ родились. Такое постановленіе законодатель опричиниваетъ тѣмъ, что крестьянское юношество, оставляя свои семейства, часто попадаетъ въ дурное общество и предается разнымъ порокамъ, притомъ селенія пустѣютъ и терпятъ недостатокъ въ рабочихъ. Крестьянскій мальчикъ, чтобы имѣть право уйти, долженъ получить разрѣшеніе и увольнительное свидѣтельство ¹⁾ отъ мѣстнаго владѣльца; эти свидѣтельства въ имѣніяхъ королевскихъ должны быть выдаваемы старостами, а въ имѣніяхъ частныхъ—ихъ владѣльцами. Если же у крестьянина только одинъ сынъ, то онъ долженъ непремѣнно оставаться дома, и на той самой землѣ, на которой родился, зарабатывать себѣ средства къ жизни. Если же какой-нибудь крестьянскій юноша оставитъ свою деревню безъ соблюденія этихъ правилъ, то онъ считается бѣглымъ и немедленно возвращается владѣльцу; если же его кто-нибудь приметъ и будетъ держать у себя въ городѣ ли, въ деревнѣ ли или гдѣ бы то ни было ²⁾, то такой укрыватель наказывается пенею въ 14 гривенъ. ³⁾ Немного позже законъ разрѣшилъ крестьянамъ посылать своихъ дѣтей обучаться наукамъ до достиженія ими 12-ти лѣтняго возраста, а ремесламъ и по прошествіи этого возраста; но если они дѣлали это безъ вѣдома и согласія владѣльца, то дѣти эти не только должны были быть возвращены владѣльцу, но и теряли право на отцовское наслѣдіе. ⁴⁾

¹⁾ «Licentiam et litteras testimoniales».

²⁾ «Sive in civitatibus et oppidis, sive alibi ubicunque.»

³⁾ Stat. Joann Alberti. XIV. De filiis kmethonum... Jus Polonicum, стр. 343.

⁴⁾ «Kmetonum filii non poterint de haereditate in qua patres eorum morantur sine scitu et consensu domini sui recedere, nisi qui studendi gratia literarum anno quocunque ante duodecim suae aetatis annum, vel anno quocunque aetatis, causa artificiorum exire voluerint, qui etiam dominis suis requisitis id facere debent; et qui exiverint dominis nescientibus vel invitis, perdant sortem patrimonii sui et denique restitui debent.» Stat. 1502, vol. I, p. 293, anni 1510, vol. I, p. 357.

Статутъ же 1496 года закрылъ крестьянамъ наравнѣ со всѣми, не принадлежавшими къ шляхетскому сословію, доступъ въ духовныя званія, разрѣшивъ его однако ограниченному числу плебеевъ, достигшихъ степеней докторовъ различныхъ наукъ. ¹⁾

По установившемся въ XV вѣкѣ обычаю въ спорахъ объ имуществѣ недвижимомъ истцомъ и отвѣтчикомъ являлся не крестьянинъ, а его владѣлецъ; обычай этотъ выражался и въ законодательствѣ. Въ статутѣ 1420 года находятся особыя объ этомъ постановленія, приведенныя уже выше. Въ Мазовецкомъ статутѣ этотъ законъ выраженъ еще яснѣе; тамъ прямо говорится, что въ дѣлахъ о недвижимыхъ имуществвахъ, лѣсахъ, бортяхъ, рыбныхъ ловляхъ и т. п., споръ долженъ вести не крестьянинъ, а его владѣлецъ; при-этомъ пояснено, что такіе споры, какъ касающіеся наслѣдственныхъ правъ на недвижимыя имущества, не приличествуютъ крестьянину. ²⁾ Статутъ 1496 г., лишившій крестьянъ возможности владѣть недвижимыми имуществами, тѣмъ самымъ уже лишилъ ихъ и права вести о нихъ споры и тяжбы, но онъ этимъ не ограничился, а постановивъ, что за долгъ крестьянина къ суду долженъ быть вызванъ не онъ, а его владѣлецъ, онъ лишилъ крестьянъ права

¹⁾ Stat. Joann. Alb. Jus Polonicum, стр. 345, 346, 347.

²⁾ Statuta Mazoviae. Pro quibus causis kmethonum domini agere debent. Jus Polonicum, стр. 403. Любомірскій начинаеть свою брошюру: «Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku» объясненіемъ, что по древнему обычаю крестьянинъ по дѣламъ о недвижимыхъ имуществвахъ не имѣлъ права быть ни истцомъ, ни отвѣтчикомъ въ судѣ. Такое показаніе ошибочно; въ доказательство его авторъ приводитъ слова Янушовскаго «quia actio est haereditaria.» Слова эти взиты изъ приведенной выше статьи Мазовецкаго статута, который относится уже къ XVI вѣку. Въ отношеніи къ этому времени они совершенно понятны, потому что крестьяне, потерявъ право имѣть недвижимую собственность, перестали считаться «haeredes». Въ древнія же времена, и по Вислицкому статуту Казимира, они имѣли полное право вести дѣла о недвижимыхъ имуществвахъ. Въ статутѣ этомъ нигдѣ нѣтъ намека на запрещеніе крестьянамъ вести споры о недвижимостяхъ и онъ самъ вмѣстѣ со многими древними актами называетъ крестьянъ «haeredes», слѣдовательно выраженіе: «quia actio est haereditaria» въ отношеніи къ тому времени не имѣеть значенія. Обычай, лишившій крестьянъ права вести споры о недвижимыхъ имуществвахъ, былъ въ XVI вѣкѣ не древній, а сравнительно совершенно новый.

вести споры и объ имуществахъ движимыхъ. Статья XVI-я этого статута говоритъ, что такъ какъ крестьяне, не будучи ограничены никакимъ закономъ, предаются роскоши, одѣваются въ драгоцѣнныя матеріи и дѣлаютъ другіе расходы, не приличные ихъ званію, и вслѣдствіе сего дѣлаютъ горожанамъ долги, превышающіе крестьянское имущество, за что горожане арестуютъ и задерживаютъ ихъ въ городахъ, то постановляется, что горожане не имѣютъ права арестовать и вызывать крестьянъ къ суду въ городахъ, за долги крестьянъ, какого бы рода эти долги ни были ¹⁾, а должны обращаться къ суду владѣльцевъ тѣхъ имѣній, къ которымъ принадлежатъ должники. Если бы владѣлецъ не оказалъ должной справедливости, то займодавецъ можетъ вызвать къ суду его самого и онъ уже отвѣтствуетъ въ судѣ вмѣсто своего крестьянина. ²⁾

Такимъ образомъ законодательство XV и начала XVI вѣка, лишивъ крестьянъ возможности доискиваться передъ судебною и административною властью защиты своихъ правъ, поставило ихъ въ совершенную зависимость отъ воли ихъ владѣльцевъ. Хотя въ статутѣ 1505 года и содержится указаніе нѣкоторыхъ случаевъ, когда крестьянинъ могъ обращаться къ земскимъ судамъ, но это указаніе не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, такъ какъ крестьянинъ не могъ явиться въ этотъ судъ безъ участія своего владѣльца, который былъ въ немъ его патрономъ; въ дѣлахъ уголовныхъ, да и почти во всѣхъ другихъ владѣлецъ также являлся передъ судомъ и дѣйствовалъ тамъ за крестьянина, котораго называлъ своимъ подданнымъ. ³⁾ Однимъ словомъ вездѣ и всегда между закономъ и крестьяниномъ становилась личность владѣльца и если государственная власть и простирала въ какомъ-либо отношеніи свое вліяніе на крестьянина, то не иначе, какъ чрезъ посредство его владѣльца.

¹⁾ «Etiam in libro civili inscriptis, vel non inscriptis.»

²⁾ Stat. Joannis Alberti de a. 1496. Jus Polonicum, стр. 344.

³⁾ На официальномъ языкѣ того времени владѣлецъ называется dominus, а крестьянинъ subditus.

IX.

Положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства и въ имѣніяхъ королевскихъ. — Референдарскій судъ. — XVI-й вѣкъ — время окончательнаго развитія крепостнаго права. — Экономическія условія крестьянскаго быта. — Начало развитія фольварочныхъ хозяйствъ. — Замѣна чиншей и даней издѣльною повинностью. — Первый законодательный актъ, установившій еженедѣльную панщизну. — Начало отобранія у крестьянъ земель. — Основанія пользованія крестьянъ землею, сохранившіяся въ имѣніяхъ казенныхъ. — Экономическія стѣсненія, вошедшія въ обычай въ имѣніяхъ шляхетскихъ.

Въ имѣніяхъ шляхетскихъ не осталось затѣмъ крестьянамъ никакихъ средствъ къ охраненію своей свободы и крепостное право вошло въ этихъ имѣніяхъ въ полную силу. Въ имѣніяхъ духовенства положеніе крестьянъ было сравнительно болѣе обезпечено, ибо они могли обращаться съ жалобами на непосредственную доминіальную власть имѣній, къ коимъ принадлежали, въ капитулы, къ епископамъ и наконецъ какъ къ высшей инстанціи къ архіепископу Гнѣзненскому. Примѣры дѣлъ, возникавшихъ по такимъ жалобамъ, попадаются въ XV и XVI вѣкахъ; въ концѣ XVI вѣка они становятся рѣже и вскорѣ потомъ вовсе прекращаются, что можетъ служить доказательствомъ ихъ бесполезности и все большаго и большаго закрѣпощенія крестьянъ. Тѣмъ неменѣе неволя крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства была легче, чѣмъ въ имѣніяхъ шляхетскихъ, ибо въ первыхъ не было такого про-

стора произволу, корыстолюбію, а иногда и жестокости отдѣльныхъ личностей.

Въ имѣніяхъ королевскихъ крестьяне могли приносить свои жалобы на старость и арендаторовъ королю. Для разбора дѣлъ по такимъ жалобамъ назначались королями комиссіи, а иногда дѣла эти передавались въ разные суды, то городскіе, то ассесорскіе, существовавшіе во времена Сигизмунда I, Сигизмунда Августа и Стефана Баторія. При Сигизмундѣ III дѣла крестьянскія перешли въ вѣдѣніе коронныхъ референдаріевъ, которымъ сначала не было присвоено никакихъ правъ, кромѣ разбора и доклада этихъ дѣлъ королю. По статуту 1507 года такихъ референдаріевъ положено два.

Переходъ крестьянскихъ дѣлъ въ королевскихъ имѣніяхъ въ вѣдѣніе референдарскаго суда не былъ установленъ особымъ на это узаконеніемъ, а совершился въ силу установившагося со времени Сигизмунда III обычая. Впрочемъ дѣйствія этого суда были отрывочны и во время войнъ и смуть прекращались на продолжительное время. Самое производство дѣлъ было запутано и медленно до крайности, нѣкоторыя дѣла, какъ видно изъ оставшихся отъ этого суда актовъ, тянулись цѣлые десятки лѣтъ. Комиссіи, обыкновенно назначаемыя референдаріями для разбора возникавшихъ дѣлъ, почти никогда не приходили ни къ какому результату и часто разстроивались по разнымъ причинамъ—то кто-либо изъ членовъ вздумаетъ прислать вмѣсто себя сына и тѣмъ остановить ея дѣйствія, то члены никакъ не могутъ съѣхаться и одни попадутъ въ одну деревню, другіе въ другую. Хотя референдаріи установлены были для всего государства, но не видно, чтобъ они занимались дѣлами провинцій, отдаленныхъ отъ мѣста ихъ пребыванія, Варшавы. Вотъ что говоритъ о ихъ дѣйствіяхъ кн. Любомірскій, разбиравшій оставшіеся послѣ нихъ акты. «Такъ какъ въ референдарскомъ судѣ засѣдалъ только одинъ судья, приговоры котораго были безапелляціонны и который по званію, интересамъ и положенію своему былъ чуждъ сельскому населенію, то онъ и не имѣлъ въ глазахъ народа того безпристрастія и значенія, которыя историкъ хотѣлъ бы въ немъ видѣть. Въ теченіе двухъ вѣковъ не было ни одного референ-

дарія, который придавалъ бы дѣйствіямъ своимъ законное основаніе. Практика референдарскихъ судовъ была темна, противорѣчива, запутанна и измѣнчива. Насколько можно заключить изъ изученія нѣсколькихъ десятковъ книгъ сохранившихся актовъ этихъ судовъ, то они болѣе или менѣе держались слѣдующей практики. Древнія привилегіи королей они признавали отмѣненными постановленіями сеймовъ, а новѣйшія подтвержденія этихъ привилегій признавали полученными вслѣдствіе невѣрныхъ свѣдѣній, или вовсе отрицали право Коронной канцеляріи выдавать таковыя. Постановленія конституцій XV и начала XVI вѣковъ референдаріи признавали отмѣненными *de facto* (ибо и эти постановленія, стѣсняющія свободу крестьянъ и обязывающія ихъ къ барщинѣ, почитались въ XVIII вѣкѣ слишкомъ для нихъ благопріятными); посему практика признавала обязательными не королевскія привилегіи и законодательство сеймовъ, а только люстраціонные акты и свои собственные постановленія; при составленіи же сихъ послѣднихъ руководствовались также не закономъ, а мѣстными обычаями.»

«Позднѣе, когда въ XVIII вѣкѣ люстрація 1661—1665 годовъ за давностью утратила силу, всѣ дѣйствія референдарскаго суда стали исключительно основываться на разныхъ обычаяхъ, установившихся по староствамъ, и установившихся не всегда путемъ свободнаго экономическаго развитія, но часто путемъ принужденія и насилія.»

Шестнадцатый вѣкъ былъ временемъ развитія въ Польшѣ крѣпостнаго права; въ теченіе этого вѣка совершенно потерялось различіе, существовавшее прежде между свободнымъ и не свободнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Отъ прежнихъ свободныхъ кметей осталось только имя, такъ какъ и они сдѣлались *glebae adscripti* и безправными подданными своихъ владѣльцевъ. Со времени статута 1543 года владѣлецъ получилъ право распоряжаться своими крестьянами, какъ своею собственностью; онъ могъ продавать ихъ, какъ вмѣстѣ съ землею, такъ и отдѣльно, какъ семьями, такъ и по одиночкѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка установленіе постоянныхъ окладовъ податей поголовной и другой извѣстной подъ названіемъ «иберны» закрѣпило зависимость крестьянъ еще болѣе, и послужило впослѣд-

ствіи основаніемъ, на которое ссылались, отказывая крестьянамъ въ домогательствахъ, основанныхъ на прежнихъ статутахъ.

Вмѣсто утратившагося раздѣленія крестьянъ на свободныхъ и не свободныхъ, появилось раздѣленіе ихъ на земельныхъ и безземельныхъ; правъ ни за тѣми, ни за другими не осталось никакихъ, но повинности и положеніе ихъ были различны. Крестьянинъ осѣдлый, владѣлецъ усадьбы, отбывалъ болѣе или менѣе опредѣленныя повинности, что было неизбѣжно вслѣдствіе потребностей его собственнаго хозяйства, поддержка котораго все-таки была въ интересахъ владѣльца; обычай противился продажѣ его отдѣльно отъ земли; безземельный же крестьянинъ былъ въ полномъ распоряженіи своего владѣльца и тотъ употреблялъ его по своему усмотрѣнію для личныхъ услугъ, для работъ на фольваркахъ, или отдавая его въ работники къ крестьянамъ хозяевамъ. Такихъ безземельныхъ крестьянъ и законъ и обычай дозволяли владѣльцамъ дарить, продавать и завѣщать по своему произволу. Затѣмъ всѣ установленныя древнимъ законодательствомъ способы освобожденія крестьянъ, со всѣми различіями правъ земскаго-польскаго и нѣмецкаго, съ XV вѣка исчезаютъ окончательно и освобожденіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости можетъ произойти только по волѣ его владѣльца. По свидѣтельству Любомірскаго ¹⁾ самый древній актъ освобожденія на волю относится къ 1478 году.

Съ утратою другихъ своихъ правъ крестьянинъ потерялъ и семейныя свои права; главенство въ семьѣ, принадлежавшее отцу, перешло въ руки патримоніальной власти, которая распоряжалась членами крестьянскихъ семействъ по своему усмотрѣнію. Выше было упомянуто о постановленіи статута 1496 года, запретившемъ отдавать крестьянскихъ мальчиковъ въ обученіе ремесламъ и наукамъ; статутъ 1503 г. подтвердилъ это запрещеніе подъ страхомъ потери наслѣдственныхъ правъ и установилъ, что если дочь крестьянина выйдетъ замужъ за вольнаго человѣка, то и сей послѣдній по женѣ своей дѣлается крѣпостнымъ. Впослѣдствіи вошло въ обычай запре-

¹⁾ Roln. ludn., стр. II.

щеніе крестьянскимъ дѣвушкамъ выходить замужъ за крестьянъ чужаго имѣнія. Право отдѣлять сыновей также сдѣлалось принадлежностью власти патримоніальной, которая приказывала или запрещала такое отдѣленіе, руководствуясь своими хозяйственными соображеніями. Назначеніе малолѣтнимъ крестьянамъ опекуновъ, отдача крестьянъ или ихъ дѣтей въ фольварочную службу, распредѣленіе безземельныхъ крестьянъ въ работники къ крестьянамъ хозяевамъ — все это дѣлалось не иначе, какъ по волѣ владѣльца, его управляющаго или арендатора.

Чтобы составить себѣ по-возможности ясное представленіе о бытѣ крестьянъ въ Польшѣ и о томъ пути, по которому проходили его измѣненія, необходимо обратить вниманіе на экономическія условія ихъ жизни, на способы пользованія ихъ землею, на распредѣленіе земли между ними и между ея владѣльцами.

Въ этомъ отношеніи нужно отказаться отъ надежды найти въ историческихъ памятникахъ Польши указанія точныя, а тѣмъ болѣе данныя числовыя, которыя были бы столь драгоценны въ этомъ случаѣ. О статистикѣ въ тѣ времена не можетъ быть рѣчи и остается только по отрывочнымъ, часто противорѣчивымъ, показаніямъ писателей того времени, по не менѣе отрывочнымъ постановленіямъ тогдашнихъ законовъ и правительственныхъ актовъ, наконецъ по самымъ перемѣнамъ въ правахъ крестьянъ, возстановлять въ общихъ чертахъ картину ихъ хозяйственнаго быта. Въ этомъ отношеніи вторая половина XV и начало XVI вѣка составляютъ эпоху переходную, въ продолженіе которой земледѣльческое населеніе начинаетъ терять свое благосостояніе, также какъ оно потеряло свои политическія права. До этого времени, почти вся удобная воздѣланная земля, или по крайней мѣрѣ большая ея часть находилась если не во владѣніи, то въ пользованіи крестьянъ. Выше приведенъ былъ выводъ, который наглядно выступаетъ изъ описанія Краковской епархіи Длугоша, о пропорціи земельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, пропорціи, которая свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что обработка земли была по большей части въ рукахъ крестьянъ и что обработка земли на владѣльцевъ ограничивалась самыми незначительными размѣрами. Хозяй-

ство фольварочное еще находилось въ зародышѣ и шляхетскіе фольварки еще не сдѣлались, по выраженію одного польскаго писателя, головою и сердцемъ окружающихъ ихъ мѣстностей. По тогдашнимъ условіямъ края оно и не могло быть иначе. Рыцарству было не до хозяйства, оно занималось военною службою, спорами съ королями и князьями, приобрѣтеніемъ и укрѣпленіемъ за собою своихъ политическихъ правъ; хозяйственныя распоряженія его въ своихъ имѣніяхъ ограничивались по большей части сборомъ чиншей и разныхъ податей по стариннымъ обычаямъ и правамъ; не думая объ обработкѣ земли лично, они напротивъ старались всѣми мѣрами отдать ее подь поселенія крестьянскія, такъ какъ они представляли въ то время наилучшій и вѣрнѣйшій способъ извлеченія изъ нея дохода. Но чѣмъ больше развивалась жизнь страны, чѣмъ больше увеличивалось ея населеніе, чѣмъ больше возникавшая торговля открывала путей для сбыта, тѣмъ больше становилась потребность на сельскія произведенія и увеличивались выгоды ихъ производства. Малыя крестьянскія хозяйства, не могущія разрастаться и развиваться по причинамъ политическимъ, все менѣе и менѣе могли удовлетворять возрастающимъ потребностямъ, и хозяйство болѣе обширное фольварочное, особенно въ рукахъ шляхты, имѣвшей въ своемъ распоряженіи главные его элементы, землю и рабочую силу, становилось возможнымъ и выгоднымъ. Съ присоединеніемъ въ польскому государству прусскихъ провинцій и балтійскаго поморья открылись для сельскихъ произведеній широкіе пути сбыта и вмѣстѣ съ тѣмъ стала развиваться въ средѣ шляхты та роскошь, о которой сохранилось столько свидѣтельствъ у современныхъ писателей не только польскихъ, но и иноземныхъ; первымъ источникомъ средствъ къ удовлетворенію увеличивавшихся потребностей шляхты была принадлежавшая ей земля и обработка ея стала производиться въ большихъ размѣрахъ фольварочными хозяйствами. Случаи колонизаціи становятся все рѣже и рѣже и чинши начинаютъ уступать мѣсто панцизнѣ. Постоянная прибыль земли, обращаемой подь фольварочную обработку, высказывается въ это время въ возрастающей потребности въ рабочей силѣ; потребность эта доказывается рядомъ законодательныхъ

мѣръ, принятыхъ для ея удовлетворенія; видно, что законодатели изыскивали всевозможныя къ тому средства. Въ 1520 году Торнскій статутъ устанавливаетъ повсемѣстно, для всего королевства еженедѣльную панцизну; ¹⁾ при-этомъ онъ умалчиваетъ о чиншахъ и не дѣлаетъ никакого распоряженія объ ихъ уменьшеніи; день панцизны въ недѣлю является такимъ образомъ прибавленіемъ къ повинностямъ крестьянъ и самое появленіе такого законодательнаго распоряженія, вводившаго повсемѣстно въ силу повинность, никогда не бывшую общимъ обычаемъ, доказываетъ возрастающую потребность въ рабочихъ рукахъ, потребность, вызванную увеличивавшимися, и числомъ и размѣромъ, фольварочными хозяйствами. Послѣ Торнскаго статута ни одного законоположенія опредѣляющаго размѣры панцизны не было и она вошла въ общій обычай, увеличиваясь все болѣе и болѣе по мѣрѣ возрастающей въ ней потребности. Кромѣ прямого установленія панцизны, въ другихъ законодательныхъ мѣрахъ описываемой эпохи можно усмотрѣть признаки увеличенія шляхетскихъ хозяйствъ. Такъ конституція 1565 года ²⁾ предписываетъ опекунамъ отдавать отчетъ не только въ однихъ чиншахъ, но и въ произведеніяхъ земли, которыя, какъ говоритъ это узаконеніе, даютъ несравненно большій доходъ. Въ прежнее время, когда фольварочныхъ хозяйствъ не было, а весь доходъ съ поземельной собственности заключался въ чиншахъ и даняхъ крестьянъ, пользовавшихся землею, очевидно не было и нужды въ такомъ узаконеніи. Въ актахъ XVII-го вѣка попадаются въ гораздо большемъ противъ прежняго количествѣ названія крестьянъ безземельныхъ, различнаго рода фольварочныхъ рабочихъ и крестьянъ малоземельныхъ, коморниковъ, загородниковъ, халупниковъ, также употреблявшихся для работъ въ большихъ хозяйствахъ.

¹⁾ Statuimus et ordinamus: quod kmethones omnium villarum nostrarum Regalium, spiritualium et saecularium subditarum regni nostri secundum decretum conventionis Thornnensis generalis, proxime praeteritae, debent dominis suis laborare unum diem in septimana, exceptis villis nostris, desuper privilegiatis, quae expressae speciali privilegio docerent, quod loco laborum, censum pecuniarium auxerunt: tales duntaxat privilegiis gaudebunt, alii, ut praemissum est, laborabunt. Vol. leg., I, стр. 394.

²⁾ Vol. leg., II, стр. 692.

Сначала увеличеніе хозяйствъ шляхетскихъ не происходило насчетъ хозяйствъ крестьянскихъ, т. е. владѣльцы не отбирали земель у крестьянъ, или по крайней мѣрѣ это случалось рѣдко, въ видѣ исключеній. Отобраніе у крестьянъ земель въ большихъ размѣрахъ и систематическое ихъ обезземеленіе было явленіемъ эпохи позднѣйшей. То время, лишая крестьянъ политическихъ правъ, стѣсняло лишь ихъ свободу переселенія и привязывало ихъ въ землѣ. Тѣмъ не менѣе соотношеніе хозяйствъ шляхетскихъ и крестьянскихъ измѣнялось въ пользу первыхъ, ибо подъ нихъ обращались по большей части свободныя и годныя для обработки земли, которыхъ много еще въ то время было въ Польшѣ. Эпоха эта была именно временемъ наибольшаго и быстраго земледѣльческаго развитія Польши. Вывозъ сельскихъ произведеній, который началъ тогда производиться изъ Польши, сталъ достигать такого размѣра, который далъ ей одно изъ первыхъ мѣстъ на тогдашнихъ европейскихъ рынкахъ. Короли раздавали и продавали шляхтѣ множество земель и земли эти также какъ и собственныя шляхетскія, оставшіяся въ-пустѣ, обращались подъ фольварки и стали обрабатываться обязательнымъ трудомъ крестьянъ.

Безполезно было бы желать опредѣлить хотя бы приблизительными цифрами пропорцію крестьянскихъ и фольварочныхъ земель въ это время. Вѣрныхъ указаній на это нѣтъ никакихъ, а разнообразіе условій разныхъ имѣній и произволь владѣльцевъ дѣлаютъ и приблизительный расчетъ невозможнымъ. Чацкій говоритъ, что на одну уволоку фольварочной земли полагалось шесть крестьянскихъ, но это показаніе не можетъ имѣть значенія потому, что оно относится къ Литвѣ, да и то къ короннымъ имѣніямъ, а мѣстныя условія Литвы и Польши были совершенно различны. По однимъ свѣдѣніямъ число крестьянскихъ участковъ по податнымъ росписямъ 1576 года было въ Польшѣ 146,661, а по другимъ почти въ то же время число ихъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ вмѣстѣ доходило до 10 м. ¹⁾ Преувеличенность этой цифры бросается въ глаза.

¹⁾ Ed. Stawiskiego, Poszukiwania etc., стр. 41, 42.

Несомнѣнно лишь то, что именно съ этого времени число шляхетскихъ запашекъ стало увеличиваться все болѣе и болѣе, а число крестьянскихъ соотвѣтственно уменьшаться, число безземельнаго населенія умножаться и самая ненавистная для крестьянина тягость, панщизна, стала все болѣе и болѣе тяжкимъ гнетомъ ложиться на сельское населеніе Польши.

Но хотя крестьяне, жившіе на шляхетскихъ земляхъ, сдѣлавшись крѣпостными, потеряли все свои прежнія права, тѣмъ неменѣе прежніе обычаи, опредѣлявшіе отношенія къ землѣ владѣльцевъ, которымъ она принадлежала, и крестьянъ, которые ею пользовались, сохраняли еще до нѣкоторой степени свою силу и служили основаніемъ пользованія крестьянъ землею; въ имѣніяхъ же коронныхъ они составляли дѣйствительное право крестьянъ, право, которымъ они никогда пользоваться не переставали. Право крестьянина на землю основывалось на подразумевавшемся всегда заставномъ арендномъ условіи, которое бывало двухъ родовъ: 1) *воля*, т. е. наемъ на опредѣленное число лѣтъ за опредѣленные впередъ повинности, и 2) *закупъ* (*zakupieństwo*), наемъ безсрочный. Условія пользованія перваго рода бывали обыкновенно во всѣхъ тѣхъ крестьянскихъ поселеніяхъ, которыя образовывались на пустыхъ необработанныхъ мѣстахъ; при-этомъ заставная сумма по большей части не вносилась наличностью, а представлялась работой крестьянъ, употребленной на выкорчеваніе, расчистку и вообще приведеніе земли въ положеніе годное для обработки; условія же втораго рода дѣйствовали во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля принадлежала крестьянамъ издревле и составляла тѣ древніе крестьянскіе участки, которые извѣстны были подъ названіями лановъ, влукъ, по-латынѣ *sortes*, объ чемъ была рѣчь выше. Въ отношеніи разницы между этими двумя родами земель, Лелевель справедливо замѣчаетъ, въ своихъ «*Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne*», что шляхта вправѣ была распорядиться по своему усмотрѣнію своими *волями*, но что присвоеніе себѣ крестьянскихъ земель (*sortes*) было съ ея стороны насиліемъ. Впослѣдствіи уже въ XVII вѣкѣ, когда образованіе новыхъ «волей» сдѣлалось рѣдкимъ, развился обычай, по которому эти земли отдавались на опредѣленное число лѣтъ, съ

правомъ, по истеченіи этихъ лѣтъ, возобновлять условія пользования на такой же срокъ, и съ обязанностью уплачивать при этомъ каждый разъ особую подать извѣстную подъ названіемъ *laudemium*.

Съ утратою крестьянами политическихъ правъ, условія пользования ихъ землею въ селеніяхъ шляхетскихъ стали устанавливаться единственно по волѣ владѣльцевъ и всѣ древнія различія стали стираться и смѣшиваться; въ имѣніяхъ же коронныхъ они сохранялись и право пользования было болѣе обезпечено. Самая система взиманія податей въ коронныхъ имѣніяхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ была основана на неприкосновенности крестьянскихъ земель; такъ, въ отношеніи уплаты податей, земли дѣлились на фольварочныя, съ которыхъ подать, называвшаяся *квартою*, была уплачиваема старостами, на крестьянскія, съ которыхъ подать *иберна* платилась крестьянами, и на пустыя, состоявшія въ общемъ пользованіи крестьянъ и фольварковъ, съ которыхъ *иберна* платилась пополамъ фольварками и крестьянами. Необходимость обезпечить сборъ податей содѣйствовала сохраненію этого раздѣленія и удерживала за крестьянами ихъ право пользования землею. Если крестьянинъ оставлялъ свой участокъ, онъ могъ возвратитъ его себѣ въ теченіе года и шести недѣль, хотя бы этотъ участокъ уже находился въ пользованіи другаго; по истеченіи этого срока онъ сохранялъ только право на вознагражденіе въ теченіе 30-ти лѣтъ. Право на пользованіе переходило по наслѣдству и къ дѣтямъ крестьянина.

Уже въ XV-мъ вѣкѣ обычай давалъ владѣльцамъ право измѣнять въ своихъ имѣніяхъ старинныя основанія пользования крестьянъ землею. Торнскій статутъ подорвалъ окончательно ихъ основанія, ибо, установивъ панцизну, нарушилъ всѣ прежніе, на обычай основанные, договоры между владѣльцами и крестьянами; съ этого времени отъ воли первыхъ стало зависѣть окладывать крестьянъ новыми повинностями, перемѣнять чинши на панцизну и пр. Приговоры референдарскихъ судовъ, судовъ епископскихъ и разныя ревизіи и инвентари, составлявшіеся въ имѣніяхъ шляхетскихъ, служатъ тому доказательствомъ. ¹⁾

¹⁾ См. X T. Lubom. R. L. w P. стр. 19.

Въ имѣніяхъ шляхетскихъ вошло въ обычай запрещеніе крестьянамъ покупать водку, пиво, соль, сельди, иначе какъ у своего владѣльца и продавать овесъ, куръ, ленъ, коноплю, яйца кому-либо другому, кромѣ своего владѣльца. Отъ воли владѣльца зависѣло запретить крестьянамъ продажу ихъ живаго и мертваго инвентаря; владѣльцы принуждали своихъ крестьянъ покупать у нихъ овощи, молоть хлѣбъ на ихъ мельницахъ. Возможность заработковъ была ограничена для крестьянина, онъ не могъ наняться никуда безъ разрѣшенія своего владѣльца, который съ своей стороны всегда могъ потребовать его къ себѣ на работу за уменьшенную и установленную имъ самимъ цѣну. Крестьянинъ не имѣлъ права нанять поля въ чужомъ имѣніи, если хоть одинъ колокъ поля оставался пустымъ въ имѣніи, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Производство крестьянскихъ хозяйствъ было ограничено; крестьянину дозволялось держать лишь опредѣленное число скота, выдѣлывать лишь опредѣленное количество холста и т. п. Всему этому сохранившіеся акты референдарскихъ судовъ представляютъ много примѣровъ и много доказательствъ. ¹⁾

¹⁾ Изъ этихъ актовъ подробныя выписки напечатаны у Любомірскаго Koln. Ludn. w P., стр. 19 и 20.

Х.

Патримоніальная юрисдикція.—Измѣненіе прежняго значенія войтовъ и солтысовъ и переходъ ихъ обязанностей и власти въ руки владѣльцевъ.—Судебныя права владѣльцевъ.—Владѣлецъ— послѣдняя инстанція въ дѣлахъ уголовныхъ и духовныхъ.— Черты производства уголовныхъ дѣлъ и примѣры наказаній разныхъ преступленій и проступковъ.

Что касается патримоніальной юрисдикціи, уже вошедшей въ это время повсемѣстно въ силу, то органами ея были прежніе сельскіе должностные лица: войты и лавники, только значеніе и положеніе ихъ совершенно перемѣнилось; изъ выборныхъ народныхъ они обратились въ послушныя и безгласныя орудія панской власти.

Въ XV-мъ вѣкѣ, какъ объяснено было выше, законъ разрѣшилъ владѣльцамъ отбирать и скупать находящіяся въ ихъ имѣніяхъ войтовства и солтыства. Статутъ 1510 года воспретилъ продажу или залогъ этихъ войтовствъ безъ разрѣшенія владѣльцевъ; въ концѣ XVI-го вѣка нѣсколько разъ законодательство разрѣшало ихъ продажу. Владѣльцы частныхъ имѣній всѣ воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ и въ частныхъ имѣніяхъ всѣ войтовства были скуплены или отобраны шляхтою у прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Въ имѣніяхъ духовенства случилось почти тоже, а если гдѣ и оставались прежнія войтовства, то они уже лишены были прежнихъ правъ; въ имѣніяхъ коронныхъ войтовства оставались на прежнемъ основаніи нѣсколько дольше, ибо только съ начала XVII-го вѣка

стали раздавать ихъ исключительно шляхтѣ и только конституція 1662 года объявила всѣхъ не принадлежавшихъ къ сословію шляхетскому лишенными войтовствъ и солтыствъ, еслибы таковыя состояли въ ихъ пользованіи. Такимъ образомъ войты перестали быть представителями народныхъ интересовъ и стали въ глазахъ сельскаго населенія тою же шляхтою, такъ что тамъ, гдѣ еще сохранялась попрежнему ихъ независимая юрисдикція, она была причиною многихъ недовольствъ и жалобъ и отмѣнялась по просьбѣ самаго сельскаго населенія. Мѣсто прежнихъ народныхъ войтовъ заняли лица, назначаемые патримоніальною властью для охраненія полицейскаго порядка въ имѣніяхъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ способъ ихъ назначенія былъ разный: въ однихъ войтъ назначался владѣльцемъ, въ другихъ избирался громадою и утверждался владѣльцемъ, но всегда былъ ничѣмъ инымъ, какъ слугою владѣльца. Такимъ образомъ прежняя войтовская юрисдикція, древній крестьянскій самосудъ исчезли безслѣдно, уступивши мѣсто юрисдикціи патримоніальной. Лавники, естественно, совершенно утратили прежнее значеніе выборныхъ судей; во многихъ мѣстахъ они уничтожились совершенно, а гдѣ и оставались, тамъ они обратились въ сборщиковъ податей или въ надзирателей за крестьянами на работахъ.

Изъ-подъ вѣдѣнія крестьянскихъ судовъ изъято было все, что имѣло какое-либо значеніе: дѣла о недвижимостяхъ, дѣла спорныя о движимостяхъ между крестьянами; если сіи послѣднія еще и предоставлялись самимъ крестьянамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, то все-таки требовалось утвержденіе владѣльца или его уполномоченнаго. Дѣла полицейскія, въ которыхъ замѣшаны были всегда интересы владѣльцевъ, какъ-то дѣла о неисполненіи повинностей, о нарушеніи права пропинаціи ¹⁾, обязанности молоть хлѣбъ на владѣльческой мельницѣ и т. п., подлежали исключительно суду самаго владѣльца. Въ дѣлахъ уголовныхъ сельскому суду осталось лишь право, или лучше

¹⁾ Т. е. исключительнаго права владѣльца на продажу питей и обязанности крестьянъ не покупать ихъ въ иномъ мѣстѣ.

сказать обязанность, производства перваго дознанія; самое же сужденіе по уголовнымъ дѣламъ производилось ближайшимъ городскимъ судомъ, который пріѣзжалъ для этого на мѣсто или судилъ ихъ въ мѣстѣ своего пребыванія, но послѣднею инстанціею все-таки оставался самъ владѣлецъ. ¹⁾ Патримоніальная власть присвоила себѣ даже и атрибуты власти духовной, ибо приговоры духовныхъ судовъ, еще существовавшихъ хотя и утратившихъ прежнее свое значеніе, также предоставлялись утвержденію владѣльцевъ. Такъ дѣла крестьянъ о бракахъ, разводахъ, о принужденіи крестьянъ ходить въ костель ²⁾, объ исполненіи ими обрядовъ исповѣди и св. причастія, о соблюденіи цѣломудренности въ обычаяхъ, о запрещеніи работать по праздникамъ и т. п. разсматривались владѣльцами. Законодательная власть сама утвердила вмѣшательство патримоніальной власти въ духовныя дѣла крестьянъ, ибо на генеральной конфедераціи въ Варшавѣ въ 1573 г. постановлено было, что владѣльцамъ предоставляется наказывать по усмотрѣнію своему, какъ духовными (*in spiritualibus*), такъ и свѣтскими мѣрами (*quam secularibus*) подданныхъ непослушныхъ имъ въ религіозномъ отношеніи (*respectu religionis*).

Подчиненіе патримоніальной юрисдикціи суда уголовного, въ соединеніи съ прочими шляхетскими правами, дѣлало изъ каждаго шляхетскаго имѣнія какъ-бы особое государство, а изъ каждаго владѣльца-шляхтича самовластнаго владыку, не

¹⁾ Любомірскій, R. L. w P., стр. 33, приводитъ въ доказательство сего выписки изъ архива Сенявскихъ. Гетманъ Сенявскій собственноручно утверждалъ приговоры судовъ въ своихъ имѣніяхъ «*approbuie Sieniawski*», или вмѣсто присужденныхъ 120 ударовъ «*expedire per medium*». Въ другомъ мѣстѣ, утверждая нѣсколько пунктовъ приговора суда, прибавляетъ «*excuriās tych gospodarzy co Pan Bóg nawiedzil gradem, od tych nic nie bierac ex quantitate defalkuie, ale in posterum żeby się bali y na gwalt biegli dać po 50 plag. Sieniawski.*»

²⁾ «Ходить въ костель обязанъ по крайней мѣрѣ одинъ съ каждой хаты подѣ страхомъ взысканія 6-ти грошей». Akt Sąd. Ref. 1701 «впередъ кто не пойдетъ въ костель безъ основательной причины будетъ наказанъ 15 ю ударами, а кто пойдетъ въ мѣстечко (вѣроятно во время богослуженія) 30-ю ударами». Inw. dóbr Archb. Gnieźn. 1759 — 1763. Lub., R. L. w P., стр. 32.

стѣсняемаго, не ограничиваемаго никакими законами. Первобыт-
ный порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ давалъ произволу
полный просторъ, а грубость нравовъ поддерживала жестокость
пыткъ и наказаній. Поводомъ къ начатію уголовныхъ дѣлъ
въ старину бывалъ зовъ на помощь; на зовъ обязанъ былъ
являться каждый взрослый житель гмины и въ каждомъ имѣ-
ніи былъ на это свой особый условный знакъ, слово, крикъ.
Впослѣдствіи этотъ старинный обычай сталъ исчезать; дѣла уго-
ловныя начинались патримоніальною властью въ лицѣ самаго
владѣльца или по жалобамъ и доносамъ кого-либо изъ его дво-
ровой прислуги, эконома, официалиста, повара, пастуха или
наконецъ кого-либо изъ самихъ крестьянъ. При слѣдствіи для
открытія истины, кромѣ спроса свидѣтелей, употреблялись пытки.
Пытка была обычаемъ стариннымъ въ Польшѣ, какъ и вездѣ,
и самымъ стариннымъ видомъ ея было испытаніе водой и рас-
каленнымъ желѣзомъ. Съ XVII-го вѣка употребленіе пытки
приняло обширнѣйшіе размѣры и пытки стали увеличиваться
и разнообразиться и числомъ и жестокостью.

Пытки формальныя, установленныя судебными обычаями,
производились судомъ и для этого употреблялись палачъ и тѣ
разнообразные инструменты и орудія, которыми богаты были
застѣнки того вѣка. Но еще до суда, при первоначальномъ
дознаніи и слѣдствіи патримоніальная власть употребляла
пытки по своему усмотрѣнію и произволу; обвиненныхъ били
розгами, палками, сдавливали имъ пальцы подъ курками ружья,
вѣшали на балкахъ въ сараяхъ за кисти рукъ или за ноги,
окуривали дымомъ, клали имъ за пазуху горячіе уголья. ¹⁾
Однимъ словомъ, каждый шляхтичъ, эконома, арендаторъ дѣ-
лалъ съ обвиненнымъ крестьяниномъ то, что ему приходило
въ голову въ данную минуту.

¹⁾ Tortury pozasądowe, wykonywane z polecenia dziedzica albo urzęd-
nika economicznego, bez uroczystych form sądowych, były to proste męczarnie:
bicie różgami, wkręcanie palców do kurków rusznicy, powieszenie na belce
stodoly za pięście, lub nogami do góry z potrącaniem powrozu; okurzenie
dymem, kładzenie rozżarzonych węgli w zanadrze i t. d. Roln. lud. w Polsce,
стр. 34.

Что касается самых наказаній, то равномѣрности и единообразія въ ихъ наложеніи не было вовсе; суды и владѣльцы, утверждавшіе ихъ приговоры и измѣнявшіе ихъ по своему усмотрѣнію, то ссылаются на обычаи, то на саксонскіе и другіе нѣмецкіе законы и права, то наконецъ вовсе ни на что не опираются, а просто назначаютъ наказанія—назначивши измѣняютъ, по чьей-либо просьбѣ, изъ жалости, или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ.

Фольварочные должностные лица за обманъ, воровство или за лѣнивое и небрежное исполненіе своихъ обязанностей наказывались смертю. За воровство вообще полагалось повѣшеніе, за побѣгъ тоже, а иногда за то же преступленіе обрѣзывали уши, половину носа и выжигали на лбу висѣлицу ¹⁾ или клеймили виновныхъ какими-нибудь литерами. За прелюбодѣяніе мужчина наказывался смертю, а женщину обезображивали, отрѣзывая носъ и уши. Часто однакожь случалось, что смертная казнь замѣнялась тѣлеснымъ наказаніемъ палками и розгами. ²⁾ За дѣтоубійство полагалось колесованіе, но также замѣнялось по распоряженіямъ владѣльца другою казнью. ³⁾ Убійство на-

¹⁾ Akta Losickie. Działo się we dworze Lysowskim J. W. P. Jana Kuczynskiego Horażego Z. Mielnickiey Jadowskiego Starosty, 1747 r. Przy obliczności Burgrabiego Grodzkiego Ciechanowskiego, a natenczas ekonoma generalnego J. W. Chorążego, tudzież przy wokowanym urzędzie m. Losie etc.... prez wnoszoną žalobę Jana Kucharczyka Instigatora do sprawy z obwinionym Beyda w różnych kradzieżach y wyprowadzenie poddanych Pańskich, a mianowicie braci swych, etc. Dekret... decydując ażeby za wyż wyrażone excessa miał uszy oberzniete, szubenicą na czole wypaloną y nos wpól oberzniety, alios kawolecz nosa przez exekutura... Stanisława u Mikolaiu Reydów... do dworskiey odsyła, dijudikacij, w przyszly zaś cras ieżeliby z tych obwinionych... tylecoby warto bylo wartosci na zl. 8 sposobym niedobrym nabył lub też kondykt do ucieczki miał... każdy podlegac będzie szubienicy. Roln. lud. w Polsce, стр. 35.

²⁾ Akta mieys. Konięcpol. 1687 r. Decret. Marini Kopytonki consor. Valent. Lając ze wsi Konięcpol. za moechantiae cu Ioanne Lawa famulo suo mieysce kary smierci plag 200. Roln. lud. w P., стр. 36.

³⁾ Akta mieys. Konięcpol. 1664. Agnieska Szelongk ze wsi Garnka decollata... dziecko stracila... skazana na smierć kołem przebić... na przyczynie zacnych ludzi Administrator Imieniem dziedzica na gardle mieczem odmienil. Quod non secus factum est. Ibid.

казывалось отсѣченіемъ руки и потомъ головы; умышленный поджогъ также наказывался смертью; за поджогъ по неосторожности, строеній или лѣса, виновныхъ вѣшали, а на селенія, къ которымъ виновные принадлежали, покладывали часто весьма тяжкіе штрафы въ пользу владѣльца; ¹⁾ равнымъ образомъ накладывали штрафы и на крестьянъ сосѣднихъ селеній, если они не подавали помощи во время, или замѣняли эти штрафы наказаніемъ тѣлеснымъ, если штрафа взять было не съ чего. За ослушаніе патримоніальной власти, за буйство и дерзость противъ дворскихъ должностныхъ лицъ, наказывали палками, заставляли работать въ кандалахъ какія-либо тяжкія работы въ замкахъ или иногда, особенно въ имѣніяхъ коронныхъ, вовсе прогоняли изъ имѣнія съ женами и дѣтьми подъ угрозою смертной казни въ случаѣ самовольнаго возвращенія. ²⁾ За колдов-

¹⁾ Akta Sieniaw. Urząd m. Oleszice. 1707, 20 Maia. Переводъ: «Тогда мы, управленіе мѣстечка Олещицъ, выслушавъ свидѣтелей и выяснивъ, что обвиненіе пало на тѣхъ людей, т. е. на Ивана Дорошака и пр., которые осмѣлились жечь огонь въ лѣсахъ, отъ чего произошли пожары и надѣлали въ лѣсахъ столько убытка, ихъ, какъ ослушниковъ панскаго заказа, признали повинными смерти и приговариваемъ къ висѣлицѣ. Имущество ихъ должно быть забрано въ пользу замка, а каждой деревнѣ, подданные которой зажгли пожаръ, предписываемъ заплатить съ громады по 200 гривень штрафа въ пользу панской казны: а впередъ, дабы подданнымъ убытку не было, чтобы по тепершнему заказу и универсалу ясновельможнаго Добродзѣя (т. е. владѣльца) никто никогда огня въ лѣсъ не носилъ». Ibid., стр. 37.

²⁾ Akta Sądów Refer. 1675. Переводъ обвиненія: «что корчмарка бросилась на двороваго человѣка, шляхтича и схватила его за чуприну. Судъ Комиссарскій присудилъ, чтобы этой корчмаркѣ дать при громадѣ 30 ударовъ веревками (postronkami), мужу же ея, за то, что тотчасъ же не удержалъ жены, дать 15 ударовъ. Ibid. 1725. Starostwo Losickie. Za poswanie się na podstarościęgo u pobicie, zadanie krwawych ran po 40 postronków u prez miesiąc w kaydanach przy grobli.. za pobicie u poswanie koltunów na gumiennych po dwa czarnaście grzywien... За легкомысленную подачу прошенія подданный долженъ работать мѣсяць въ кандалахъ и пр. и пр.

Ibid. 1637. Переводъ: Подданные староства Мельницкаго вельможнаго Мечислава Млечко. Староста обвиняетъ подданныхъ деревни Барсукъ, что побили подстаросту, бросали въ него каменьями и гнали; подданные же оправдывались говоря, что подстароста оружіемъ выгонялъ ихъ на работу. Судъ постановилъ: выбрать трехъ главныхъ виновниковъ и въ день торга бить ихъ на рынкѣ плетью, а потомъ изгнать ихъ изо всѣхъ королевскихъ имѣній

ство полагалось сожженіе; за клевету и поношеніе святыни взыскивались свѣчи и гривны въ пользу костела; за буйство въ домѣ войта зачинщики приговаривались къ смерти, а прочіе участники къ тяжкимъ работамъ въ кандалахъ.

Смертную казнь замѣняли заключеніемъ въ теченіе года и шести недѣль и періодическимъ тѣлеснымъ наказаніемъ черезъ каждые три дня или черезъ каждые три мѣсяца, смотря по винѣ.

Неосторожное приближеніе съ огнемъ къ дому владѣльца наказывалось сидѣніемъ въ колодкѣ и 50-ю ударами. Лѣность на работѣ, небрежное отбываніе повинностей наказывались либо штрафами денежными, либо гораздо чаще тѣлесными наказаніями, а иногда и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Право неограниченнаго доминіальнаго суда было самымъ обширнымъ и самымъ ужаснымъ правомъ, которое когда-либо владѣлецъ могъ имѣть надъ личностью своего крестьянина; все имущественное и политическое безправіе крестьянъ блѣднѣетъ передъ тою безпомощностью въ огражденіи своей личности отъ насилій, въ которую поставленъ былъ крестьянинъ польскимъ государствомъ, какъ будто не вѣдавшимъ объ его существованіи.

Въ отношеніи государства крестьянинъ былъ какъ-бы вещью, принадлежавшею его гражданамъ-шляхтѣ. Вещь эта принималась въ расчетъ, когда была въ томъ нужда, но шляхетское государство смотрѣло на крестьянъ такъ же, какъ оно смотрѣло и на прочее имущество своихъ членовъ, лѣса, поля, рабочій скотъ. Не даромъ же привыкъ польскій шляхтичъ называть своего хлопа быдломъ (рабочій скотъ); по тогдашнему положенію крестьянина оно было совершенно вѣрно. Имущественное, матеріальное положеніе его зависѣли совершенно отъ его владѣльца; у владѣльца расчетливаго, толковаго, онъ былъ сытѣе и обезпеченѣе, какъ сытѣе и здоровѣе лошадь или рабочій воль у хорошаго хозяина. Но хорошихъ хозяевъ было мало въ Поль-

вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, а еслибы староста нашелъ ихъ послѣ въ королевскомъ имѣніи, то они имѣютъ быть представлены къ суду нашему для исполненія надъ ними послѣдняго приговора (т. е. смертной казни). *Koło. ludn. w P.*, стр. 37 и 38.

шѣ, роскошь, развратъ и разгулъ польской шляхты въ эпоху, предшествовавшую распаденію Польскаго государства, составляютъ общеизвѣстный историческій фактъ. Во многихъ имѣніяхъ въ Польшѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ панщина приняла такіе размѣры, что крестьяне работали на владѣльцевъ шесть дней въ недѣлю и лишь одно воскресенье оставалось имъ на обработку своихъ участковъ.

XI.

Время отъ конца XVI-го до конца XVIII вѣка—періодъ полного рабства крестьянъ.—Крестьянскія жалобы.—Безуспѣшность нѣкоторыхъ попытокъ улучшенія положенія крестьянъ.—Примѣры реформъ въ нѣкоторыхъ частныхъ имѣніяхъ.—Ихъ значеніе.—Перемѣны въ уголовномъ законодательствѣ относительно крестьянъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка.

Время отъ конца XVI-го до конца XVIII-го в. прошло для польскихъ крестьянъ въ полномъ рабствѣ, не принося съ собою никакихъ перемѣнъ въ ихъ судьбѣ. Въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ крестьяне несли на себѣ всѣ тягости своей неволи, если не безропотно, то по крайней мѣрѣ безъ общаго по всей Польшѣ сопротивленія угнетавшей ихъ власти шляхты. Частные, отдѣльные случаи возмущеній крестьянъ въ разныхъ имѣніяхъ и деревняхъ, выведенныхъ изъ терпѣнія насиліями ихъ владѣтелей или арендаторовъ и старостъ, конечно бывали, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся акты референдарскаго суда, но эти случаи сопротивленія не имѣли характера всеобщности и связи. Возникали они по большей части изъ какого-нибудь слишкомъ притѣснительнаго поступка владѣльца и кончались наказаніемъ крестьянъ тѣмъ же самымъ владѣльцемъ или если силы его не хватало, то съ помощью власти судебной или административной, находившейся въ рукахъ той же мѣстной шляхты. Въ Польшѣ съ XI-го вѣка не было такихъ общихъ кровавыхъ народныхъ возстаній, какъ тѣ, которыя поднималъ народъ Украины противъ своихъ польскихъ помѣщи-

ковъ. Казаки Украинскіе были люди другаго закала, чѣмъ хлопы Польскіе, и «Ляцкая неволя» не могла такъ легко уживаться между ними, какъ между крестьянами Польши, среди которыхъ она вырастала и укрѣплялась въ теченіе многихъ вѣковъ; притомъ и религія дѣлала въ этомъ случаѣ разницу между украинскими и польскими крестьянами еще глубже. Православный казакъ возставалъ противъ католика-пана, считая его истребленіе чуть-чуть не богоугоднымъ дѣломъ, а въ Польшѣ шляхта духовная умѣла помогать шляхтѣ свѣтской держать крестьянъ въ духовномъ отношеніи въ такомъ же рабствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ. Крестьяне польскіе жаловались и по-временамъ даже очень многорѣчиво и риторически, но жалобы эти были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Любомірскаго приводитъ подробныя выдержки изъ одной изъ такихъ жалобъ, найденной имъ въ Парижѣ въ бумагахъ Чарторыскаго, которыя могутъ служить образчикомъ этихъ жалобъ, извѣстныхъ въ тѣ времена подъ названіемъ *libelli suplices*. Эти жалобы подавались по разнымъ случаямъ и поводамъ пріѣзжавшимъ люстраторамъ воеводамъ, можетъ быть и самимъ королямъ. Жалоба, приводимая Любомірскимъ, составлена была въ мѣстечкѣ Тарчинѣ; кому она была подана, неизвѣстно, но изъ самаго текста ея видно, что она предназначена была для распространенія между крестьянами, ибо въ ней сказано, что она составляется на польскомъ и греческомъ (русинскомъ) языкахъ и въ ней содержатся угрозы тѣмъ, которые къ ней не пристанутъ. Въ жалобѣ этой дѣлается историческій обзоръ права крестьянъ на политическія права, на личную свободу, на поземельную собственность, разбирается происхожденіе шляхты, описывается бѣдственное положеніе крестьянъ, приводится въ примѣръ общественное устройство другихъ странъ. Наконецъ, обращаясь ко всему народу Польскому, просители заявляютъ свои требованія, которыя заключаются въ томъ, чтобы за ними признано было право пользованія лѣсными угодьями, право собственности на ихъ земли, чтобы были ограничены ихъ повинности, чтобы была признана ихъ личная свобода, чтобы имъ дано было право имѣть своихъ представителей на сеймахъ и собраніяхъ, за что они обязуются выставять по одному воину

съ лана. Какой былъ результатъ этой просьбы, неизвѣстно, но не видно, чтобы она произвела какое-нибудь дѣйствіе или чтобы къ ней присоединилось много крестьянъ и просители какимъ-нибудь дѣйствіемъ поддержали бы заявленныя въ ней требованія. Всего вѣроятнѣе то, что она была произведеніемъ какого-нибудь народолюбца грамотѣя, написавшаго ее во время какого-нибудь сборища народнаго въ Тарчинѣ по случаю ярмарки, торга или чего-либо подобнаго.

Можетъ быть и она имѣла такія же послѣдствія, если она была подана кому-нибудь, какъ жалоба крестьянъ селенія Страхомина въ староствѣ Латовицкомъ, которые жаловались на арендатора, отобравшаго у нихъ скоть и луга и неправильно заставлявшаго ихъ платить чиншъ. Крестьяне ссылались на старинныя привилегіи свои, солтысовъ лановыхъ, и едва вышли живыми, по ихъ выраженію, когда явились съ своею жалобою. «Я панъ, я староста, я воевода, я гетманъ, я король», кричалъ расходившійся шляхтичъ, «у короля теперь руки связаны, куда пойдете вы на меня жаловаться?» ¹⁾ Этимъ и кончались всѣ жалобы крестьянъ, и иначе оно не могло и быть, ибо въ шляхетской республикѣ на шляхту жаловаться было бесполезно.

Тѣ два или три голоса, которые раздавались на сеймахъ XVIII ст. въ пользу крестьянъ, ничего не производили кромѣ бури негодованія противъ тѣхъ, которые осмѣливались ихъ поднимать. Граждане Рѣчи Посполитой—шляхта смотрѣли на эти попытки облегчить участь крестьянъ, какъ на самое невыносимое нарушеніе ихъ вольности и свободы; служить за деньги, или изъ страха, интересамъ другихъ державъ, враждебныхъ ихъ отечеству, въ глазахъ многихъ шляхтичей было простительно, но сдѣлать что-либо въ пользу лишеннаго человѣческихъ правъ народа польскаго было въ глазахъ гражданина Рѣчи Посполитой измѣною невозможною, небывалою.

Когда коронный канцлеръ Андрей Замойскій, послѣ неудачи, постигшей на сеймахъ 1778 и 1780 гг. его законо-проектъ, въ

¹⁾ Arch. Sieniaw. v. 1721. Roln. lud. w Polsce, стр. 44.

который включены были незначительныя уступки въ пользу крестьянъ, удалился въ свои имѣнія, шляхта смотрѣла на него какъ на измѣнника и врага отечества и хотѣла его убить. Польскому крестьянину нечего было ожидать отъ Польскаго государства.

Защитники Рѣчи-Посполитой говорятъ, что въ ней, какъ въ обществѣ основанномъ на началахъ свободы, и нельзя было ожидать для крестьянъ какого-либо улучшенія по распоряженію правительства, а такое улучшеніе должно было произойти по иниціативѣ частной, и приводятъ нѣсколько примѣровъ устройства крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ, которые по мнѣнію ихъ служатъ доказательствомъ тому, что Рѣчь-Посполитая вывела бы народъ польскій изъ рабства, въ которомъ онъ находился, еслибы ея существованіе не было насильственно прервано. ¹⁾ Оставляя въ сторонѣ реформы, предпринятыя нѣкоторыми польскими владѣльцами въ Украинѣ и Литвѣ, такъ какъ эти очерки не касаются судьбы русскаго народа въ покоренныхъ Польшею областяхъ, остановимся на тѣхъ примѣрахъ реформъ въ нѣсколькихъ частныхъ имѣніяхъ, на которые указываютъ въ предѣлахъ самой Польши.

Въ 1761 году княгиня Яблоновская издала уставъ, которымъ опредѣлялось положеніе крестьянъ въ имѣніи ея Семятичахъ, находившемся въ воеводствѣ Подлясскомъ, вблизи рѣки Муховца. По уставу этому крестьяне не получили никакого увеличенія правъ личныхъ, ибо онъ признаетъ ихъ крѣпостными, по общему положенію того времени возбраняетъ имъ распоряженіе своимъ семействомъ, выдачу замужъ крестьянскихъ дѣвушекъ въ чужія имѣнія, отдачу сыновей въ заработки за предѣлы имѣнія и пр.

Единственнымъ облегченіемъ было развѣ то, что уставъ разрѣшаетъ крестьянину выкупиться за опредѣленную сумму, чего впрочемъ и другіе владѣльцы не запрещали, когда находили это для себя выгоднымъ.

Что касается земли, то каждому крестьянину выдавалось условіе на пользованіе ею на 50 лѣтній срокъ, по истеченіи

¹⁾ Любомірскій. *Rolln. lud. w Polsce*, стр. 56.

котораго онъ могъ возобновить его, уплативъ лаудемію въ 100 золотыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ лишаетъ его права пользованія пастбищами на владѣльческихъ земляхъ.

Повинности установлены въ слѣдующемъ размѣрѣ: за 12 морговой участокъ ¹⁾ крестьянинъ отбываетъ по два дня въ недѣлю конной или по четыре дня пѣшей панщизны; сверхъ того по 4 дня въ годъ на толоки, по 24 дня шарварковыхъ, по 12 дней стражи и женскихъ, для фольварочныхъ послугъ и по 34 дня для сплава лѣса по принудительному найму; затѣмъ обязанъ вывозить двѣ сажени дровъ, выдѣлать два корца крупъ и известное количество льна, заплатить 5 золотыхъ чинша, отдать полтора корца овса и двѣнадцать локтей пряжи. Слѣдовательно за участокъ земли въ 6 десятинъ съ частицею огорода и луга крестьянинъ отбывалъ 282 рабочихъ дня и сверхъ того еще платилъ чиншъ, возилъ дрова, исполнялъ даровыя работы и отдавалъ дани хлѣбомъ и пряжею; едвали физически возможно требовать больше, если принять въ соображеніе, что съ этихъ же шести десятинъ надо было ему прокормиться съ семьей, и что имѣніе Сѣмятичи находилось въ болотистомъ и песчаномъ Подлясьи, гдѣ земля принадлежитъ къ числу наименѣе хлѣбородныхъ въ Польшѣ. Къ этому надо прибавить еще и то, что уставъ ввелъ на работахъ урочное положеніе, которое было таково, что заставило одного польскаго писателя сказать о княгинѣ Яблоновской, что она забыла о человѣколюбіи относительно крестьянъ, ибо, отягчивъ ихъ работами и даремщинами, требовала вещей невозможныхъ, напр. чтобы одинъ человѣкъ переносилъ въ день, изъ гумна въ амбаръ, 60 корцевъ хлѣба. Это дѣйствительно и не всякой лошади подъ-силу.

Устройство администраціи, полиціи и суда по уставу кн. Яблоновской, крестьянамъ ни малѣйшаго облегченія, или обезпеченія, не принесло. Уставъ учредилъ цѣлую массу разныхъ должностныхъ лицъ и инстанцій, а во главѣ ихъ для всего имѣнія—губернатора. Высшія изъ этихъ должностныхъ лицъ назначались владѣльцемъ, а прочіе избирались крестьянами изъ

¹⁾ Около 6 десятинъ.

ихъ среды и утверждались доминіальною властью. Управление это стоило кн. Яблоновской очень дешево, ибо эти должностные лица за исполненіе своихъ обязанностей ничего не получали, а избавлялись только отъ нѣкоторыхъ повинностей. Правила устава, о наказаніяхъ за разныя проступки, переполнены десятками и сотнями ударовъ палокъ и плетей, сидѣніемъ въ колодкахъ, тяжкими работами и денежными штрафами. ¹⁾ Въ число полицейскихъ правилъ включены были такія, которыя по мелочности и придирчивости своей, если они исполнялись, должны были быть для крестьянъ невыносимы. Напр. крестьянъ поутру будили во всѣхъ деревняхъ десятники по звонку, крестьянскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ запрещали носить нѣкоторыя матеріи и ихъ заставляли одѣваться по образцу, выставленному въ ратушѣ, и т. п.

Андрей Замойскій, бывшій впоследствии канцлеромъ короннымъ, въ 1760 и 1765 годахъ, издалъ для имѣнія своего Бѣжуна, въ Млавскомъ уѣздѣ, универсалы, которыми введены были нѣкоторыя преобразованія въ положеніи его крестьянъ. Преобразованія эти не касались личныхъ правъ крестьянъ, но могли бы значительно улучшить ихъ матеріальное положеніе, ибо замѣнили панщизну на чинши и половничество, приэтомъ часть скота была раздана отъ владѣльца крестьянамъ и приплодъ съ него дѣлился пополамъ. Въ 1765 году половничество было уничтожено и замѣнено чиншами въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ влуки земли платилось чинша 93 злотыхъ, пять четвертей овса, полфурсы соломы, два съ половиною корца сѣчки, 15 яицъ, и сверхъ того крестьянинъ отбывалъ 6 дней въ годъ панщизны и вывозилъ 5 фуръ лѣснаго матеріала.

Хотя размѣръ этихъ повинностей и былъ высокъ, но тѣмъ неменѣе крестьяне, избавившись отъ панщизны и получивъ свободу въ своихъ хозяйственныхъ работахъ, много выигрывали съ этимъ устройствомъ, но къ сожалѣнію оно существовало не долго, ибо въ 1773 году Замойскій отдалъ это имѣніе въ аренду

¹⁾ Любомірскій, принимающій устройство кн. Яблоновской за образецъ начинавшихся по мнѣнію его реформъ, говоритъ, что «Kary są nader surowe».

шляхтичу Козловскому и по арендному условію панцизна была возобновлена, розданный крестьянамъ скоть отобранъ, и все пошло прежнимъ порядкомъ.

Гораздо основательнѣе и прочнѣе была реформа, произведенная городомъ Познанемъ въ двухъ принадлежавшихъ ему на правѣ собственности деревняхъ, Зегржъ и Ратай. Ординаціею, изданною въ 1733 году, городское управленіе признало крестьянъ этихъ двухъ селеній лично свободными; земля осталась собственностью города, а крестьяне, ее занимавшіе, признавались арендаторами ея на извѣстныхъ условіяхъ, по исполненіи которыхъ они отъ всякихъ обязанностей къ городу освобождались. Сверхъ сего ординація ввела много полезныхъ правилъ, установившихъ порядокъ крестьянскаго суда, порядокъ наслѣдства, опредѣленные наказанія за разные проступки и преступленія, порядокъ содержанія въ исправности дорогъ и мостовъ, мѣры къ предупрежденію пожаровъ и падежей, даже нѣкоторый кредитъ для крестьянскихъ хозяйствъ. Магистратъ Познанскій далеко опередилъ понятія современнаго ему польскаго общества.

Можно еще указать на одного реформатора, дѣйствовавшаго впрочемъ по совершенно инымъ побудительнымъ причинамъ; это былъ членъ Познанскаго капитула Вавжинець Свинярскій. Хозяйничавъ долго въ принадлежавшемъ ему небольшомъ имѣніи Качановѣ, въ воеводствѣ Калишскомъ, истративъ на это много денегъ и не получая никакого дохода, онъ въ 1742 году отдалъ всю землю свою крестьянамъ и, обязавъ ихъ платить ему въ годъ 2 т. злотыхъ, отказался отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ ихъ дѣла. Обязанность солтыса онъ сдѣлалъ наслѣдственною въ одномъ изъ крестьянскихъ семействъ, передавъ ему всѣ полицейскія и судебныя обязанности, и затѣмъ самъ обязался являться въ свое имѣніе не чаще одного раза въ годъ, и то только на три дня, для разбора и сужденія важнѣйшихъ дѣлъ, выговоривъ себѣ за это плату на подъемъ и путевыя издержки.

Кромѣ этихъ примѣровъ реформъ въ крестьянскомъ быту, предпринятыхъ нѣсколькими частными лицами, можно еще указать въ то время въ Польшѣ на нѣсколько частныхъ имѣній, крестьяне которыхъ пользовались благосостояніемъ; таковы были

имѣнія Михаила Понятовскаго и воеводы русскаго Адама Чарторыскаго; въ нихъ никакихъ особенныхъ преобразованій предпринимемо не было, но вслѣдствіе умѣренности владѣльцевъ и лучшаго управленія крестьяне находились въ нихъ въ лучшемъ противъ другихъ состояніи; но все эти исключенія не могутъ служить доказательствомъ того, чтобы Рѣчь Посполитая начала приходить къ сознанию необходимости улучшенія быта своего народа. Эти примѣры частныхъ улучшеній, предпринятыхъ отчасти подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка, не находили себѣ подражателей въ массѣ шляхетства, да и въ самыхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ вводились, не пускали, такъ сказать, никакихъ корней. Владѣльцы этихъ имѣній мѣнялись и произволъ новыхъ уничтожалъ ихъ также, какъ они созданы были произволомъ прежнихъ. Реформы эти могутъ съ другой стороны служить доказательствомъ того, до какой степени неограниченна была воля частныхъ владѣльцевъ въ ихъ имѣніяхъ; каждый шляхтичъ могъ составлять и издавать для своихъ крестьянъ какіе было ему угодно законы, и никакой контроль не ограничивалъ его произвола.

Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка государственная власть въ Польшѣ потеряла всякую самостоятельность; она уже находилась подъ опекою сосѣднихъ державъ, а главнѣйшимъ образомъ Россіи. Шляхта и слышать не хотѣла о какихъ бы то ни было переменѣхъ въ положеніи крестьянъ, и тѣ немногія мѣры, которыя приняты были въ концѣ XVIII вѣка для его улучшенія, были навязаны сеймамъ Россіею и приняты съ сопротивленіемъ, уступившимъ только волѣ и вліянію русскаго правительства. Такъ на сеймѣ 1768 года по настояніямъ тогдашняго русскаго посла, Рѣпина, принятъ былъ законъ, по которому производство дѣлъ уголовныхъ надъ крестьянами изъято было изъ-подъ власти шляхты и передано въ вѣдѣніе общихъ судовъ. Право жизни и смерти надъ крестьянами перестало, по закону, принадлежать шляхтѣ и за убійство крестьянина шляхтичъ долженъ былъ отвѣчать передъ судомъ. Конституція сейма 1784 года обязываетъ суды, въ случаѣ убійства хлопа шляхтичемъ, начинать дѣло своею властью и налагать взысканія на основаніи общихъ законовъ. Первымъ шагомъ на пути своемъ

къ освобожденію, обезпеченіемъ своей жизни, за которую прежде господинъ его оплачивался гривнами, польскій крестьянинъ обязанъ русскому правительству также, какъ онъ обязанъ всѣми послѣдующими улучшеніями въ своемъ быту, правительствамъ тѣхъ государствъ, между которыми раздѣлились земли Рѣчи Посполитой.

Въ послѣдніе годы самостоятельнаго существованія Польши въ пользу крестьянъ не было сдѣлано ничего; сеймы этого времени, принимавшіеся за разные проекты и преобразованія, не хотѣли и не могли касаться этого существеннаго вопроса. Равнымъ образомъ и вожди послѣдней борьбы Польши за существованіе не могли ничего сдѣлать, чтобы вывести крестьянъ изъ того положенія отчужденности въ Польскомъ государствѣ, которое дѣлало ихъ совершенно равнодушными къ его судьбѣ. Костюшко попробовалъ-было обратиться къ народу польскому съ обѣщаніемъ улучшеній въ его судьбѣ, но эта попытка произвела такое неудовольствіе въ средѣ ближайшихъ его пособниковъ и всей шляхты польской, что онъ принужденъ былъ совершенно отъ нея отказаться. ¹⁾

¹⁾ Lelevel, Hist. de Pol., т. II, стр. 185, 186. Kosciuszko parla au peuple dans l'espoir de lui faire prendre en masse les armes, cet appel, et quelques réglemens en faveur de la classe agricole, offensèrent les propriétaires fonciers. Ils y aperçurent une atteinte à leurs droits, un préjudice causé à leurs propriétés, parcequ' on les privait des bras nécessaires à la culture de leurs terres.

XII.

Статутъ Наполеона и введеніе въ Польшѣ Наполеоновскаго гражданскаго кодекса.—Дѣйствіе его на положеніе крестьянъ.—Мѣры, принятыя правительствомъ Герцогства Варшавскаго къ ограниченію патримоніальной власти.—Отмѣна этихъ мѣръ въ 1816 и 1818 годахъ.—Постановленіе сейма 1825 года.—Лишеніе крестьянъ земель и образованіе многочисленнаго класса крестьянъ безземельныхъ.—Положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ казенныхъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1807 года обнародованъ былъ въ Польшѣ статутъ Императора Наполеона, объявившій уничтоженіе рабства въ Польшѣ, и вскорѣ послѣ того введенъ былъ въ Польшѣ въ дѣйствіе гражданскій кодексъ Наполеона, провозгласившій равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Этимъ уничтожено было въ Польшѣ крѣпостное право. Казалось бы, что однимъ словомъ, однимъ взмахомъ пера облагодѣтельствованъ былъ народъ польскій; въ дѣйствительности же нельзя было сдѣлать польскому народу большей несправедливости, какъ та, которая была ему сдѣлана этимъ торжественнымъ провозглашеніемъ упраздненія рабства и равенства всѣхъ предъ закономъ.

Чтобы вполнѣ объяснить себѣ дѣйствіе, которое имѣло на отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ введеніе Наполеонова кодекса, необходимо не упускать изъ виду, какъ произошла и въ чемъ состояла неволя польскихъ крестьянъ. Съ установленіемъ крѣпостнаго права, шляхта польская присвоила себѣ не только право надъ личностью крестьянина, но вмѣстѣ съ тѣмъ

и его имущество, его права на тѣ земли, которыя съ тѣхъ поръ какъ существовала Польша находились въ его пользова- нии. Крестьянскія земли въ понятіи всего народа польскаго, не исключая даже и самой шляхты, были всегда крестьянскою землею; такъ смотрѣло на нихъ и законодательство польское, ибо никогда не было никакого закона, отмѣнившаго положенія, содержащіяся объ этомъ въ Вислицкомъ и другихъ статутахъ. Справедливость была бы восстановлена только тогда, когда вмѣстѣ съ утраченною крестьянами свободою имъ было бы возвращено или, лучше сказать, оставлено и исконное право ихъ на землю. Объ этомъ правѣ не могло быть рѣчи, и оно не могло быть ограждаемо специальными узаконеніями въ то время, когда крестьянинъ находился въ такомъ рабствѣ, что самая жизнь его зависѣла отъ произвола его владѣльца; но право это все-таки оставалось за нимъ и, пріобрѣтая свободу, онъ не долженъ былъ его лишиться. Между тѣмъ узаконенія 1807 года, освобождая крестьянъ отъ личной неволи, вовсе не коснулись ихъ правъ на землю и тѣмъ самымъ дали шляхтѣ возможность почитать ихъ какъ-бы уничтоженными, ибо подъ узаконенія Наполеонова кодекса права крестьянъ на землю конечно не подходили; ни основанія, на которыя права эти опирались, ни формы, въ которыя они облекались, ни обычаи, которые ихъ поддерживали, не имѣли въ глазахъ этого кодекса никакой силы.

Кодексъ Наполеона въ отношеніи массы польскаго народа — крестьянъ остался мертвою буквою, такъ какъ онъ былъ не приложимъ къ ихъ семейному и гражданскому быту, и благодѣяніе завоевателя пустило польскихъ крестьянъ по міру, ибо вмѣстѣ съ землею и строенія, и инвентарь крестьянъ перешли въ полную собственность владѣльцевъ. Шляхта не преминула воспользоваться такимъ положеніемъ дѣла и, потерявъ право на личность крестьянина, она тѣмъ крѣпче ухватилась за право на его имущества, оставленные въ ея рукахъ умолчаніемъ о нихъ новаго законодательства. Шляхта такъ быстро поняла возможность удержать этимъ путемъ крестьянъ въ своей зависимости и такъ единодушно воспользовалась этою возможностью, что въ томъ же 1807 году герцогъ Варшавскій, король Саксонскій, принужденъ былъ принять мѣры для успокое-

нія повсемѣстныхъ волненій, возникшихъ въ Польшѣ вслѣдствіе усиленнаго изгнанія владѣльцами крестьянъ изъ ихъ земель и жилищъ. 21 декабря 1807 года изданъ былъ декретъ, которымъ предписывалось владѣльцамъ давать крестьянамъ годовой срокъ, до легальнаго изгнанія ихъ изъ ихъ участковъ. Этотъ декретъ, принеся крестьянамъ незначительное облегченіе, вмѣстѣ съ тѣмъ осяятилъ авторитетомъ правительства толкованіе, приданное шляхтою силѣ законодательства 1807 года. Притомъ патримоніальная власть сохранила свое значеніе. Она утратила право безконтрольнаго распоряженія личною крестьянина, но тѣмъ неменѣе права административныя, полицейскія, отчасти судебныя, въ предѣлахъ гмины, остались въ ея рукахъ.

Войтомъ гмины, т. е. единственнымъ органомъ власти, имѣвшимъ непосредственное прикосновеніе къ крестьянамъ, оставался попрежнему владѣлецъ, или лицо имъ назначенное; попрежнему право административныхъ и полицейскихъ наказаній, а въ томъ числѣ и тѣлесныхъ, осталось за владѣльцемъ; попрежнему, будучи судьей въ собственныхъ дѣлахъ своихъ съ крестьянами, онъ могъ наказывать кого хотѣлъ, если не какъ владѣлецъ—то какъ войтъ, что въ глазахъ крестьянина было совершенно все равно. Злоупотребленія патримоніальной власти вызывали много жалобъ и побудили снова короля Саксонскаго вмѣшаться въ это дѣло. Декретами 1809 и 1810 годовъ владѣльцы лишены были наслѣдственнаго права на званіе гминныхъ войтовъ въ своихъ имѣніяхъ и войты должны были назначаться правительствомъ, но опять-таки это ограниченіе патримоніальной власти было болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, ибо за крайне рѣдкими исключеніями, въ шляхетскихъ имѣніяхъ войтами гминъ всегда назначались ихъ владѣльцы, либо ихъ арендаторы, экононы или уполномоченные. Оно и не могло быть иначе, ибо вся администрація страны была въ рукахъ шляхты и король Саксонскій не могъ ни дѣйствовать, ни знать, что дѣлалось въ Польшѣ иначе какъ черезъ ея посредство. Лишь только конституція, дарованная Польшѣ Императоромъ Александромъ I, снова передала государственную власть въ руки шляхты, одною изъ первыхъ мѣръ новаго правительства было распоряженіе

3 февраля 1816 года, которымъ разрѣшалось обращать въ отдѣльную гмину каждое шляхетское имѣніе, заключавшее въ себѣ не менѣе 10 крестьянскихъ усадьбъ. Такое дробленіе страны, на огромное множество мельчайшихъ административныхъ единицъ, не было вызвано ни нуждою крестьянъ, ни потребностями администраціи, занятія которой лишь усложнялись имъ, а было сдѣлано лишь въ угоду владѣльцамъ, желавшимъ быть, каждый самъ по себѣ, независимымъ административнымъ и полицейскимъ начальствомъ въ своемъ имѣніи. Вскорѣ послѣ того законъ 31 мая 1818 года совершенно отмѣнилъ распоряженія короля Саксонскаго и должность гминнаго войта снова сдѣлалась неотъемлемою принадлежностью права собственности на имѣніе, и переходила вмѣстѣ съ этимъ правомъ отъ одного владѣльца къ другому, по наслѣдству, продажѣ и пр.

По силѣ этого закона, опредѣлившаго обязанности гминнаго войта, сей послѣдній производитъ въ предѣлахъ гмины раскладку податей, собираетъ ихъ, принимаетъ понудительныя мѣры къ взысканію ихъ съ неисправныхъ плательщиковъ, обнародываетъ законы и распоряженія правительства; гминный же войтъ есть полицейская власть въ предѣлахъ гмины, онъ выдаетъ паспорта, арестуетъ подозрительныхъ людей, производитъ дознанія по преступленіямъ и проступкамъ, побуждаетъ крестьянъ на работахъ и пр. Починка дорогъ посредствомъ натуральной повинности (шарварка) также составляетъ обязанность войта, и наконецъ, онъ же облеченъ правомъ составленія списковъ и актовъ, по которымъ отбывается рекрутская повинность.

По закону 1818 года войтъ имѣетъ право приговаривать крестьянъ къ заключенію до 7 дней, къ штрафу до 10 рублей и къ тѣлесному наказанію до 20 ударовъ, и его приговоры безапелляціонны.

Обязанность войта владѣлецъ имѣлъ право передать какому-нибудь довѣренному имъ лицу (*zastępcą*) и таковыми по большей части являлись экономы и разная другая прислуга владѣльцевъ, изъ мелкой шляхты, которая весьма часто, пользуясь своимъ положеніемъ для своего обогащенія, тянула съ крестьянъ, что могла. При такихъ правахъ владѣльца-войта, при вліяніи въ Польшѣ землевладѣльческой шляхты, дѣлавшемъ всякій ад-

министративный контроль надъ этими правами невозможнымъ, какое значеніе могло имѣть для польскаго крестьянина торжественное провозглашеніе Наполеонова кодекса о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ.

Сорокалѣтній періодъ, протекшій отъ обнародованія Наполеонскаго статута до изданія Высочайшаго Указа 1846 года, прошелъ безъ всякихъ измѣненій въ правахъ крестьянъ владѣльческихъ имѣній въ Польшѣ, но матеріальное положеніе ихъ въ это время подверглось важному измѣненію въ томъ отношеніи, что они лишились значительной части земель, которыя обрабатывали прежде. Въ то время развился и размножился въ Польшѣ тотъ классъ безземельныхъ крестьянъ, настоящихъ сельскихъ пролетаріевъ, для устройства быта которыхъ пришлось преодолѣть столько трудностей при введеніи реформы 1864 года. Правительство, дѣйствовавшее въ Польшѣ, какъ до революціи 1830 года, такъ и послѣ до тѣхъ поръ пока положеніе крестьянъ не обратило на себя вниманіе Императора Николая I, не вмѣшивалось въ отношенія землевладѣльческой шляхты къ крестьянамъ, на ея земляхъ поселеннымъ. Разбирать споры, касавшіеся крестьянскихъ правъ, администрація не признавала себя компетентною и отсылала ихъ къ власти судебной, передъ которою большинство крестьянъ, не пользовавшихся землею на основаніи контрактовъ и другихъ въ законной формѣ составленныхъ актовъ, являлось совершенно безправнымъ; ибо обычаи, на которые опирались ихъ права, хотя и исконные, не имѣли никакой силы передъ гражданскимъ кодексомъ, дѣйствовавшимъ въ Польшѣ. Землевладѣльская шляхта вполнѣ поняла полнѣйшую зависимость, въ которую поставлены были ея крестьяне положеніемъ, созданнымъ для нихъ законодательствомъ, какъ будто игнорировавшимъ ихъ существованіе, и молча пользовалась этимъ положеніемъ, по своему усмотрѣнію. Сеймы, собиравшіеся въ Польшѣ во время дѣйствія конституціи, данной Императоромъ Александромъ I, не касались крестьянскаго вопроса, и въ самомъ дѣлѣ шляхта, ихъ составлявшая, и не могла находить никакой нужды и никакой выгоды его касаться. Она конечно не могла бы требовать возстановленія крѣпостнаго права, а затѣмъ и патримоніальная

власть и полное распоряженіе землею были въ ея рукахъ, такъ что желать болѣе ничего не оставалось. Однако въ Наполеоновомъ кодексѣ была статья, подававшая землевладѣльцамъ поводъ къ безпокойству; это была 530 ст. кодекса, установившая право всякаго безсрочнаго арендатора приобрѣсти въ собственность арендуемое имущество посредствомъ выкупа. Въ силу этой статьи крестьяне могли бы потребовать выкупа своихъ земель и хотя огромное большинство ихъ находилось въ такомъ положеніи, что объ выкупѣ они не могли и думать, но тѣмъ неменѣе сеймъ 1825 года предусмотрительно постановилъ вычеркнуть эту статью изъ кодекса.

Поводовъ къ обезземеленію крестьянъ было два: вопервыхъ увеличеніе числа фольварковъ и распространеніе тѣхъ, которые уже существовали, и вовторыхъ поселеніе на крестьянскихъ земляхъ нѣмецкихъ колоній. Польша по присоединеніи ея къ Россіи послѣ Вѣнскаго конгресса, какъ извѣстно, скоро оправилась и достигла такой степени благосостоянія матеріальнаго, какимъ она прежде не пользовалась; на мѣстѣ прежнихъ непроѣздныхъ дорогъ явились повсюду прекрасныя шоссеиныя сообщенія, завелись многія фабрики и заводы, устроился легкій и прочный поземельный кредитъ. Въ 1820 году на данный русскимъ правительствомъ капиталъ устроилось Земское Кредитное Общество. Земледѣліе стало быстро развиваться, а съ его развитіемъ становились все выгоднѣе и выгоднѣе фольварочныя хозяйства, въ особенности при возможности располагать обязательнымъ трудомъ крестьянъ. Фольварки разрастались и множились, и въ это время уже всегда, насчетъ земель крестьянскихъ; съ крестьянами поступали различно; по большей части изъ земледѣльцевъ-хозяевъ ихъ обращали въ малоземельныхъ рабочихъ, подъ различными наименованіями коморниковъ, халупниковъ, загородниковъ и пр. Такимъ обезземеленнымъ крестьянамъ оставялась хата, часто даже только часть хаты, съ клочкомъ огорода, съ правомъ засѣвать какую-нибудь полоску въ помѣщичьемъ полѣ, содержать на его дворѣ корову или свинью, или просто получать извѣстное количество продуктовъ для своего пропитанія, подъ названіемъ ординарія, и съ обязанностью за это работать постоянно на владѣльца; иногда, отбирая у

крестьянъ земли, владѣльцы находили выгоднымъ обмѣнивать эти земли и, обращая подъ фольваркъ земли, изстари крестьянами обработанныя, отдавать имъ на срочныхъ условіяхъ земли пустопорожнія, разработка которыхъ самимъ владѣльцамъ была не выгодна. Случалось, крестьяне и просто сгонялись съ земли и обращались въ батраковъ, коимъ предоставлялось искать себѣ работы и пропитанія, гдѣ кто могъ. Въ капиталахъ нужныхъ для такихъ оборотовъ недостатка не было. Шляхетскія имѣнія, на правѣ шляхетскомъ, т. е. на правѣ полной собственности, могъ пріобрѣтать въ Польшѣ всякій, и земледѣльческая промышленность привлекала множество лицъ не только изъ поляковъ, но и нѣмцевъ. Большое количество имѣній въ Польшѣ перешло въ руки нѣмцевъ, являвшихся преимущественно изъ Пруссіи иногда съ капиталомъ, а весьма часто сначала въ скромной роли эконома, потомъ арендатора все бѣльшихъ и бѣльшихъ размѣровъ и наконецъ дѣлавшихся владѣльцами, часто весьма значительныхъ, имѣній. Много бѣльшихъ состояній составлено было такимъ образомъ, какъ самими поляками, такъ и нѣмцами. Это породило и то удобство, съ которымъ можно было въ Польшѣ сдавать въ аренду всякое имѣніе, а это удобство въ свою очередь побуждало отбирать у крестьянъ земли, которыя въ ихъ рукахъ, по недостатку средствъ, но невозможности вводить улучшенные способы хозяйства, никогда не могли давать такого дохода, какъ въ рукахъ арендатора, работавшаго обязательнымъ трудомъ, если самъ владѣлецъ этимъ заниматься не могъ или не хотѣлъ. Сдача земель нѣмецкимъ колонистамъ также во многихъ мѣстностяхъ Польши представлялась весьма выгодною. Колонисты предлагали за земли высшіе чинши, чѣмъ платили за нихъ крестьяне, а что еще болѣе давало имъ преимущество въ глазахъ владѣльцевъ было то, что они вносили болѣе или менѣе значительный вкупъ, т. е. часть капитала, представляемаго землею, что для владѣльцевъ было весьма удобно, и какъ обезпеченіе исполненія условій аренды, и какъ средство реализовать часть своего капитала. Колонисты также подчинялись патримоніальной власти, часто также принимали на себя нѣкоторыя обязательныя работы и повинности, подчинялись праву пропинаціи; значить за-

мѣна ими крестьянъ была для владѣльцевъ весьма выгодна, тѣмъ болѣе, что они не приносили съ собою никакихъ претензій на разныя права и земли, которыя почти вездѣ, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, имѣли мѣстные крестьяне. Въ западной части Польши нѣмецкихъ колоній образовалось множество и чѣмъ болѣе развивалось земледѣліе и земледѣльческое населеніе въ Пруссіи, тѣмъ охотнѣе переходили его избытки въ Польшу, гдѣ открывалось для ихъ дѣятельности удобное поле. Все это земледѣльческое развитіе происходило на счетъ владѣльческихъ крестьянъ въ Польшѣ; ихъ трудами воздѣлывалась и дорожала земля, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ лучше и дороже она становилась, тѣмъ болѣе и болѣе уходила она изъ ихъ рукъ.

Что касается крестьянъ казенныхъ имѣній, то въ это время положеніе ихъ стало рѣзко отличаться отъ положенія крестьянъ имѣній владѣльческихъ; можно сказать, что права крестьянъ казенныхъ имѣній на земли, состоявшія въ ихъ пользованіи, остались ненарушенными. Если въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ и были произведены обмѣны нѣкоторыхъ частей крестьянской земли, вслѣдствіе предпринятыхъ въ этихъ имѣніяхъ экономическихъ устройствъ, то такіе обмѣны производились на основаніяхъ, въ большей части случаевъ, для крестьянъ не обидныхъ, и имѣли цѣлью не обезземеленіе крестьянъ, а лишь уничтоженіе чрезполосности и другія экономическія улучшенія. Частные случаи злоупотребленій, какіе бывали дѣлаемы экономическими чиновниками въ этомъ отношеніи, не уничтожаютъ силы общаго правила. Вообще казна смотрѣла на своихъ крестьянъ какъ на безсрочныхъ арендаторовъ и признавала за ними не только наслѣдственное право пользованія землей, но и соединенныя съ нимъ права на различныя сервитуты, гдѣ таковыя изстари крестьянамъ принадлежали.

Многіе крестьяне въ казенныхъ имѣніяхъ пользовались землею на основаніи старинныхъ привилегій королей Польскихъ, контрактовъ и другихъ письменныхъ документовъ; но даже и тамъ, гдѣ крестьяне на право пользованія землею никакихъ письменныхъ актовъ не имѣли, казна признавала ихъ права на одинаковыхъ основаніяхъ со всѣми, до тѣхъ поръ, пока они исполняли обязатель-

ства, съ этимъ пользованіемъ сопряженныя; этотъ взглядъ ясно выраженъ въ распоряженіи Коммиссіи Финансовъ отъ 28 авг. 1822 года, которымъ разрѣшалось лишь удалять съ усадьбъ неисправныхъ крестьянъ этого рода, безъ соблюденія тѣхъ формальностей, которыя были установлены вообще при удаленіи крестьянъ, которые не исполняли своихъ обязанностей въ отношеніи казны.

Положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, въ связи съ устройствомъ и управленіемъ этихъ имѣній, было предметомъ длиннаго ряда различныхъ распоряженій финансоваго вѣдомства, ими завѣдывавшаго; распоряженія эти вошли впослѣдствіи въ разные сборники, служившіе руководствомъ для лицъ, служившихъ по вѣдомству казенныхъ имѣній. Изъ всѣхъ этихъ распоряженій видно, что казна признавала за крестьянами своихъ имѣній, а равно и тѣхъ изъ нихъ, которыя послѣ 1830 года розданы были частнымъ лицамъ на правахъ маіоратовъ, право вѣчнаго пользованія ихъ усадьбами (*dominium utile*) подъ условіемъ исполненія въ пользу казны или тѣхъ лицъ, коимъ казна передавала свои права, опредѣленныхъ повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ; затѣмъ крестьяне могли быть лишены своихъ усадьбъ и земель только въ случаѣ неисполненія лежащихъ на нихъ обязанностей, или въ случаѣ неисправнаго веденія хозяйства, неполнаго засѣва своей земли, неимѣнія необходимой для хлѣбопашца зажиточности и инвентаря и неисправнаго содержанія хозяйственныхъ строеній. ¹⁾ Удаленіе неисправнаго крестьянина изъ занимаемой имъ усадьбы не могло послѣдовать тотчасъ, по усмотрѣнію арендатора или экономическаго чиновника, а прежде еще должны были быть приняты различныя побудительныя и исправительныя мѣры, и затѣмъ, если онѣ къ желаемому результату не приводили, дозволялось приступить къ удаленію крестьянина. При-этомъ всѣ его права ограждались; если находившіяся на усадьбѣ строенія принадлежали крестьянину, они оцѣнивались понятными и экспертами;

¹⁾ Предписаніе Коммиссіи Финансовъ отъ 13 авг. 1828 г. № 80008 и отъ 25 іюля 1833 г. № 49.752. Сборн. прежн. узак., стр. 229—234.

равнымъ образомъ оцѣнивались сдѣланные посѣвы и работа на нихъ употребленная, и цѣнность всего этого возвращалась удаленному крестьянину. Усадьба продавалась съ публичнаго торга и при-этомъ требовался вкупѣ, равнявшійся четырех-лѣтнему чиншу съ усадьбы, и эта сумма также поступала въ пользу удаленнаго крестьянина и по окончаніи съ нимъ расчетовъ казны должна была быть ему отдана. ¹⁾

¹⁾ Ibid.

XIII.

Указъ 26 мая 1846 года.— Поводы его изданія.— Основанія, принятыя имъ для устройства крестьянъ владѣльческихъ имѣній.— Способъ его исполненія.— Предложеніе Намѣстника Царства Совѣту Управленія 1-го іюня 1846 года.— Постановленіе Совѣта Управленія о даремщинахъ и принудительныхъ наймахъ.— Престаціонныя табели.

Благодаря обезпеченію, которымъ пользовались въ свои правахъ крестьяне казенныхъ имѣній въ Польшѣ, они достигли весьма удовлетворительной степени благосостоянія и тѣмъ болѣе бросалось въ глаза безправное положеніе крестьянъ владѣльческихъ, приводившее ихъ все къ большому обезземеленію и обнищанію. Такое положеніе дѣлъ не могло наконецъ не обратить на себя вниманіе Русскаго Правительства и Государь Императоръ Николай Павловичъ, во время пребыванія своего въ Варшавѣ въ 1846 году, 26 мая издалъ указъ, которымъ впервые и ложительно признаны были историческія права крестьянъ на земли, въ ихъ пользованіи состоявшія, и который сталъ основаніемъ всѣхъ реформъ, которыя предприняты были для обезпеченія ихъ быта. Неизлишнимъ будетъ привести дословно соображенія (*considerents*), на коихъ основывается этотъ указъ, потому, что они рисуютъ вѣрную картину тогдашняго положенія крестьянъ въ Польшѣ.

«Принимая въ уваженіе, говоритъ указъ, что въ Нашемъ Царствѣ Польскомъ поселяне хлѣбопашцы, послѣ дарованной имъ свободы, получили уже въ казенныхъ имѣніяхъ съ 1831

года многія облегченія въ своихъ повинностяхъ, и быть ихъ постепеннымъ устройствомъ упрочивается; — тогда какъ, напротивъ, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, по неопредѣленію закономъ ихъ обязанностей, зависятъ единственно отъ произвола владѣльцевъ; — что владѣльцы, пользуясь этимъ положеніемъ, удаляютъ поселянъ изъ своихъ имѣній, перемѣняютъ и уменьшаютъ находившіеся изстари у нихъ участки по собственному произволу; отъ чего происходящее умноженіе безземельныхъ поселянъ и частые ихъ переходы имѣютъ вредное вліяніе на благосостояніе и нравственность этого полезнаго класса жителей; и наконецъ

«Что живущіе въ частныхъ имѣніяхъ поселяне, изъ опасенія лишиться обрабатываемыхъ ими издавна поземельныхъ участковъ, нерѣдко вынуждены бываютъ принимать на себя и нести отяготительныя повинности, по произволу владѣльцевъ или однимъ обычаемъ введенныя, — Мы признали необходимымъ, впредь до изданія общаго закона объ устройствѣ поселянъ, положить къ тому предварительныя основанія и вслѣдствіе того повелѣваемъ:»

За симъ слѣдуютъ статьи указа, который установилъ, что всѣ крестьяне, поселенные во владѣльческихъ имѣніяхъ и пользующіеся участками земли не менѣе 3-хъ морговъ, должны впредь безпрепятственно ими пользоваться, подъ условіемъ исполненія разъ навсегда установленной повинности, и затѣмъ владѣльцы не имѣютъ права ни отнимать у крестьянъ этихъ участковъ, ни уменьшать ихъ земли или угодія, т. е. сервитуты, ни увеличивать повинностей. Крестьяне же могутъ, если хотятъ, оставлять свои усадьбы, предваривъ о томъ владѣльца заблаговременно, но такіе оставленные крестьянами участки никогда не могутъ быть присоединяемы къ прочимъ землямъ владѣльцевъ; сіи послѣдніе обязаны напротивъ, не позже какъ въ двухлѣтній срокъ, прискаты и водворить на нихъ другихъ крестьянъ. Кромѣ того, указъ предписалъ Совѣту Управленія Царства уничтожить съ 25 декабря 1846 года всѣ тѣ поборы и произвольно на крестьянъ наложенныя повинности, извѣстныя подъ названіемъ даремщинъ; а равно и принудительные наймы, которые по разсмотрѣнію его оказались бы

неимѣющими законнаго основанія; и вмѣстѣ съ тѣмъ, взаимнѣ прежняго порядка судебнаго разбора споровъ крестьянъ съ владѣльцами, признаннаго для крестьянъ отяготительнымъ, издать соотвѣтственныя правила, опредѣляющія порядокъ и вѣдомство, которымъ дѣла сего рода должны подлежать впредь. Указъ поручалъ интересы крестьянъ «неусыпному наблюденію» административной власти и, разрѣшая владѣльцамъ заключать съ крестьянами, на ихъ земляхъ поселенными, сдѣлки объ ихъ очиншеваніи, предписывалъ, чтобы эти сдѣлки были утверждаемы не иначе, какъ однимъ изъ высшихъ административныхъ органовъ.

Указъ 26 мая 1846 года, не вдаваясь въ подробности крестьянскаго быта, въ общихъ чертахъ призналъ за крестьянами права, которыя возвратили ихъ почти въ то положеніе, въ которомъ они были за четыре столѣтія передъ тѣмъ, т. е. до тѣхъ поръ пока злоупотребленія, получившей преобладаніе шляхты, не вытѣснили изъ употребленія и не уничтожили правъ свободныхъ кметей, правъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ Вислицкомъ статутѣ и другихъ законодательныхъ актахъ древней Польши. Наслѣдственное право пользованія землею подъ условіемъ отбыванія опредѣленныхъ повинностей, право свободного перехода, запрещеніе владѣльцамъ присоединять къ своимъ землямъ оставленныя крестьянами усадьбы — вотъ главныя основанія древняго Польскаго законодательства о крестьянахъ, возстановленныя указомъ 1846 г.

Указъ этотъ, по выраженному въ немъ самомъ обѣщанію, былъ лишь «предварительнымъ основаніемъ» тѣхъ мѣръ, которыя правительство имѣло въ виду принять для прочнаго устройства крестьянскаго быта; опредѣливъ эти предварительныя основанія, указъ вмѣстѣ съ тѣмъ не предопредѣлялъ порядка и способа примѣненія этихъ основаній къ подробностямъ крестьянскаго быта и всю трудную задачу исполненія и развитія началъ, въ немъ содержащихся, возложилъ на Намѣстника и Совѣтъ Управленія Царства Польскаго.

Указъ 1846 года далеко не имѣлъ на бытъ Польскихъ крестьянъ всего того благодѣтельнаго дѣйствія, которое онъ могъ и долженъ былъ бы имѣть. Значительное число крестьянъ

было неправильно исключено изъ - подъ его дѣйствія, множество крестьянскихъ земель и угодій были, въ противность его ясному и прямому смыслу, у крестьянъ отняты или замѣнены другими меньшаго пространства и худшаго качества; значительное число пользовавшихся землею крестьянъ уже послѣ 1846 года было обращено въ безземельныхъ или малоземельныхъ батраковъ. Всѣ тѣ открытые пустки, т. е. отобранныя у крестьянъ земли, восстановленные сервитуты и исправленные замѣны, о которыхъ публиковалъ Учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ, исчисляя ихъ десятками тысячъ случаевъ, не должны бы были существовать при точномъ исполненіи указа 1846 года и каждый изъ этихъ случаевъ есть прямое нарушеніе его повелѣній.

Отвѣтственность за такое неисполненіе предназначеній указа 1846 года, и за всѣ нарушенія его положеній, возлагается обыкновенно на землевладѣльческую шляхту Польши. Безспорно справедливо, что землевладѣльческая шляхта сдѣлала все, что отъ нея зависѣло, чтобы ослабить дѣйствіе указа и исказить его значеніе, но едвали возможно согласиться съ нѣкоторыми писателями, приписывающими ей одной то, что такое искаженіе сдѣлалось возможнымъ, даже неизбежнымъ.¹⁾ Землевладѣльческая шляхта, какъ заинтересованная въ дѣлѣ сторона, естественно старалась дать ему наиболѣе благопріятный для ея интересовъ оборотъ; исторія всѣхъ народовъ вообще не богата примѣрами безкорыстной справедливости одного сословія въ пользу другаго, когда дѣло касалось матеріальныхъ интересовъ, и традиціи Польской шляхты въ отношеніи Польскаго народа дѣлали ее тѣмъ менѣе способною на такой подвигъ, но тѣмъ неменѣе способъ, который былъ избранъ для приведенія въ исполненіе указа 1846 года, былъ таковъ, что онъ далъ полную возможность нарушать вновь установленный законъ безнаказанно. Отвѣтственность за избраніе этого способа не можетъ падать исключительно на одну землевладѣльческую шляхту и на второстепенныхъ представителей административ-

¹⁾ См. А. de Moller, Situation de la Pologne au 1 Janvier 1865, стр., 152 — 165.

ной власти въ Польшѣ; безпристрастное разсмотрѣніе относящихся къ этому дѣлу официальныхъ актовъ показываетъ, что инициатива въ избраніи этого способа принадлежитъ не имъ.

Намъ неизвѣстно, предшествовали ли изданію 1846 г. какія-либо подготовительныя работы и изученіе сложныхъ условий быта крестьянъ владѣльческихъ имѣній Польши; надо скорѣе полагать, что указъ этотъ состоялся по личной инициативѣ Государя Императора Николая Павловича, когда, по прибытіи своемъ въ Польшу въ 1846 году, онъ убѣдился въ жалкомъ состояніи владѣльческихъ крестьянъ; самая краткость шести небольшихъ статей, составляющихъ этотъ указъ, показываетъ, что имъ имѣлось въ виду лишь очертить главныя основанія реформы, не предрѣшая ея подробностей, для чего не имѣлось подъ рукою достаточныхъ данныхъ. Что для реформы избраны были именно вышеизложенныя основанія, а не какія-либо другія, легко объясняется тѣмъ, что въ примѣръ устройства крестьянъ имѣній владѣльческихъ принималось устройство крестьянъ въ имѣніяхъ казенныхъ, на это есть даже весьма рѣшительное доказательство. Подлинное предложеніе Намѣстника, Совѣту Управленія, о порядкѣ исполненія Высочайшаго Указа 26 мая 1846 г., подписанное княземъ Варшавскимъ и хранящееся въ архивѣ Совѣта Управленія, ¹⁾ содержитъ въ себѣ параграфъ, неизвѣстно почему пропущенный въ печатныхъ экземплярахъ этого документа; въ этомъ параграфѣ сказано: «Я полагаю, что какъ цѣль указа стремиться къ поставленію крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ такое положеніе, въ какомъ они находятся въ казенныхъ, то поэтому надлежитъ держаться тѣхъ самыхъ правилъ, какими руководствовалась казна при уничтоженіи даремщинъ и принужденныхъ наймовъ въ казенныхъ имѣніяхъ» и пр. Такое мнѣніе Намѣстника, выраженное чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ состоялся указъ, въ изданіи котораго онъ не могъ не принимать весьма близкаго участія, кажется не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что, опредѣляя основанія будущаго

¹⁾ Akta Rady Administracyjnej Królestwa Polskiego № V. 5848. Sek V. 29. a. O zabezpieczeniu stanu włościan w dobroch prywatnych.

положенія крестьянъ имѣній владѣльческихъ, указъ 1846 г. принималъ за образецъ устройство крестьянъ въ имѣніяхъ казенныхъ, и потому-то онъ, и безъ предварительнаго изученія, могъ такъ вѣрно опредѣлить сущность историческихъ правъ крестьянъ.

Но все-таки указъ 20 мая былъ только программой того, что нужно было сдѣлать; чтобы привести ее въ исполненіе, чтобы примѣнить слово къ дѣлу, невозможно было обойтись безъ подробнаго и близкаго знанія этого дѣла, безъ тщательнаго изученія всѣхъ разнообразныхъ условій быта владѣльческихъ крестьянъ, положеніе которыхъ во многихъ мѣстахъ, въ это время, кореннымъ образомъ различествовало отъ положенія крестьянъ казенныхъ. Весь этотъ трудъ самимъ указомъ возложенъ былъ на тогдашнія административныя власти Польши и на ихъ отвѣтственности остается способъ, избранный для его исполненія.

Во всей программѣ, начертанной указомъ 1846 г., наиболѣе осмотрительнаго и тщательнаго разрѣшенія требовали двѣ задачи: опредѣленіе «законнаго основанія», по выраженію указа, по которому крестьяне должны были отбывать въ пользу владѣльцевъ повинности за занимаемые ими земли, и опредѣленіе «порядка и вѣдомства», которому должны бы были подлежать крестьянскія дѣла, а слѣдовательно отъ котораго и зависѣлъ успѣхъ реформы, предположенной указомъ. Изъ всѣхъ возможныхъ способовъ разрѣшенія этихъ задачъ, всего менѣе ручательствъ за успѣхъ представлялъ казалось бы тотъ, который предоставлялъ опредѣленіе законныхъ основаній самой землевладѣльческой шляхтѣ, а вѣдѣніе крестьянскихъ дѣлъ мѣстной администраціи, высшіе и средніе органы которой имѣли мало соприкосновенія съ крестьянами, а низшими органами которой были тѣ же землевладѣльцы, подъ названіемъ гминныхъ войтовъ. Между тѣмъ именно этотъ способъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и былъ предпочтенъ другимъ.

Черезъ пять дней послѣ того какъ состоялся указъ 26 мая 1846 г., т. е. 1 іюня того же года, Намѣстникъ обратился къ Совѣту Управленія съ предложеніемъ о порядкѣ его исполненія. Въ этомъ предложеніи указаны главныя основанія этого порядка, который и былъ принятъ къ исполненію.

Начиная съ 1-й ст. указа, обезпечивающей права крестьянъ на занимаемыя ими земли, означенное предложеніе объясняетъ, что въ развитіе ея слѣдуетъ постановить, что она не относится къ тѣмъ крестьянамъ, которые пользуются землею въ меньшемъ размѣрѣ нежели 3 морга, что срокомъ объявленія крестьянами владѣльцамъ о желаніи ихъ оставить свою землю слѣдуетъ назначить 1 января каждаго года, что, всилу прежнихъ постановленій короля Саксонскаго, владѣльцы не имѣютъ права удерживать крестьянъ, желающихъ переселиться, а могутъ лишь отбирать у нихъ скотъ и хлѣбъ, данный на посѣвъ, что крестьянинъ не иначе можетъ уступить свою усадьбу другому, какъ съ согласія владѣльца, и наконецъ, что опредѣленіе порядка, которому долженъ слѣдовать владѣлецъ въ случаѣ встрѣчаемой имъ необходимости удалить крестьянина, не выполняющаго своихъ обязательствъ, принадлежитъ къ развитію 4-й ст. указа, т. е. къ опредѣленію, кому поручить разбирательство и рѣшеніе подобныхъ требованій владѣльцевъ. О 2-й ст. указа, обязывающей владѣльцевъ не присоединять къ своимъ землямъ оставленныхъ крестьянами усадебъ, предложеніе замѣчаетъ, что слѣдуетъ постановить, что она не относится къ тѣмъ крестьянскимъ землямъ, которыя окажутся уже пустыми во время изданія указа, и затѣмъ излагаются предположенія о мѣрахъ, которыя должны быть приняты въ отношеніи владѣльцевъ, которые не исполнили бы этой обязанности, замѣчая притомъ, что эти мѣры будутъ нужны не прежде 2-хъ лѣтъ и что Коммиссія Внутреннихъ Дѣлъ будетъ имѣть достаточно времени для ближайшаго обсужденія сего предмета. Обращаясь къ 3-й статьѣ указа, предписывающей уничтоженіе съ 1-го января 1847 года всѣхъ даремщинъ и принудительныхъ наймовъ, не имѣющихъ законнаго основанія, Намѣстникъ замѣчаетъ, что исполненіе ея встрѣчаетъ наибольшія затрудненія, что для сего нужно сперва собрать всѣ документы и свѣдѣнія о правахъ, на основаніи которыхъ отправляются повинности крестьянъ, и рѣшить вопросъ, кому поручить это дѣло. «Дѣло это — сказано далѣе — должно быть окончено 1 января 1847 г., почему и необходимо избрать для этого кратчайшія средства исполненія.

«Съ этою цѣлью я полагаю: свѣдѣнія о крестьянскихъ по-

винностяхъ и о правахъ, на основаніи коихъ онѣ отправляются, потребовать отъ самихъ помѣщиковъ. Для этого сообщить имъ два печатныхъ экземпляра графныхъ вѣдомостей.

«Въ нихъ помѣщики должны вписать помянутыя обязанности и права, а по засвидѣтельствованіи такихъ вѣдомостей войтомъ гмины (хотя бы имъ былъ тотъ же самый помѣщикъ, который представляетъ оныя) представить чрезъ уѣздныхъ начальниковъ въ подлежащія губернскаія правленія одинъ экземпляръ, а другой оставить на мѣстѣ.»

Вѣдомости эти должны были быть представлены губернскими правленіями въ Коммиссію Вн. дѣлъ, съ заключеніемъ о повинностяхъ подлежащихъ уничтоженію, а затѣмъ на окончательное рѣшеніе Совѣта Управленія; губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность собрать и представить всѣ эти вѣдомости къ 1 окт. того же года. Затѣмъ касательно того, что должно почитать законнымъ основаніемъ крестьянскихъ повинностей, въ предложении объяснено, что, «по смыслу законовъ, признаются законными основаніями правъ официальные бумаги, частные письменные договоры, словесныя условія и владѣніе; затѣмъ отъ Правительства зависѣть будетъ опредѣлить, которыя изъ этихъ правъ, при опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, должны быть принимаемы въ уваженіе.»

Обративъ еще вниманіе Совѣта Управленія на то, что правила объ уничтоженіи даремщинъ и принудительныхъ наймовъ должны быть распространены на имѣнія духовныя, благотворительныхъ заведеній и больницъ, на имѣнія поіезуитскія, конфискованныя и состоящія во временномъ завѣдываніи казны, а равно что освобожденію отъ этого рода повинностей подлежатъ всѣ крестьяне, хотя бы они и не владѣли тремя моргами земли, предложеніе обращается къ разсмотрѣнію 4 ст. указа, требующей опредѣленія порядка и вѣдомства, коимъ должны подлежать крестьянскія дѣла.

«Развитіе этой статьи—сказано въ предложеніи—не требуетъ поспѣшности; ибо надлежитъ опредѣлить обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ прежде, нежели опредѣлено будетъ, какія мѣста должны разбирать ихъ взаимные споры.»

Сдѣлавъ засимъ краткія замѣчанія о 5 и 6 статьяхъ указа,

предложеніе обращается къ разрѣшенію вопроса: «какимъ порядкомъ долженъ быть настоящей указъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе, а равно и то, не будетъ ли поспѣшное объявленіе сего указа поводомъ къ беспорядкамъ между крестьянами по ошибочному разумѣнію между ними распоряженій Правительства, а именно не дастъ ли онъ повода крестьянамъ думать, что они совершенно освобождены отъ всѣхъ вообще повинностей, въ натурѣ отправляемыхъ, безъ исключенія?» Находя такое опасеніе напраснымъ, Намѣстникъ однако полагаетъ, что обнародованіе указа немедленно, т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время важнѣйшихъ земледѣльческихъ работъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ неисполненіе крестьянами своихъ обязанностей, и потому предлагаетъ обнародовать его послѣ жатвы не ранѣе 1 сентября и, не оглашая его съ амвоновъ и никакимъ другимъ образомъ, объявить его крестьянамъ не иначе какъ черезъ административныхъ чиновниковъ, коимъ вмѣнить въ обязанность растолковывать крестьянамъ ихъ обязанности и послѣдствія, ожидающія ихъ за ихъ нарушеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается губернаторамъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы владѣльцы не принуждали крестьянъ къ выселенію въ промежутокъ времени между изданіемъ и обнародованіемъ указа.

Этимъ распоряженіемъ опредѣленъ былъ весь будущій ходъ примѣненія къ дѣлу постановленій указа 1846 года. Опредѣленіе законнаго основанія для крестьянскихъ повинностей вовсе никогда сдѣлано не было, а что касается опредѣленія порядка и вѣдомства, которымъ слѣдовало подчинить крестьянскія дѣла, то въ этомъ отношеніи также общаго распоряженія не послѣдовало, и еще черезъ 17 лѣтъ послѣ изданія указа возникалъ вопросъ о томъ, какое дать развитіе содержащимся въ немъ объ этомъ предметѣ предначертаніямъ. ¹⁾

Согласно съ указаніями Намѣстника обнародованіе указа отложено было до 1 сент. 1846 г., затѣмъ розданы были владѣльцамъ бланки табелей, въ которые они обязывались вписать всѣхъ крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ и пользую-

¹⁾ См. выписку изъ журн. Совѣта Управленія 15 марта 1863 года, напечат. въ Сборникѣ прежн. зак. и пост. о кр. въ Ц. П., стр. 198—203.

щихся тремя или болѣе моргами земли, и обозначить всѣ отбываемыя ими повинности. Табели эти по засвидѣтельствованіи ихъ войтомъ гмины, т. е. самимъ владѣльцемъ, составлявшимъ табель, или его уполномоченнымъ, всѣ представлены были въ Правит. Комм. Вн. Дѣл. Между тѣмъ Совѣтъ Управленія занялся разрѣшеніемъ вопроса, какія именно даремщины и принудительные наймы подлежали уничтоженію въ силу 3 ст. указа. Для опредѣленія сего Совѣтъ Управленія въ постан. 14 ноября сдѣлалъ перечисленіе всѣхъ даремщинъ, подлежащихъ уничтоженію, и насчиталъ ихъ 121 видъ, замѣнивъ ихъ однако шестью дополнительными днями обыкновенной барщины. Такой способъ разрѣшенія этого вопроса не могъ оказаться удовлетворительнымъ на практикѣ, потому что даремщины зависѣли отъ самыхъ разнообразныхъ условій и нуждъ cadaго отдѣльнаго имѣнія и распоряженій его владѣльца и по самому свойству своему не поддавались никакому исключенію. При томъ распоряженіе Совѣта Управленія падало совершенно не равномерно на крестьянъ разныхъ имѣній, въ иныхъ оно не приносило имъ почти никакого облегченія, а въ другихъ почти вовсе избавляло отъ всякихъ работъ и повинностей въ пользу владѣльцевъ, что впрочемъ предвидѣлъ и самъ Совѣтъ Управленія, постановивъ, что тамъ, гдѣ крестьяне отбываютъ свои повинности посредствомъ однихъ даремщинъ, а равно и тамъ, гдѣ они отбываютъ менѣе двухъ дней барщины отъ уволоки земли, отмѣняемыя даремщины должны быть замѣнены постоянною барщиною по взаимному соглашенію владѣльцевъ съ крестьянами и подъ наблюденіемъ Правительства. ¹⁾

Такъ какъ опредѣленія «законнаго основанія» крестьянскихъ повинностей сдѣлано не было, то Совѣту Управленія и пришлось ограничиться изложеннымъ постановленіемъ, между тѣмъ оно такъ мало прикладывалось къ дѣйствительности, что ему самому, въ скоромъ времени послѣ того, пришлось по жалобамъ частныхъ владѣльцевъ возстановлять эти самыя повин-

¹⁾ Ст. 4 Пост. Сов. Упр. 14 ноября 1846 г. Сб. пр. зак. и пост. о кр. въ Ц. П., стр. 28.

ности, отмѣненныя Коммиссіею Вн. Дѣлъ на оонованіи его же постановленія. ¹⁾

Въ то время какъ Совѣтъ Управленія занимался разсмотрѣніемъ вопроса о даремщинахъ, изъ губерній, по объявленіи тамъ указа, поступали составленныя владѣльцами престаціонныя таблицы. По полученіи постановленія Совѣта Управленія о даремщинахъ Коммиссія Внутреннихъ Дѣлъ приступила къ разсмотрѣнію этихъ таблицъ и въ теченіе 20 дней разсмотрѣла и утвердила слишкомъ 17,000 таблицъ. ²⁾ Само собою разумѣется, что такое разсмотрѣніе было лишь исполненіемъ одной формальности и сущность престаціонныхъ таблицъ осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена была владѣльцами; едвали возможно приписывать выказанную въ семъ случаѣ поспѣшность желанію покровительствовать интересамъ землевладѣльческой шляхты. Коммиссія Внутреннихъ Дѣлъ считала своею непремѣнною обязанностью окончить это дѣло къ 1 января 1847 года, между тѣмъ начать разсмотрѣніе таблицъ она могла лишь послѣ постановленія Совѣта Управленія о даремщинахъ, слѣдовательно ей и не оставалось на это дѣло болѣе времени, чѣмъ она дѣйствительно на него употребила.

¹⁾ См. пост. Сов. Упр. 21 мая 1847 г. тамъ же стр. 46.

²⁾ Предписаніе Прав. Комм. Внутр. Дѣлъ 21 дек. 1846 г. тамъ же стр. 31.

XIV.

Причины безуспѣшности мѣръ, принятыхъ указомъ 1846 г. — Изъятія изъ-подъ дѣйствія положеній указа, установленныя законодательнымъ путемъ, и изъятія временныя. — Постановление Совѣта Управленія 21 мая 1847 года о порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ владѣльцевъ. — Значеніе мѣръ принятыхъ указомъ 1846 г. для послѣдовавшаго устройства быта крестьянъ въ Польшѣ.

Такимъ образомъ по программѣ, указанной княземъ Варшавскимъ, реформа, предначертанная указомъ 26 мая 1846 г., приведена была въ исполненіе къ 1-му января 1849 г. Исполненіе это, какъ показали послѣдствія, было лишь кажущееся; въ дѣйствительности же указъ 1846 г. для большей части частныхъ имѣній въ Польшѣ какъ-бы не существовалъ, ибо въ нихъ нетолько безнаказанно, но даже почти безпрепятственно нарушались главнѣйшія его постановленія, а именно: крестьянскія земли у крестьянъ отбирались или обмѣнивались произвольно и присоединялись къ землямъ фольварочнымъ, повинности крестьянъ увеличивались подъ разными предлогами, пустки, т. е. оставленныя крестьянами усадьбы, оставались незаселенными въ теченіе десяти и болѣе лѣтъ, сервитуты уничтожались. Возстановленіе этихъ нарушеній составило предметъ значительной и труднѣйшей части работъ по приведенію въ дѣйствіе въ Польшѣ крестьянской реформы 19-го февраля 1864 г.

При томъ способѣ исполненія указа 1846 г., который былъ

избранъ административною властью въ Польшѣ, оно и не могло быть иначе; престаціонныя табели составлялись самими владѣльцами, съ фактической стороны ихъ не контролировалъ никто, крестьяне же не только не принимали участія въ ихъ составленіи, но и по утвержденіи ихъ они имъ не предъявлялись. Срокъ на составленіе этихъ табелей данъ былъ весьма краткій, такъ что и при желаніи составить ихъ добросовѣстно, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не было произведено обмѣровъ земли, составить ихъ обстоятельно было трудно; а желанія составлять ихъ добросовѣстно не было почти нигдѣ, ибо это противорѣчило прямымъ интересамъ владѣльцевъ. Посему престаціонныя табели составлены были какъ попало, показанія о количествѣ крестьянскихъ земель вездѣ были невѣрны; многіе крестьянскіе участки не были въ нихъ внесены на томъ основаніи, что они, будто-бы, не заключали въ себѣ 3-хъ морговъ земли, тогда какъ въ дѣйствительности они иногда были втрое больше этого размѣра; многіе участки, занятые крестьянами, показаны были пустками; во многихъ табеляхъ владѣльцы позволяли себѣ, вмѣсто требовавшихся свѣдѣній, въ особенности въ графѣ о крестьянскихъ заработкахъ, вписывать различныя нравоученія и вовсе неумѣстныя шутки; сервитуты, когда вписывались, то въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что отъ владѣльцевъ всегда зависѣло впослѣдствіи стѣнать пользованіе ими крестьянъ по своему усмотрѣнію. Всѣ эти качества престаціонныхъ табелей дѣлали ихъ весьма ненадежнымъ основаніемъ для приведенія въ извѣстность крестьянскихъ правъ при послѣдней реформѣ.

Патримоніальная власть попрежнему оставалась въ рукахъ владѣльцевъ, по принадлежавшему имъ званію гминнаго войта, и попрежнему правительство не имѣло прямаго соприкосновенія съ крестьянами, ибо всѣ его распоряженія, административныя, полицейскія и судебныя проходили чрезъ руки землевладѣльческой шляхты; попрежнему, крестьянамъ жаловаться на владѣльцевъ было некуда, ибо административныя власти, лишь только владѣлецъ въ подкрѣпленіе своихъ правъ представлялъ какой-нибудь писанный актъ, условіе или что-либо въ этомъ родѣ, попрежнему отсылали эти дѣла къ судебному разбирательству,

что для крестьянъ по изложеннымъ уже прежде причинамъ равнялось совершенному отказу. ¹⁾

Тотчасъ по введеніи въ дѣйствіе указа 1846 г. въ средѣ землевладѣльской шляхты началось движеніе, имѣвшее цѣлью достигнуть различныхъ исключеній при примѣненіи его положеній. Движеніе это не осталось безъ успѣха и нѣкоторыя исключенія получили признаніе законодательнымъ путемъ, а другія, еще важнѣйшія, какъ-бы признаны были рѣшеніями высшей администраціи Польши. Изъ-подъ дѣйствія указа изъяты были всѣ крестьяне, кои кромѣ земледѣлія имѣли еще какое-либо специальное занятіе или обязанность въ пользу своихъ владѣльцевъ, какъ-то корчмари, кузнецы, мельники, овчари, садовники-лѣсные сторожа и пр., несшіе какой-либо родъ дворовой службы. Такое общее исключеніе этихъ крестьянъ и ихъ земель было въ Польшѣ во многихъ мѣстахъ не справедливо, ибо основаніе, на которомъ оно было сдѣлано, т. е. что такіе крестьяне не были хлѣбопашцами, во многихъ мѣстахъ было не вѣрно. Во многихъ имѣніяхъ участки этого рода занимали гораздо болѣе 3-хъ морговъ земли и обязанность корчмаря, кузнеца, мельника или какая-либо другая дворовая служба, являлась часто лишь дополненіемъ или замѣномъ другихъ повинностей въ пользу владѣльца; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ обязанности корчмаря отбывались крестьянами поочередно; едвали не справедливѣе было бы, сохраняя права владѣльцевъ на ихъ хозяйственныя заведенія, не лишать вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянъ, которые на нихъ работали, изстари принадлежавшихъ имъ земель, которыя съ самими корчмами, кузницами, мельницами и пр. никакой связи не имѣли. Затѣмъ дѣйствіе указа приостановлено было въ пользу мелкой шляхты, которая владѣла мелкими участками; владѣльцы, какъ выразился о нихъ Совѣтъ Управленія въ постановленіи своемъ 18 ноября 1858 года, «будучи сами хлѣбопашцами, обрабатывали прежде всю свою землю.

¹⁾ Таково было рѣшеніе Совѣта Управленія по дѣлу графа Замойскаго съ крест. имѣнія его Ренчайскъ, съ которыми условія заключены были въ 1841 г., и по многимъ другимъ подобнымъ дѣламъ.

но, придя потомъ въ бѣдность или имѣя какіе-либо другіе виды, отдали оную или часть оной въ аренду по временнымъ контрактамъ, хотя бы и нѣсколько разъ возобновлявшимся.» ¹⁾ Кроме того подъ дѣйствіе указа, по тому же постановленію Совѣта Управленія, не подходили тѣ земли, которыя наняты были у владѣльцевъ крестьянами, имѣвшими кроме этихъ земель свои участки.

Но едвали не самыми важными, хотя и временными ²⁾ изъятіями изъ-подъ дѣйствія указа 1846 года были тѣ, которыя не устанавливались въ видѣ особыхъ законодательныхъ мѣръ, а входили въ дѣйствіе по отдѣльнымъ случаямъ вслѣдствіе толкованія, придаваемого административными властями силѣ разныхъ постановленій указа.

Землевладѣльческая шляхта утверждала, что распоряженія указа объ уничтоженіи даремщинъ и другія вовсе не касаются тѣхъ изъ живущихъ на ея земляхъ крестьянъ, которые занимаютъ ихъ по контрактамъ или какимъ-либо условіямъ, хотя бы эти условія не только не были утверждены законнымъ порядкомъ, но даже вовсе не были облечены въ письменную форму, а состояли бы просто въ словесномъ договорѣ; она утверждала, что такіе крестьяне суть чиншевники и колонисты, а не крестьяне-хлѣбопашцы, о которыхъ говоритъ указъ. Такое домогательство землевладѣльцевъ, хотя явно противное и духу и буквѣ 1-й ст. указа, увѣнчалось однако успѣхомъ, ибо Совѣтъ Управленія признавалъ его правильнымъ въ постановленіяхъ, которыя приходилось ему дѣлать по частнымъ дѣламъ, до него доходившимъ. Въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить постановленіе Совѣта Управленія 21 мая 1847 г. по дѣлу шляхтича Муржиновскаго о повинностяхъ крестьянъ принадлежавшаго ему селенія Румунки - Маковецкой. ³⁾

¹⁾ Сбор. преж. пост., стр. 65.

²⁾ Временными потому, что изъятія, узаконенныя общими распоряженіями, оставлены были въ своей силѣ и указомъ 19 февраля 1864 г., а прочія были уничтожены.

³⁾ Сборн. преж. зак. и пр., стр. 46.

Муржиновскій жаловался на Коммисію Внутреннихъ Дѣлъ, уничтожившую въ названномъ селеніи слѣдующія крестьянскія повинности: а) отправлять подводы по наряду владѣльца 26 разъ въ годъ, безъ опредѣленія мѣста назначенія и разстоянія пути, б) доставлять изъ Маковецкаго имѣнія хлѣбъ въ г. Торнъ или къ надвислянскимъ портамъ, безъ обозначенія количества хлѣба, и в) подвозить всякіе необходимыя для постройки матеріалы. Просьбу свою Муржиновскій основывалъ на томъ, что эти повинности составляютъ добавочную вещественную повинность въ видѣ приплаты къ чиншу, который крестьяне обязались платить по частнымъ условіямъ и что посему повинности эти не могутъ принадлежать къ разряду даремщинъ или принудительныхъ наймовъ, уничтоженныхъ указомъ.

Коммисія Внутреннихъ Дѣлъ, на точномъ основаніи постановленія Совѣта Управленія о даремщинахъ, уничтожила всѣ эти повинности и не признавала уважительными приводимыя Муржиновскимъ условія, такъ какъ они были не формальныя и не были имъ своевременно предъявлены.

1) «Совѣтъ Управленія Царства, разсмотрѣвъ настоящій предметъ, нашель: что мнѣнія какъ Правительственной Комм. Вн. Дѣлъ, такъ и Главныхъ Директоровъ Финансовъ и Юстиціи насчетъ отмѣненія рѣшенія Комм. Вн. Дѣлъ, коими уничтожены въ селеніи Румункъ-Маковецкомъ, подъ видомъ даремщины, разнаго рода повинности, основываются на 3 статьѣ Высочайшаго Указа $\frac{26 \text{ мая}}{7 \text{ июня}}$ 1846 года, коею уничтожены въ частныхъ имѣніяхъ тѣ только даремщины, которыя не имѣютъ законнаго основанія; что какъ изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что поселяне въ помянутомъ имѣніи владѣютъ землями и отправляютъ съ нихъ нѣкоторыя повинности, на основаніи заключенныхъ ими съ помѣщиками контрактовъ, по силѣ которыхъ тѣ поселяне сдѣлались колонистами или чиншевниками, то распоряженіе помянутаго выше указа объ уничтоженіи даремщинъ въ имѣніяхъ, заселенныхъ крестьянами барщинными,

1) Отмѣченныя ковычками слова составляютъ подлинное рѣшеніе Совѣта Управленія.

необязанными никакими условіями съ помѣщиками, не могутъ быть примѣняемы къ поселянамъ Румунка-Маковецкаго; что въ такомъ положеніи дѣла было бы несправедливо оставлять въ своей силѣ рѣшеніе Коммиссіи Внутр. Дѣлъ, основанное на невѣрной престаціонной табели, представленной помѣщикомъ безъ повѣрки съ содержаніемъ контракта; что наконецъ и при разсмотрѣніи самыхъ контрактныхъ условій не должно упускать изъ виду, что контракты эти совершены были прежде нежели состоялся указъ $\frac{26 \text{ мая}}{7 \text{ июня}}$ 1846 г. объ уничтоженіи даремщинъ и потому въ оныхъ могутъ заключаться нѣкоторыя условія, не совсѣмъ согласныя съ духомъ сего указа, каковыя условія, по удостовѣреніи въ томъ, что контракты заключены были въ доброй вѣрѣ, администраціонныя начальства, обязанныя вообще заботиться о благосостояніи крестьянъ, должны исправить такимъ образомъ, чтобы помянутые выше поселяне ограждены были отъ всякаго со стороны помѣщика злоупотребленія.

«На этомъ основаніи Совѣтъ Управленія положилъ:

«1) Рѣшеніе Коммиссіи Внутр. Дѣлъ отъ $\frac{1}{13}$ декабря 1846 года, объ уничтоженіи въ Румункѣ-Маковецкомъ нѣкоторыхъ повинностей, основанное на невѣрной престаціонной табели, представленной помѣщикомъ, отмѣнить.

«2) Поселянъ помянутаго имѣнія, владѣющихъ въ ономъ землями на основаніи контрактовъ, заключенныхъ съ помѣщикомъ, считать колонистами или чиншевыми поселянами; почему и повинности, отбываемыя ими, должны быть разсматриваемы на основаніи тѣхъ же контрактовъ.

«3) Какъ обязанность крестьянъ отправляться въ путь основывается на контрактахъ, которые различествуютъ между собою въ томъ единственно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не означено ни числа поѣздокъ, ни разстоянія пути, то, согласно съ мнѣніемъ Главнаго Директора Финансовъ, постановить:

«а) что крестьяне, коихъ поѣздки, въ отношеніи къ разстоянію, въ контрактахъ положительно обозначены, обязаны отправлять оныя;

«б) что 8 поселянъ, въ контрактахъ коихъ не означено разстоянія пути, равно какъ и тѣ, съ которыми хотя не за-

ключено письменныхъ условій, но которые однако несутъ обязанности наравнѣ съ другими поселянами, должны отбывать такъ же поѣздки, но не далѣе Влоцлавка и Серпца.

«в) что поселяне, обязанные по контрактамъ къ поѣздкамъ на разстояніи 8 ми миль, освобождаются отъ поѣздокъ, превышающихъ это разстояніе, и до Варшавы.

«г) что обѣимъ сторонамъ надлежитъ предоставить совершить новыя условія, въ коихъ бы обязанность каждаго поселянина въ отношеніи поѣздокъ опредѣлена была положительно.

«4) Какъ обязанность вывозки хлѣба опредѣлена разстояніемъ къ Торну или къ Вислѣ и поэтому не подлежитъ уничтоженію на основаніи 41 пункта 1 статьи постановленія Совѣта Управленія ¹⁴/₂₆ ноября 1846 года, которою отмѣняется вывозка хлѣба только до непоименованныхъ городовъ, — то повинность эту возстановить, съ тѣмъ лишь условіемъ, что крестьяне не обязаны возить хлѣбъ на разстояніи далѣе Торна и чтобы полюбовною сдѣлкой съ помѣщикомъ обозначено было количество вывозимаго хлѣба, соразмѣрно продукціи Маковецкаго имѣнія.

«5) Повинности: свозить строительный матеріаль и другія, равно какъ и повинность починки плотинъ и шарваркъ для постройки и починки дорогъ, какъ неопредѣленные ни числомъ дней, ни количествомъ работы, совершенно отмѣнить.»

Не трудно замѣтить противорѣчія, въ которыя впадалъ Совѣтъ Управленія въ этомъ постановленіи. Основаніемъ для своего рѣшенія онъ принялъ то, что указъ 1846 года къ крестьянамъ сего имѣнія не относится, ибо ихъ слѣдуетъ признавать колонистами или чиншевыми поселянами. Этимъ удовлетворялось домогательство землевладѣльческой шляхты сдѣлать указъ 1846 года безсильнымъ въ отношеніи доброй половины крестьянъ, поселенныхъ на ея земляхъ, однакожъ ни въ буквѣ ни въ духѣ указа, нельзя найти никакого основанія къ такому толкованію; въ немъ нѣтъ даже и намека на какія-либо письменныя или словесныя между владѣльцами и крестьянами сдѣлки, которыя могли бы остановить или измѣнить его примѣненіе. Затѣмъ Совѣтъ Управленія возстановляетъ отмѣненныя

Коммиссіею Внутреннихъ Дѣлъ повинности не только въ отноше-
ніи тѣхъ крестьянъ, въ контрактахъ которыхъ эти повинности
были опредѣлены, но и въ отношеіи тѣхъ, въ контрактахъ кото-
рыхъ они опредѣлены не были, и даже тѣхъ, которыя вовсе ни-
какими контрактами обязаны не были; не понятно, какимъ
образомъ можно было, принимая существующіе контракты за
основаніе своего рѣшенія, распространять его на тѣхъ крестья-
нъ, съ которыми контрактовъ не существовало, а равно какое
представлялось основаніе, признавая силу существовавшихъ
контрактовъ, обязывать всѣхъ крестьянъ безразлично заклю-
чить съ владѣльцемъ новыя условія на указанныхъ Совѣтомъ
Управленія основаніяхъ. Наконецъ послѣднимъ пунктомъ своего
рѣшенія Совѣтъ Управленія отмѣняетъ повинности свозки строи-
тельныхъ матеріаловъ, починки плотинъ и пр., хотя и они также
основаны на тѣхъ же контрактахъ, на томъ основаніи, что
они не опредѣлены ни числомъ дней, ни количествомъ работы,
т. е. опять примѣняетъ къ нимъ постановленія указа, при-
знанныя имъ въ началѣ своего рѣшенія непримѣнимыми къ
крестьянамъ этого селенія, и несмотря на то, что возстанов-
ленная подводная повинность также не была опредѣлена ни
числомъ дней, ни количествомъ работы.

Такія противорѣчія были отчасти неизбежны; такъ какъ не
были опредѣлены «законныя основанія» повинностей крестьянъ,
то и не представлялось никакихъ твердыхъ и неизмѣнныхъ
данныхъ къ разрѣшенію дѣлъ подобныхъ изложенному, и
перечисленіе отмѣнявшихся даремщинъ, сдѣланное Совѣтомъ
Управленія, оказалось почти бесполезнымъ, ибо всегда мож-
но было подъ какимъ-либо предлогомъ оспаривать его при-
мѣненіе.

Что было причиною неудачи, постигшей предначертанія указа
26 мая 1846 года при практическомъ ихъ примѣненіи? Обык-
новенно, и въ общественномъ мнѣніи и въ печати, неудача эта
приписывается противодѣйствию землевладѣльческой шляхты при
помощи тайнаго и явнаго содѣйствія, шляхты, занимавшей въ
то время большую часть административныхъ должностей въ
Польшѣ. Такимъ объясненіемъ удовлетвориться вполнѣ нельзя.
Противодѣйствіе, оказанное шляхтою указу 1846 года, не только

въ предѣлахъ формальной законности, но весьма часто и сопряженное съ прямымъ нарушеніемъ закона, составляетъ фактъ, который не можетъ подлежать сомнѣнію, но стремленія шляхты, выразившіяся въ этомъ противодѣйствіи, и составляли именно то, что вызвало указъ 1846 года. Невозможно было и ожидать, чтобы шляхта, измѣнивъ вѣковымъ своимъ преданіямъ, стала содѣйствовать Правительству въ упроченіи быта и улучшеніи положенія своихъ хлопковъ, на свой же собственный счетъ; почему и противодѣйствіе, встрѣченное указомъ, не могло быть непредвидѣннымъ, и причину того, что оно увѣнчалось такимъ успѣхомъ, слѣдуетъ искать не въ одномъ этомъ противодѣйствіи, но и въ тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты для исполненія предначертаній указа. Мѣры эти, отличающіяся торопливостью и незрѣлостью, свидѣтельствуютъ о томъ отсутствіи пониманія неизбѣжныхъ условій всякой крестьянской реформы и знанія условій мѣстнаго крестьянскаго быта, съ которымъ они были приняты. Поверхностно отнеслось тогдашнее управленіе Польши къ трудному и сложному крестьянскому дѣлу, думая, что посредствомъ нѣсколькихъ канцелярскихъ распоряженій и табелей, самими владѣльцами составленныхъ и никѣмъ не повѣренныхъ, возможно было, начавъ реформу съ сентября 1846 года, успѣшно окончить ее въ январѣ 1847 г. При первомъ примѣненіи къ дѣлу новыхъ началъ возникла цѣлая масса практическихъ вопросовъ, которыхъ администрація вовсе не предвидѣла и которые, по отсутствію опредѣленныхъ основаній для ихъ разрѣшенія, разрѣшались протиорѣчиво, неравномѣрно и такъ сказать какъ попало. Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ вся дѣйствительная сила и власть были въ рукахъ среднихъ, а еще болѣе низшихъ органовъ администраціи, т. е. самой же землевладѣльческой шляхты, въ лицѣ войтовъ гминь, и уѣзнаго и губернскаго чиновничества, которому мелкіе шляхетскіе интересы были конечно ближе предначертаній Русскаго Правительства на пользу крестьянъ.

Въ то время, когда изданъ былъ указъ 1846 года, основанія, на которыхъ могла быть совершена крестьянская реформа въ Польшѣ, еще не успѣли, такъ сказать, вполне выясниться и созрѣть, поэтому немудрено, что мѣры, принятыя для осуществле-

нія этого указа, въ дѣйствительности и не привели къ тѣмъ практическимъ результатамъ, которыхъ можно было отъ него ожидать; но тѣмъ неменѣе указъ 21-го мая 1846 г. былъ актомъ первостепенной важности въ исторіи польскаго крестьянства. Если онъ и не привелъ, тотчасъ по его изданіи, къ улучшенію быта крестьянъ, онъ все-таки сталъ первымъ основаніемъ, на которомъ это улучшение сдѣлалось возможнымъ; онъ сталъ такъ сказать гранью, за которой осталось прежнее безправіе крестьянъ и до которой всегда возможно было дойти при будущемъ устройствѣ ихъ положенія. Не будь этой грани, гдѣ было бы найти основаніе къ возстановленію правъ крестьянъ, правъ, растерянныхъ и затертыхъ въ длинномъ рядѣ годовъ четырех-вѣковаго шляхетскаго самоуправства? И такъ уже на крестьянскую реформу 19 февраля 1864 года въ Польшѣ сыпались упреки въ неуваженіи правъ собственности, хотя она и не выходила, въ отношеніи поземельныхъ правъ крестьянъ за предѣлы начертанные указомъ 1846 года; трудности задачи послѣдней реформы были бы едва преодолимы, еслибы для укрѣпленія за крестьянами ихъ правъ на землю ей пришлось отыскивать эти права въ давнемъ прошломъ, гдѣ до Вислицкаго статута она ничего бы найти не могла, или пришлось прибѣгнуть къ какой-либо произвольно установленной нормѣ, не оправдываемой никакимъ историческимъ основаніемъ.

Разсматриваемый съ этой, единственной исторически-справедливой, точки зрѣнія, указъ 26 мая 1846 г. является мѣрою, имѣвшею самое благодѣтельное вліяніе на судьбу польскихъ крестьянъ, ибо онъ приготовилъ основаніе для ея устройства, послѣдовавшаго когда событія сдѣлали сіе возможнымъ. Наряду съ Высочайшими Указами 19-го февраля 1864 г. указъ 1846 г. имѣетъ право на вѣчную признательность польскаго крестьянина.

XV.

Мѣры, послѣдовавшія послѣ указа 1846 года.—Постановленіе Совѣта Управленія 1858 года о сдѣлкахъ по очиншеванію. — Характеристика операціи, называвшейся очиншеваніемъ. — Указъ 1861 года объ окупѣ и указъ 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи. — Заключение.

За изданіемъ указа 1846 года послѣдовалъ пятнадцатилѣтній періодъ, въ теченіе котораго никакихъ мѣръ къ устройству крестьянъ въ Польшѣ предпринимаемо не было, если не считать постановленія Совѣта Управленія 16 декабря 1858 года о сдѣлкахъ по очиншеванію, не имѣвшаго почти никакихъ прямыхъ практическихъ результатовъ, ибо имѣній, устроенныхъ согласно съ правилами этого постановленія, оказалось во всей Польшѣ съ небольшимъ двадцать. Не излишнимъ будетъ здѣсь для тѣхъ, кто незнакомъ близко съ крестьянскимъ бытомъ Польши, нѣкоторое объясненіе операціи, называвшейся очиншеваніемъ. Очиншеваніе значитъ собственно переводъ крестьянъ съ панщизны на чиншъ, т. е. съ издѣльной повинности на оброкъ. Но это выраженіе рѣдко принималось въ Польшѣ въ такомъ тѣсномъ смыслѣ; съ очиншеваніемъ по большей части сопряжено было, кромѣ перевода натуральныхъ повинностей, или части ихъ, на денежные, и переустройство крестьянскихъ земель, т. е. отводъ ихъ къ однимъ мѣстамъ, если онѣ состояли въ череполосности съ землями фольварочными, что называлось регуляціею, а иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и размежеваніе

крестьянскихъ участковъ между собою, что называлось устройствомъ крестьянъ колониальнымъ способомъ.

Большая часть владѣльцевъ смотрѣла на очиншеваніе съ сопровождавшими его регуляціями и колониальнымъ устройствомъ какъ на средство удобнѣе и выгоднѣе устроить свои фольварки и избавиться отъ весьма стѣснительныхъ для нѣкоторыхъ хозяйствъ крестьянскихъ сервитутовъ. Идеаломъ очиншеванія для имѣнія, въ которомъ крестьянская деревня была расположена въ близкомъ сосѣдствѣ фольварка и крестьянскія поля расположены были въ череполосности съ фольварочными, было отрѣзать всѣ ближайшія, и потому всегда лучше обработанныя и удобренныя поля подѣ фольварки, а крестьянъ расселить гдѣ-нибудь въ сторонѣ, по окраинамъ имѣнія, и если возможно было, то колониальнымъ порядкомъ, т. е. каждому нарѣзать особый участокъ и заставить его на этомъ участкѣ выстроиться; при-этомъ взаимнѣ пастбищныхъ и лѣсныхъ угодій дать крестьянамъ по клочку добавочной земли, которая, въ особенности при колониальномъ устройствѣ, никакимъ образомъ этихъ угодій замѣнить не могла. Такимъ путемъ всѣ хозяйственныя цѣли достигались вполне: фольваркъ былъ округленъ и хозяйство ничѣмъ не было стѣснено; сервитуты были уничтожены; рабочая сила находилась по близости и по стѣсненному положенію крестьянъ всегда въ зависимости владѣльца; бывшая деревня расплывалась по отдѣльнымъ, разбросаннымъ хатамъ, и съ разъединенными въ своихъ интересахъ хозяевами ихъ было гораздо удобнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ прежнею крѣпко сплоченною, деревенскою громадою. Всѣ совершенныя въ Польшѣ очиншеванія представляютъ стремленія къ достиженію этого идеала, и всѣ ихъ можно расположить въ извѣстной градаціи, по степени приближенія къ этой цѣли.

Весьма понятно, что при этихъ условіяхъ крестьяне относились къ очиншеванію весьма непріязненно; они охотно соглашались переходить съ издѣльной повинности на денежную, но почти никогда не соглашались на регуляціи и колониальное устройство. Регуляція часто была необходима, ибо, при череполосности и общности пастбищъ по полямъ, невозможно было вести улучшеннаго многопольнаго хозяйства, и въ Польшѣ, гдѣ

сельское хозяйство вообще стояло на довольно высокой степени развитія, эти неудобства ощущались очень сильно, и вряд-ли регуляція встрѣчала бы со стороны крестьянъ такое сопротивленіе, еслибы она производилась безобиднымъ для нихъ образомъ, такъ какъ и ихъ хозяйство она избавляла отъ неизбѣжной зависимости отъ хозяйства владѣльческаго; этому даже было нѣсколько практическихъ примѣровъ.

Но нельзя сказать того же о колоніальномъ устройствѣ. Это устройство могло быть умѣстнымъ тамъ, гдѣ крестьяне пользовались большими участками земли, т. е. въ имѣніяхъ казенныхъ и маіоратныхъ и въ весьма не многихъ частныхъ имѣніяхъ; притомъ въ имѣніяхъ казенныхъ, при колоніальномъ ихъ устройствѣ, по большей части не принуждали крестьянъ уничтожать селенія и выстраиваться каждому на своемъ участкѣ. Тамъ же, гдѣ крестьянскіе участки занимали небольшое пространство, т. е. въ большинствѣ владѣльческихъ имѣній, колоніальное устройство, особенно же сопряженное съ расселеніемъ крестьянъ, было для нихъ всегда крайне неудобнымъ и невыгоднымъ. Главною причиною тому было то, что крестьяне, при такихъ распредѣленіяхъ земли, совершенно лишались возможности пасти скотъ по парамъ и по жнивьямъ по снятіи хлѣба, что было весьма важно, ибо отводимыя имъ общія пастбища, когда таковыя отводились, были недостаточны и почти всегда состояли изъ самой негодной земли, изъ которой нельзя было извлечь пользы никакимъ инымъ образомъ. Притомъ польскій народъ, какъ и всѣ славянскіе народы, привыкъ жить селами и ему крайне нелюбо было оставлять насиженные въ теченіе долгихъ лѣтъ мѣста и селиться по одиночкѣ на пустыряхъ.

Непонятно, какая могла быть въ виду выгода въ такомъ раздробленіи крестьянскихъ земель на мелкія части и въ расселеніи крестьянъ на этихъ полосахъ, гдѣ часто жить было весьма неудобно за неимѣніемъ по близости воды и по другимъ причинамъ. Но польскіе землевладѣльцы имѣли какую-то особенную слабость къ такому способу устройства крестьянъ, онъ представлялся имъ идеаломъ экономическаго совершенства и нѣкоторые изъ нихъ предпринимали его даже съ немалыми съ своей стороны жертвами, выстраивая крестьянъ

на свой счетъ и предоставляя имъ разныя льготы. Крестьяне же, несмотря на это, всегда были недовольны и всегда жаловались.

При очиншеваніяхъ такого рода случалось нерѣдко, что крестьяне вовсе лишались земли, ибо они не соглашались брать вновь отводимыхъ имъ участковъ, и тогда владѣлецъ прогонялъ ихъ, а на ихъ мѣста селилъ другихъ охотниковъ, приходившихъ со стороны, которымъ, какъ ничего не потерявшимъ, и новые надѣлы представлялись довольно выгодными. Бывали и такіе случаи, что владѣльцы просто сгоняли крестьянъ, а потомъ гдѣ-нибудь, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ своего имѣнія отводили пространство земли равное или больше прежняго крестьянскаго надѣла и отдавали эту землю подъ новую колонію, разнымъ охотникамъ, а весьма часто нѣмцамъ, выселявшимся изъ Пруссіи. Такія дѣйствія владѣльцы считали вполнѣ законными и называли ихъ просто замѣнами крестьянскихъ земель, регуляціею, колониальнымъ устройствомъ и пр.

При такомъ положеніи дѣлъ, постановленіе Совѣта Управленія 18 декабря 1858 года, о сдѣлкахъ по очиншеванію, имѣло важное значеніе, хотя это значеніе и было совершенно отрицательное; ибо оно сдѣлало возможнымъ и неизбѣжнымъ не признавать силы всѣхъ этихъ очиншеваній, если они не были совершены по правиламъ, этимъ постановленіемъ установленнымъ; а очиншеваній, согласныхъ съ этими правилами, оказалось, какъ выше сказано было, ничтожное количество. Этотъ фактъ весьма легко объясняется тѣмъ, что не легко было заставить крестьянъ согласиться на очиншеваніе, затѣваемое по описанному выше идеалу, и совершить при-этомъ правильный нотаріальный контрактъ, какъ то требовалось этими правилами. Самое постановленіе Совѣта Управленія не было издано съ цѣлью принуждать владѣльцевъ или крестьянъ къ совершенію очиншеваній, ибо это предоставлялось вполнѣ добровольному ихъ соглашенію, но оно имѣло въ виду лишь огражденіе крестьянъ отъ сдѣлокъ, которыя представлялись владѣльцами, якобы, добровольно совершенными и которыя тѣмъ неменѣе клонились къ разоренію крестьянъ.

Эта цѣль ясно видна изъ примѣчанія къ 1 ст. этого по-

становленія, въ которомъ сказано: «Какъ по опыту доказано, что чиншевые договоры, хотя и добровольно заключаемые, неоднократно вмѣщали въ себѣ условія, противныя будущему благосостоянію поселянъ, измѣненіе же таковыхъ условій вызывало со стороны владѣльцевъ жалобы и отстраняло ихъ нѣкоторымъ образомъ отъ заключенія добровольныхъ чиншевыхъ сдѣлокъ, то для предотвращенія сего указаны въ настоящемъ постановленіи всѣ условія, на основаніи коихъ можно входить съ поселянами въ сдѣлки объ очиншеваніи, слѣдствіемъ чего, каждый владѣлецъ напередъ будетъ знать, что заключенный имъ контрактъ не подвергнется измѣненію.» ¹⁾

Это замѣчаніе Совѣта Управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, до какой степени слѣдуетъ довѣрять добровольнымъ сдѣлкамъ, которыя владѣльцы принуждали крестьянъ заключать, и обнаруживаетъ то безправное положеніе, въ которомъ находились крестьяне, несмотря на указъ 1846 года, и которое принуждало ихъ соглашаться на такія условія, которыя явно клонились къ ихъ вреду.

19 февраля 1861 года совершилось въ Россіи уничтоженіе крѣпостнаго права. Державное слово освобожденія, отъ котораго вострепнулся весь русскій народъ, не могло не отозваться и въ средѣ народа польскаго. Это событіе застало Польшу въ печальныхъ обстоятельствахъ; смуты, обратившіяся вскорѣ послѣ того въ открытый мятежъ, уже проникали весь ея общественный строй и овладѣли умами ея населенія. Крестьяне же, до которыхъ доходили смутные слухи о дарованной русскимъ крестьянамъ свободѣ и правѣ собственности на землю, инстинктивно, но твердо вѣрили, что эти благодѣянія должны были распространиться и на нихъ. Событія оправдали ихъ ожиданія, но до изданія указа 19 февраля 1864 года прошли три года смутнаго времени, въ продолженіе которыхъ приняты были нѣкоторыя палліативныя мѣры къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Мѣрами этими были указъ 4 мая 1861 года объ окупѣ и указъ 24 мая 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи. Ни та, ни

¹⁾ Сборн. прежн. узак., стр. 68.

другая изъ этихъ мѣръ не имѣла вліянія на будущее польскаго крестьянскаго населенія.

Указъ объ окупѣ явился мѣрою своевременною, ибо онъ уничтожилъ обязательную издѣльную повинность, которую крестьяне рѣшительно отказывались исполнять, и замѣнилъ ее повинностью денежною по особой таксѣ, установленной по четыремъ отдѣламъ, на которые раздѣленъ былъ въ этомъ отношеніи край. Вскорѣ послѣ изданія этого указа составлена была особая инструкция для взысканія установленнаго окупа, передававшая это дѣло въ руки судебной власти. Эти распоряженія заслуживали бы подробнаго разбора, еслибы они не были такъ сказаны осуждены на бездѣйствіе при самомъ своемъ появленіи, въ тогдашней дѣйствительности—совершившимися событіями, а затѣмъ и въ законѣ, послѣдовавшемъ тотчасъ по прекращеніи этихъ событій. Что же касается положенія объ обязательномъ очиншеваніи, то оно осталось вовсе безъ всякаго практическаго примѣненія. ¹⁾

Изложеніе событій послѣдняго мятежа, имѣвшихъ отношеніе къ крестьянскому населенію Польши, не входитъ въ программу настоящихъ очерковъ. Въ средѣ землевладѣльческой шляхты послѣднее революціонное движеніе не вызвало серьезнаго желанія и сознанія необходимости принести нѣкоторыя жертвы для устройства ея отношеній къ крестьянамъ. Земледѣльческое общество, устроившееся въ 1860 году и сдѣлавшееся ея представителемъ, ограничилось пышными фразами и ничего не обѣщавшими обѣщаніями; а такія происшествія, какъ угощеніе въ Варшавѣ крестьянъ пышными обѣдами въ лучшихъ отеляхъ, въ знакъ примиренія и братства, катаніе ихъ по городу въ щегольскихъ экипажахъ польской аристократіи, и тому подобное, достойны вниманія, единственно какъ политическія демонстраціи, а не какъ событія, заслуживающія упоминанія въ исторіи крестьянъ. Большая часть крестьянъ и не знала объ нихъ, и они не могли изгладить въ нихъ чувства недовѣрія къ

¹⁾ По правиламъ этого положенія оказалось всего очиншеваннымъ съ небольшимъ 200 крестьянскихъ участковъ.

землевладѣльческой шляхтѣ, чувства, основаннаго на вѣковомъ опытѣ. Равнымъ образомъ не довѣряли крестьяне и обѣщаніямъ, которыя расточали имъ руководители революціоннаго движенія; во многихъ мѣстностяхъ они прекратили отбываніе всякихъ повинностей въ пользу владѣльцевъ, но далѣе этого въ содѣйствіи своемъ революціоннымъ замысламъ не шли. Репрессивныя мѣры, иногда весьма жестокія, которыя вызвало упорство крестьянъ со стороны предводителей разныхъ мятежныхъ шаекъ, не могли поколебать вѣрности крестьянъ законному правительству; они были убѣждены, что отъ него одного они могутъ ожидать дѣйствительнаго, а не призрачнаго только, признанія своихъ правъ и улучшенія своего положенія и продолжали содѣйствовать водворенію порядка, насколько то отъ нихъ зависѣло.

Положеніе, принятое крестьянами въ Польшѣ, во время послѣдняго мятежа, не могло не обратить на себя особаго вниманія Правительства и первую мѣрою принятою имъ, по прекращеніи открытаго возстанія, была крестьянская реформа 19 февраля 1864 года.

На этой реформѣ оканчиваются очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ; она составляетъ рубежъ, которымъ отдѣляется ихъ прошедшее отъ ихъ настоящаго и будущаго. Каковы бы ни были впослѣдствіи сужденія объ этой реформѣ, несомнѣнно то, что всѣ друзья справедливости и исторической правды признаютъ, что она оказала крестьянскому населенію Польши такую услугу, которую врядъ-ли было бы способно оказать ему само польское общество.

Всѣ Европейскіе народы прошли черезъ крѣпостное право, но крѣпостное право въ государствахъ западной Европы возникло по другимъ причинамъ и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ государствахъ славянскихъ. Тамъ оно было отчасти наслѣдіемъ Рима, а отчасти слѣдствіемъ завоеванія и принадлежностью феодальной системы; въ земляхъ славянскихъ оно возникло по другимъ обстоятельствамъ и возникло гораздо позже, нежели въ государствахъ западно-европейскихъ. Въ Россіи оно развилось и приняло окончательное свое устройство почти уже

въ то время, когда на западѣ готовился тотъ переворотъ, который положилъ начало его уничтоженію. ¹⁾

Крѣпостное право въ Польшѣ вошло въ силу гораздо ранѣе, чѣмъ въ Россіи, и гораздо позже, чѣмъ въ государствахъ западно-европейскихъ. Въ Польшѣ оно было продуктомъ двоякаго рода причинъ: внутреннихъ и внѣшнихъ. Первыя заключались въ самыхъ основахъ первоначальнаго устройства польскаго общества, и рано или поздно должны были бы, если и не привести къ крѣпостному праву, то по крайней мѣрѣ заставить пройти польское государство черезъ періодъ внутренней борьбы, для установленія тѣхъ отношеній между земледѣльческими и землевладѣльческими классами, которыя уже были сбивчивы и неопредѣленны въ древнемъ польскомъ обществѣ; вторыя, т. е. внѣшнія, измѣнили ходъ естественнаго развитія этого, вложеннаго въ самое основаніе польскаго общества, вопроса, и съ самаго начала столкнули его, такъ сказать, съ національной дороги, чѣмъ и имѣли самое пагубное вліяніе на всю судьбу земледѣльческаго населенія Польши и сдѣлали изъ нея такой недугъ, который оказался смертельнымъ для Польскаго государства.

Первою изъ этихъ внѣшнихъ причинъ, изъ которой развились всѣ остальные, было вліяніе сосѣдней Германіи, навязавшей Польшѣ нѣкоторыя изъ своихъ государственныхъ началъ, изъ которыхъ самое пагубное было образованіе въ Польшѣ, совершенно несвойственной славянскому народу, аристократіи, которая въ свою очередь сдѣлала невозможнымъ утверженіе крѣпкой верховной власти.

Католицизмъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій для введенія въ жизнь и бытъ Польши этихъ нѣмецкихъ понятій; чѣмъ дальше, тѣмъ больше сходило Польское государство съ

¹⁾ У насъ настоящее крѣпостное право установилось лишь со втораго десятилѣтія XVIII вѣка, со времени первой ревизіи при Петрѣ I въ 1719 г. (Бѣляевъ, Крест. на Руси, стр. 10, 251 и слѣд.). Въ срединѣ XVIII столѣтія началось уже во Франціи то движеніе, которое произвело въ концѣ его французскую революцію окончательно снесшую крѣпостное право. (Bonnemère, «Histoire des paysans», Т. II, livre V, chap. VIII, IX, X).

своей народной, славянской почвы и обратилось наконецъ въ странную аристократическую республику—Рѣчь Посполитую, олицетворившую собою смѣшеніе нѣмецкаго аристократизма съ славянскимъ равенствомъ.

Но по мѣрѣ того, какъ высшіе классы Польскаго народа, присвоивши себѣ исключительное на то право, дѣлали государственное дѣло Польши, земледѣльческое ея населеніе, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ добиться признанія въ немъ своихъ правъ, стало мало по малу относиться къ нему если не враждебно, то совершенно равнодушно; въ этомъ отношеніи исторія польскаго крестьянства представляетъ такой поучительный примѣръ, который не встрѣчается въ исторіи крестьянства ни одного изъ народовъ Европы. Естественнымъ олицетвореніемъ государства въ глазахъ крестьянина и естественною его опорю и защитою служить верховная власть; эта власть была такъ слаба въ Польшѣ, что она не могла никогда собрать около себя разрозненныя массы крестьянства, опереться на него и въ свою очередь защитить его отъ произвола шляхты; вслѣдствіе этого польскій хлопь на мѣстѣ государства привыкъ видѣть своего пана и когда пробилъ часъ распаденія Польскаго государства, то польскій крестьянинъ не шевельнулся на его защиту. Этотъ фактъ достоинъ особаго вниманія; онъ составляетъ исключительную принадлежность Польской исторіи.

